

ИРИНА МУРАВЬЕВА

РОЗАЛИНДА

ДЕТЕКТИВ

Annotation

Выпускница Академии Детективов- Розалинда- получила первое задание. Ее цель — попасть на закрытый аукцион, проводимый загадочным Александром Магсом. Сможет ли Розалинда разгадать тайну, когда на кон поставлены жизни всех, кто участвует в аукционе?

Господин Холмс наконец-то дал мне здание! Я ужасно волнуюсь! И даже сейчас, когда я еду в повозке, направляющейся в таинственный замок Гремор, мне очень сложно успокоить свои нервы. В замке за последнее время исчезло три горничных, и хозяйка — старая госпожа Магс, подозревает самое худшее. Правда что, я пока не знаю... Но обо всем по порядку.

Меня зовут Розалинда Шаллоу. Для друзей — просто Розы. Совсем недавно я окончила детективные курсы господина Холмса, и именно меня, как лучшую ученицу, он выбрал для выполнения первого задания. Большая честь. Особенно учитывая, что на курсах нас было всего трое. Но работа есть работа, и я не могу не нервничать.

За последние годы я сменила слишком много работ, чтобы потерять и эту. Конечно, наше королевство Серебряных Гор — волшебное. У нас живут маги (лично я знаю на этом поприще аж троих умельцев превращать воду в выпивку разного качества), прекрасных девиц спасают рыцари (тут мне везет меньше, чем с магами — все мои рыцари превращаются в жаб еще до полуночи), и нередко можно наткнуться на магических существ (с этим, увы, вечные проблемы. Сейчас, подозреваю, повозкой управляет не человек, а вурдалак). И все же, несмотря на все эти чудеса, возглавляемые великодушными королем и королевой, простым людям нужно есть. Даже в волшебном королевстве. (Скажу больше, есть надо даже магам, рыцарям, и вурдалакам). Поэтому найти приличную работу в наши сложные времена не легко. В свои двадцать с небольшим хвостиком я была: 1 — странствующим картографом. Что за работа, спросите вы? Очень хорошая, уважаемая работа. Ездишь себе по всяким графствам и проверяешь, не объединили ли соседи два маленьких графства в одно побольше, или наоборот. Всякое бывает: браки, войны, незваные наследники... Потом все эти поправки заносишь в картографический реестр Серебряных Гор. И все карты нашего Королевства мгновенно меняются в соответствии с поправками. Хорошая работа. Но скучная. Личность я творческая, и меня на этой работе не понимали. Ну нарисовала я раз не те границы. И что? Надо было самим быстрее решать: делить все между тремя сыновьями на два равных графства, а младшего — по миру, или отдать все старшему, а младших пустить по миру. Ой, я хотела сказать «на поиски счастья». В общем: я нарисовала свой вариант дележки, который не обидел бы никого, а он случайно попал в реестр. Так и я пошла «искать счастье» дальше.

2 После я была «чтицей». Тоже профессия уважаемая. Я приходила в дома к людям и, за вознаграждение, читала им. Зачем? И не могут ли сами люди почитать себе? Все просто. Во-первых, не у всех есть время читать и вычитывать. Во-вторых... хм. а во-вторых, у богачей свои причуды. Чаще всего я читала людям их родословные книги. Или исторические трактаты. Вещи скучные, тягомотные, но обязательные для каждого аристократа. Вот и придумали уловку: «чтицы» читают, аристократ отдыхает, а галочка, что он родословную вместе с историей родных Гор знает — есть. Но на этой работе меня подвела моя красота. Хоть и не высокая, я аккуратно сложена. У меня прекрасные волосы морковного цвета, зеленые глаза и, как я сама считаю, очаровательные веснушки. Мало кто может устоять. И вот наняли меня для одного аристократа родословную почитать. А мальчишка начал... ну, в общем, я девушка приличная, не для того шла в «чтицы», чтобы на диване лежать. Даже в аристократической компании. Ушла я.

3 Последние пол года я работала в пекарне. Тут и объяснять нечего. Ею владеет моя тетя- самая добрая из всех многочисленных родственников. Люди мы не богатые. Без чинов и магических способностей. Зато друг друга всегда поддерживаем. И тетя была добра ко мне, хоть в пекарне толку от меня было мало: лишь муку просыпала, да помощнику пекаря мешала сосредоточиться. (Ох, моя дьявольская красота...) Но не мое это! Не могу и не хочу сидеть в пекарне! И я пошла на курсы детективов. Их как раз набирал милейший старичок по фамилии Холмс. (Странная фамилия, не здешняя какая-то. Впрочем, говорят, его раньше звали Нейл Кертон. Но для своего дела он фамилию решил сменить. Почему на Холмс? Может начитался чего? Не знаю.) Господин Холмс долго сам вел дела, но теперь совсем состарился, и решил открыть кантору. Он набрал учеников — меня и еще двоих молодых людей — и после пяти месяцев обучения, вот оно: мое первое задание. О луна, как же я волнуюсь! Я не могу упустить этот шанс. Не могу вернуться в пекарню. Я хочу жизни. Приключений. Любви. Всего того, чего не найти в белой пыли муки. И, хоть я всего лишь бедная девчонка из маленького городка, я верю в себя, и не упущу судьбу. Чего бы это не стоило.

Я была готова к разочарованиям. В жизни я являюсь реалисткой. И еще я очень здравомыслящий человек. (Как иначе господин Холмс доверил бы мне задание?) Но такого разочарования я не ждала никак: замок Гремор, семейное гнездо семьи Магс — придворных магов, входящих в двадцать четыре семьи, обладающих Королевскими Дублонами, — оказался не более чем миленьким домиком с небольшой башенкой. Этакое кремово-кирпичное строение, вокруг которого не было ни рва, ни твердых неприступных стен, я уже не говорю о каменных горгульях и прочих обязательных атрибутах замка. Я, как человек не столь часто имеющий возможность посещать семейные замки, была разочарована. Я прошла по красивому розовому парку(повозка высадила меня еще за несколько километров от места назначения) и остановилась возле невысокой лесенки, украшенной цветочными вазами. По всей видимости, меня никто не ждал. Я поднялась по лестнице и позвонила в небольшой дверной колокольчик. Несколько минут за дверью была тишина, и я уже собиралась позвонить во второй раз, как дверь открылась, и на пороге предстала худенькая дама лет пятидесяти. Хрупкую, седоволосую, в круглых очочках, ее легко можно было принять за домоправительницу, но я читала слишком много семейных древ с портретами, и потому знала — меня встречает ни кто иная, как госпожа Магс. Я мгновенно согнула сове тело в глубоком поклоне.

— Моя лэди, — поприветствовала я ее.

— Вы, верно, ученица Нэйла? — мягко спросила дама.

Я разогнула спину.

— Розалинда Шаллоу, — представилась я.

— Не стойте в дверях, проходите, — позвала меня за собой хозяйка замка.

Я сделала шаг и очутилась в полной темноте прихожей. Все окна были закрыты тяжелыми деревянными рамами, и из их щелей падал лишь редкий солнечный свет.

— Летом эта сторона все время на солнце, — словно прочла мои мысли госпожа Магс, — Я закрываю шторы, чтобы не повредить картины.

Конечно, никаких картин из-за резкой смены солнца и тьмы в моих глазах, я разглядеть не смогла. Да и не хотела разглядывать. Все мое мироощущение было направлено на то, чтобы не наткнуться на что-либо и не упасть. Хотя краем глаза и все же уловила

позолоченный камин, и какие-то олени рога над ним. Но лишь мои глаза начали привыкать, как госпожа Магс раскрыла широкие двери, до которых мы добрались, и меня залило потоком солнечного света.

— Садитесь, — предложила мне госпожа Магс.

Демоны! Если бы я видела куда! Но, слава луне, через пару секунд мои глаза оклемались, и я заметила, что теперь мы находимся в светлой комнате, украшенной вставками зеленого узора с птицами. Я послушно присела на обитый зеленым шелком стул. Госпожа Магс села напротив, в высокое кресло, стоящее спиной к окну, свет из которого лился так, что саму лэди замка я совсем не видела.

— Приступим к делу, — не замедляя, сказала мне моя собеседница.

Я кивнула. Волна нервов приступила к моему горлу, и говорить я просто не могла.

— На данный момент пропали уже три моих горничных, — сказала лэди Магс, — Первая — две недели назад. Через четыре дня еще одна, и последняя исчезла через шесть дней, после второй. Все горничные жили в верхних комнатах замка: окна там совсем маленькие — чердачные — так что побег через них исключен. Никто так же не видел этих девушек выходящих из ворот поместья. Так же не было слышно ни шума, ни звуков борьбы. Куда и по каким причинам пропали девушки — загадка. Ради этого мы и вызвали Вас сюда. Прошу приступить к делу немедленно, так как я уже совсем устала сама открывать всем двери замка, словно прислуга. За последнюю неделю меня это очень сильно утомило.

Госпожа Магс всплеснула руками и тяжело вздохнула.

Мне тоже хотелось набрать в легкие воздуха, так как дышать в маленькой залитой солнцем комнатке было невыносимо жарко, но я превозмогла себя и ответила, стараясь не выдавать свою нервозность.

— Я не могу расследовать это дело, — сказала я.

— Неужели? — тон госпожи Магс кардинально сменился. Вместо холодного, он стал ледяным.

Мои нервы натянулись, как струна. А если я не права? Хотя нет, я всегда права. Мысля иначе нельзя победить.

С этим, я продолжила:

— Я не могу расследовать это дело, так как никакого дела нет. Ваш замковый парк окружен лесом, и на входе нет никакой охраны, кроме двух каменных столбов. Но и они не волшебные — господин Холмс снабдил меня четким индикатором волшебных предметов. Поэтому — пожелай горничные уйти за пределы ваших владений, никто и не видел бы их выходящими. И это лишь первое. Второе: в вашем замке нет чердачных помещений. Самые верхние окна — большие, с разноцветным стеклом. Там вряд ли живут горничные — слишком нарядно, а если бы и жили — открыть такое окно, для похитителя красоток, и спуститься с жертвами по плющу, обвивающему замок — нет ни малейшей сложности.

— То, что в моем замке большие окна — не исключает того, что у меня пропали горничные, — раздраженно проговорила лэди замка.

— Конечно, — согласилась я с ней, — Но вы дали заведомо ложные сведения. Странно, правда? Или не странно, — я сделал паузу, — Даже совсем не странно учитывая то, что вы — не госпожа Магс.

Ответом мне была тишина, и я продолжила:

— Дверь мне открыла истинная Лэди Магс — я узнала ее по портретам в родовых книгах. Но потом, в какой-то момент, пользуясь тем, что глаза мои привыкали ко тьме в

прихожей, а потом снова к яркому свету комнаты, вы подменили мою лэди. Конечно, вы сейчас сидите ко мне лицом, но его не видно — вы в высоком кресле, а по бокам окна. Но на руке, лежащей на спинке кресла, нет родового перстня, да и показания ваши снова вас выдали: по ним последняя горничная пропала четыре дня назад, а вы замучились открывать двери целую неделю. Думаю последнее не уместно. Ведь вы — горничная.

Я закончила. Я выдохнула. Мое состояние было близким к обмороку.

Моя собеседница молчала.

Все. Я провалилась. Оскорбила титулованную особу. Приближенную короля. Моя карьера детектива рухнула, не успев начаться. И это если повезет. В противном случае я уеду отсюда, получив розгами по спине. Но тут в комнате послышались аплодисменты.

— Bravo! Bravo! Вы — именно та, кто мне нужен!

Из темноты прихожей, оставшейся за нами, выплыла настоящая госпожа Магс.

— Лили, брысь! — игриво сказала она даме, сидевшей на ее кресле.

Та послушно встала и покинула комнату.

— Я в восторге! — продолжала тем временем моя лэди, — Вы все заметили. Даже то, что в прихожей я поменялась местами с одной из своих девочек!

Я молчала. Улыбалась. Кивала. Моя лэди расплывалась в улыбке, и чуть ли не хлопала в ладоши.

Да, я заметила, но все же ситуация была крайне странной. Зачем все это? Игры богатеев? В таком случае — я не пешка.

— Ваш предшественник начал настоящее расследование. Расспрашивал повара. Конюха. Полазил по подвалам. Даже выявил, что бедная Лили ждет малыша. Будто я не знаю! — продолжала госпожа Магс.

Я чувствовала себя все более и более уязвленной. На спектакль я билетов не покупала.

И тут, вдоволь насмеявшись, моя лэди остановилась. Она подошла ко мне. Взяла мою руку. Пристально посмотрела в глаза.

— Скажите теперь только одно: можно ли доверять вам в хранении тайны? — прошептала она, и добавила, — Увы, этого не выявишь никаким тестом.

Ее карие глаза при этом были грустны. На лице четко виднелись морщинки. Она хотела знать мой ответ. И он должен был быть правдивым.

— Да, — ответила я, — Вы можете доверять мне.

Лэди крепче сжала мою руку.

— Вы клянетесь?

Внутри меня похолодело. Я, конечно, могу хранить тайны. Не сказала же я никому, что наш пекарь тайком вяжет фуфайки своей молочной корове... Но тут, похоже, дело было серьезней коровы и ее комфорта.

Рука госпожи Магс сжимала мою, словно тиски. Мне казалось, что вот-вот, и она отпечатает на мне свой фамильный перстень.

Я, все еще сидя на стуле, посмотрела на свою собеседницу, и еще раз произнесла:

— Да, я...

И тут меня прервали.

— Перестаньте, матушка, эта девушка — вовсе не та, кто нам нужен, — прозвучал мужской голос.

Я обернулась в темноту прихожей, все еще зияющую за мной, и увидела его. Высокий мужчина с каштановыми волосами и глазами цвета спелой вишни. Он подошел к моему

стулу, взял мою руку из руки своей матери, помог мне встать, и, держа мою ладошку в своей руке, мягко сказал:

— Пожалуйста, уезжайте домой.

Наверное, такое бывает лишь раз в жизни. Когда видишь человека, и понимаешь: твоей обычной жизни пришел конец. И это случилось со мной сейчас. Его теплые глаза, и то, как он взял мою руку, и мягко, словно заботясь обо мне, хоть он меня совсем и не знал, сказал «Пожалуйста, уезжайте...»

Александр Магс. Сын лэди замка. Я стояла и смотрела на него, широко открыв глаза, и стараясь запомнить каждую его черту: нос с легкой горбинкой, красивые бледные губы, его рост — более чем на три головы выше меня, и тонкость пальцев, держащих мои пальцы... А потом он выпустил мою руку и снова заговорил.

— Мама, нам нужен нормальный детектив, а не пекарша с амбициями.

И, наверное, такие моменты тоже бывают... Я поняла: этого сноба я не-на-вижу.

— Позвольте, — открыла я рот, — Я представитель...

Закончить мне не дали.

— Я знаю, кто вы. Глупая девчонка, окончившая какие-то там курсы. Я наводил справки о вас. Уезжайте. Пожалуйста. Или я приму меры.

Последние было сказано уж точно без тени какой-либо заботы. Тут за меня вступилась госпожа Магс.

— Я полностью довольна этой девушкой, Александр. И нам не нужен в этом деле «известный» человек. Поэтому очень прошу тебя оставить свое мнение при себе.

Александр обнажил белоснежные зубы, шипя на мать:

— Неужели вы не понимаете, что стоит у нас на карте?

Но лэди Магс так просто было не сломить. Она гордо подняла голову, и, холодно, будто перед ней был вовсе не родной сын, сказала:

— Александр, ты забываешь, кто в нашей семье является главой. Мы берем эту девушку. Это последнее слово. Знай впредь свое место!

На долю мгновения лицо Александра скривилось от ярости, но то была лишь секунда. Или мне все почудилось? Так как уже в следующий миг он галантно кивнул мне, и, произнеся «Простите, матушка, я прервал Вас», отошел в сторону.

Госпожа Магс снова посмотрела на меня. Она не извинялась за сцену. Не представляла мне своего сына (благо его я тоже узнала по портретам в родовых книгах). Она лишь снова взяла мою руку (интересно, перенесет ли бедная рука такие бои за нее, если все и дальше пойдет так?) и спросила:

— Так вам можно доверять, Розалинда Шаллоу?

Я посмотрела на госпожу Магс, с ее твердым, уверенным взглядом, потом на ее сына, в вишневых глазах которого на долю секунды снова мелькнула лютая ненависть, и ответила:

— Да.

Да, я, похоже, влипла. И дело хуже, чем если бы всех горничных замка убил сам синяя борода. Но разве не ради риска я покинула родной дом?!

— Тогда клянитесь! — приказала мне лэди замка.

— Я клянусь, — подтвердила я.

— Произнесите клятву полностью! — настаивала лэди.

В комнате становилось как-то душно, а яркий солнечный свет, лившийся из окна, уступил место тьме, приползшей из коридора. Мой язык прилип к небу. А в пекарне сейчас

пышки делают..., - мелькнуло в голове. Может ну их, чокнутых аристократов? Но, сама не веря себе, я услышала свой голос:

— Я, Розалинда Кэтрин Шаллоу, клянусь сохранить тайну, вверенную мне Лэди Арнэлией Ольтой Магс.

— До самой Вашей смерти? — услышала я, словно из далека, голос лэди Магс.

— До смерти, — ответил мой голос.

Тут мою руку чем-то обожгло. Я резко отскочила от лэди Магс и будто очнулась. Комната снова была полна солнечным светом. На зеленом шелке стен играли дивные птички. В вазе возле окна благоухали золотые розы — я видела такие и в парке. Кресло перед окном, в которое снова спокойно села лэди Магс, было украшено искусной резьбой. А на тыльной стороне моей ладони красовался огромный ожог. След от фамильного перстня семьи Магс.

Больно мне не было.

— След уйдет, как только вы раскроете дело, — сообщила мне лэди Магс, заметив, как я смотрю на руку, — Вас так же щедро вознаградят. А теперь: мой сын Александр введет вас в курс самого дела.

И она откинулась в кресле, закрывая глаза. Свет из окон сзади стал еще ярче, и уже через пару секунд я не видела фигуры, сидящей напротив меня.

— Розалинда, следуйте за мной, — услышала я голос Александра.

Он был спокойным. Деловым. Без тени злобы. Тем более ненависти. И все же, я чувствовала, как сильно он сейчас зол.

Александр Магс развернулся на каблуках, прошел в прихожую и начал подниматься по лестнице, ведущей на второй этаж. Я послушно последовала за ним.

На втором этаже мы миновали пару дверей, пока не оказались возле самой широкой, которую Александр и распахнул. Она вела в большой красивый кабинет, отделанный деревом и малахитом. По кругу были книжные стеллажи. Возле окна стоял письменный стол.

— Сейчас опять сядет спиной к свету, как мамаша, — промелькнуло в моем раздраженном уме, — Любит семейка выделяться.

Но Александр сел в кожаное кресло у малахитового камина. Меня он жестом пригласил сесть в кресло напротив.

— Мне крайне жаль, что вы приняли это предложение работы, — едва я села, сказал мне мой собеседник, — Вы не созданы для нее. Но теперь делать нечего. Контракт подписан. Слушайте меня...

— Наконец-то к делу, — вырвалось с моего языка, — А то мне казалось, ваши фокусы никогда не кончатся.

Да, я была не права: так говорить аристократу, тем более — клиенту. Но, как он сам сказал: «контракт подписан». Значит, меня не уволят. И, раз уж дело такое важное, то я могу не строить из себя послушную рабыню: все же я — детектив. Лучшая выпускница. (Хоть выпуск этот и был из всего трех человек).

— Я не шучу с вами шулки, — сквозь зубы, процедил Александр, снова теряя терпение.

— Так не шутите, — выдохнула я, — Я Вас слушаю.

Александр прикусил губу, выдохнул и продолжил:

— Уже много сотен лет наша семья проводит закрытый аукцион. Только для аристократии. На нем самые титулованные семьи могут продать свои самые большие

ценности. Теперь вы понимаете, почему это дело не подлежит огласке.

Я кивнула, хоть и не очень понимала: почему весь город знал, что моему дядюшке пришлось продать семейные часы, чтобы купить жене зимнее пальто, а то, что аристократики торгуют вещичками — великая тайна! Но в работе — не до личностей.

— Два года назад на аукционе было совершено убийство.

Наконец, что-то интересное! (Правда, не хорошо так говорить, но я правда устала от всяких жеманств)

— В прошлом году убили еще одного человека. Есть все основания полагать, что и в этом году на аукционе — все повторится. Ваше дело: найти убийцу до того, как тот найдет жертву, — сказал Александр.

Я была счастлива: убийства! Тайные аукционы! Коварный злодей! Новая жертва! И я — в центре всего! Вот она — жизнь!

Александр, видимо, прочел мой восторг в глазах (или я улыбалась слишком широко?), но он лишь отвел взгляд и продолжил:

— Аукцион начнется послезавтра. В одном из наших поместьев: «Четыре Ручья». Чтобы подготовиться, мы с Вами выезжаем завтра утром.

— А..., - открыла было я рот.

— Подробности — по дороге, — прервал меня Александр, — Теперь — уходите. У меня дела. Домоправительница покажет вам вашу комнату на ночь.

— Сейчас лишь час дня, я прогуляюсь по саду, — гордо сказала я, и ушла прочь от этого сноба.

Меня разбудили в пять утра.

Учитывая то, что накануне вечером я, на почве любви к различным рецептам и сладкому, подружилась с поваром и его помощницей, и мы проболтали на кухне о том о сем часов до трех ночи, вставать я не хотела. Но Александр — а это именно его великая персона не поленилась встать так рано, дабы дать очередного пинка челяди — бесцеремонно растряс меня, прошипел что-то о том, как сильно мы опаздываем, и кинул мой чемодан на кровать. (Кстати, я все еще лежала в ней, и чемодан чуть не прибил меня). Однако, жаловаться я не стала. Острое чутье детектива говорило мне: Александр все равно не станет извиняться. Вместо я, хочется думать изящным движением, скинула одеяло, села на кровати и произнесла... (Нет, взаправду я зевнула и пробубнила, но все же...):

— Ну, и где карета?

Александр смерил меня пристальным взглядом.

— Вы поедете ТАК?

Я тоже посмотрела на себя. Ну так, на всякий случай. Вдруг мы видим не одно и то же? А то уж больно полон удивления был голос аристократа. Можно подумать, я предлагаю ехать голой. А я вовсе не предлагала. Никогда не относилась и не отношусь к девушкам, на ночь одевающим лишь капельку духов. После тортиков вдогонку с целым днем нервотрепки, я легла в чем приехала. Белая рубашка. Коричневые брюки. Сняла только куртку и высокие сапоги. Остальное было помято, но кто там в пять утра смотрит? Ах да, Александр смотрит. Ну и пускай. Он в своем длинном черном плаще вообще на вампира по утрянке похож. Сейчас еще капюшон накинёт, и совсем ко...

Мои размышления снова прервал крайне недовольный работодатель.

— Я спрашиваю Вас, Розалинда, собираетесь ли вы ехать в этом брючном костюме?

— Да, собираюсь, — мягко и спокойно сказала я, — А что, помят? Можете погладить, если хотите.

Последнее замечание Александр пропустил. Он лишь прикрыл глаза, пробормотал что-то про себя, выдохнул и сказал:

— Вы не можете ехать в брюках.

Это еще почему?! Да, у нас в Горах, конечно, существуют определенные правила приличия. Дамы должны носить платья. Или юбки. Но я не дама. Я — детектив. (И не просто потому, что я прошла какие-то там курсы. У меня за плечами королевский экзамен. И я имею лицензию.) А странствующие волшебницы, члены различных орденов и уполномоченные властью служители порядка — то есть я — вправе носить то, что им нравится. (Еще это право имеют всякие там разбойники и прочая нечисть, но это другая история). В общем: я носила брюки, и мне было в них удобно. Так я и сказала благочестивому блюстителю женской морали Александру.

— Нет, вы меня не понимаете, — ответил мой собеседник, на это раз голос его был мягким, без тени надменности, — Мы с вами едем инкогнито. Никто не должен заподозрить, кто вы.

Так бы сразу и сказал. Но тут была одна проблема. Я так же не из тех девушек, что таскают за собой кучу одежды.

— Мне нечего переодеть, — мирно сказала я.

Глаза Александра вспыхнули, и он снова потерял контроль над своим высокомерием:

— Огромный чемодан, и нечего надеть! Что вы за женщина, Розалинда?

— Ну, чемодан набит с толком для нашего будущего дела, — пояснила я, — А платьев с собой не вожу. Извинитесь...

Александр тяжело вздохнул.

— Пойдемте, — сказал о мне. Я повиновалась: даже интересно, что он придумает.

Через минуту мы ворвались в покои его матушки. Та еще спала, окруженная тремя пухлыми болонками.

— Мама, нам нужно несколько твоих платьев! — прокричал добрый сынок, ничуть не заботясь о сне мамочки.

— А...что. Александр? — пробормотала госпожа Магс.

— Нашему детективу нечего одеть, — пояснил Александр, — А она не должна выделяться среди остальных гостей аукциона.

Госпожа Магс встала с постели, одела халат, и, бросив на сына полный гнева взгляд, кивком приказала мне следовать за собой.

Из замка мы выходили уже с двумя чемоданами. Моим с инструментами, и хозяйским с тупыми шмотками. Последний я заставила тащить Александра: мне-то все это было не к чему.

В шесть приехала повозка и мы, в полном инкогнито (хоть возница чуть и не упал в ноги к Александру) направились в «Четыре Ручья».

По пути я пыталась спросить Александра: «Когда начались убийства?», «Кто были жертвы?», «Кого можно подозревать в первую очередь?», но он лишь шикал на меня и бросал такие взгляды, что получилось лишь «Когда...?», «Кто..?» и «К...»...На последнем вопросе Александр резко зажал мне рот рукой, прошептал: «Это тайна, о неразглашении которой вы поклялись! Так не обсуждайте ее в первой попутной повозке!». После чего он откинулся назад на сидение, надвинул шляпу на лицо, и...уснул. Или притворился спящим... Кто знает? Еще некоторое время я сидела несколько обиженная. Во-первых, я никогда не разглашаю тайны. Во-вторых, даже будь у меня такое желание, я бы не смогла, ибо равным счетом ничего не знала. И, третье, но не последние: у меня почему-то было странное чувство, что Александр и не собирается посвящать меня в эти свои тайны. Однако, на обиде далеко не уедешь. Кто-кто, а я хорошо это знаю. Поэтому я тоже откинулась на сидение, закрыла глаза и уснула.

Сон мне приснился прескверный.

Я плыла на лодке по большой широкой реке. Из воды то и дело выныривали русалки. Они махали мне руками и звали к себе. А потом одна из них подплыла ближе к моей лодке. Она зацепилась за борт, и приподнялась над водой. И тут я увидела: это вовсе и не русалка, а госпожа Магс. Только не такая, какой я встретила ее вчера днем, а еще молодая. С такими же вишневыми, как и у сына, глазами.

— Я решила, что вы не выдадите мой секрет, — сказала мне русалка.

Я хотела заверить ее, что она полностью может мне доверять, но язык не ворочался. А русалка продолжала:

— Выдать секрет могут только живые. Покойники же уносят их с собой.

И она перевернула мою лодку.

Я оказалась в воде и стала опускаться ниже и ниже ко дну. В моих ушах стоял смех русалки. А вода тем временем заполняла и заполняла мое естество. Становясь моей кровью, моим пульсом, моим воздухом...

— Розалинда, проснитесь!

Александр брызгал на меня водой из стакана и слегка бил по щекам.

— А?... Что? — приоткрыла я глаза.

— Вы в порядке? — вид у аристократа был взволнованный.

— Да, просто сон, — отмахнулась я.

Но это был не просто сон. Дело в том, что более всего на свете я боюсь воды. Поэтому нет: я была не в порядке. Хотя Александру знать об этом было необязательно.

— Вы всех поливаете водой, чтобы они проснулись? — поинтересовалась я, чтобы сменить тему.

— Только засонь, — ответил Александр, и мне показалось, он улыбнулся.

— Где мы? — задала я еще один вопрос, заметив, что повозка уже стоит.

— На станции. Здесь нас ждет завтрак, вы переоденетесь и приведете себя в подобающий вид, после чего мы поедем дальше.

Я пожала плечами: да будет так.

На станции у нас было примерно полчаса. Поэтому я быстро проглотила завтрак, и, справившись у жены хозяина переправы, смогу ли я воспользоваться ее комнатой, поднялась на второй этаж, чтобы переодеться.

С трудом раскрыв неведомый мне чемодан, собранный госпожой Магс, я очутилась в мире, о котором лишь слышала. Шелковые чулки. Корсеты. Кринолин. Подвязки. Чего тут только не было! И все — сплошное барахло.

Подумать страшно, что все это надо надеть, дабы выглядеть «прилично». Но раз задание требует... Я сняла свою блузку. С горестью посмотрела на любимые брюки. Нежно погладила такие удобные, походные сапоги.

— Я вернусь к вам, любимые мои, — проворковала я.

И начала одевать вещи, в которых легче умереть, чем ехать в повозке отличным летним днем. Где-то между шелковой сорочкой и чулками, я услышала, как дверь комнаты растворилась.

— Это я, не беспокойтесь, — раздался голос Александра.

Я и не беспокоилась. Попыток украсть мою честь было столько, что я уже выработала пару весьма эффективных приемчиков против похитителей.

— Вы не подскажите, что одевать сначала? — обратилась было я к Александру, указывая на косеет и подвязки к чулкам.

Ответа не последовало. Вместо, меня обвили его сильные руки. Шею обожгло горячим дыханием, по коже побежали, словно языки пламени, поцелуи.

— Будьте моей, — шепнул он мне на ухо, слегка прикусывая мочку.

Я тяжело вздохнула. Аристократик подготовился. Знал пройдоха, почему я ушла из чтецов: терпеть не могу быть чьей-то!

Руки Александра уже подбирались к моей (вернее его маминой) шелковой сорочке, но я резко расправила плечи, пнула его ногу своей и, последним аккордом, выправила руку кулаком прямо в переносицу Александра.

— Ничего не выйдет. Сегодня я слишком рано встала, — сказала я, оборачиваясь к

«любовничку».

Александр потирал нос.

— Ну, неужели пекарша так прекрасна? — позволила я себе поинтересоваться.

Александр выпрямился, провел рукой по волосам, и, с видом полным достоинства, ответил:

— Можете не обольщаться. Я лишь хотел дать Вам последний шанс уйти из этого дела.

— Это ясно, — пожала я плечами.

Конечно, я знала — Александр Магс не собирается «обладать» мною на станции смены лошадей. Не того поля ягоды: ни я, ни он. К тому же, я не зря провела всю ночь в обществе повара и служанки. Можете считать, это был своеобразный сбор информации. Следуя из нее, господин Магс вот уже больше года был пылко, страстно влюблен в некую молодую графиню. Быть вместе им, конечно, не давал ее отец. Иначе свадебные колокола звенели бы на всю округу. Но Александр был влюблен. И по характеру не являлся ловеласом. Напротив, такие мужчины верны себе, любимой, и долгу. Меня он хотел лишь испугать. Увы, не вышло.

— Я не уйду, — вслух заявила я.

— Это я уже понял, — теперя потирая ногу, ответил Александр.

— Так корсет или подвязки?

— Одно к другому. Давайте я помогу.

И Александр, по-деловому, словно простые детали, начал собирать мой гардероб.

С инкогнито семейство Магс явно переборщило.

Сменив повозку, мы проехали сотню километров, чтобы снова остановиться и пересесть в другой экипаж. Потом в лодку. А из лодки я выползла (в буквальном смысле) на лошадей. Был уже поздний вечер, и я, изрядно усталая, голодная, да еще и в корсете при шелковых чулках, мечтала об ужине, теплой постели и напялить корсет с чулками на Александра, чтобы он провалился... Но тут передо мной появилось поместье семейства Магс. «Четыре ручья». И я поняла...ну нету у людей чувства стиля! Ни башенок. Ни горгулий. Ни таинственных зеленых лабиринтов в саду. Четыре ручья представлял из себя квадратное, серое, четырехэтажное здание, на высоком каменном фундаменте. Сад напрочь отсутствовал. Лишь зеленая поляна вокруг.

— Сложно, наверное, было архитектора для такого чуда найти? — поинтересовалась я, слезая с лошади.

— Архитектору выжгли глаза, чтобы он не смог повторить чертежи этого дома, — ответил Александр.

Надеюсь, это была шутка. Иначе пара глаз пропала зря: смотреть в этой серой коробке было не на что.

Александр, тем временем, взял под уздцы своего коня и пошел с ним в обход здания.

— Не говорите, что за лошадьми придется ухаживать самим, — взмолилась я, — Я в изящном платье, и не могу чистить конюшню!

— Вам не придется. Мы лишь поставим лошадей, накормим и напоим их. Для остального завтра вам можно будет переодеться.

— Как галантно, — буркнула я.

Мы обошли дом, и остановились возле тяжелых железных ворот. Александр пошарил в дорожной сумке, вынул ключ, и отворил ворота.

Пред нами предстала лестница, вернее нет, наклонная плоскость без ступеней. Широкая, каменная.

— Нас с лошадьми сюда? — удивилась я.

— Да, — ответил Александр.

— А разве конюшни не должны быть вне дома?

— В этом доме не должны.

И Александр повел свою лошадь по «лестнице всадников».

— Понимаю, почему архитектору выкололи глаза, — пробормотала я, — Не дом, а недоразумение!

Мы поднялись в конюшню, приготовили лошадок ко сну, и, по небольшой крученой лесенке поднялись еще на этаж выше.

Там было темно. Лишь один фонарь возле лестницы.

— Еще наверх?! — вздохнула я, — Мои ноги уже не слушают!

— Хвати нить, — буркнул Александр.

Мы поднялись еще выше. Он нащупал очередные ключи. Открыл очередную дверь. И я оказалась в раю! Кровать! Большая! Мягкая кровать!

— Прощайте! — бросила я своему работодателю, прыгая на нее, и зарываясь в пуховые

перины.

— Спокойной ночи, Розалинда, — ответил Александр, — Завтра встречаемся в шесть в главной столовой.

— В шесть!?! — взвыла я.

— А я предлагал вам отказаться от работы! — ответил Александр, и мне подумалось, что садист улыбается.

Я кинула в него подушкой, но он успел закрыть дверь. Ничего, разберусь с ним позже. И с этой мыслью я, не снимая даже корсета, уснула.

Не знаю, спали ли вы когда-нибудь в корсете. Я лично делала это в первый раз. И получалось у меня плохо. Все мое брэнное тело болело. Голову наполняли мысли о различных пытках, которые можно было бы проводить с помощью этой модной душегубки. Примерно в три часа ночи я проснулась. В поту и с болью в каждой частичке тела.

— Не стоило лениться, а снять эту жуть перед сном, — выругалась я про себя.

С этим я распрощалась с платьем, корсетом, чулками, и, накинув на себя простую белую рубашку, в которой так приятно дышало все тело, вышла из комнаты. Моей целью было, конечно, найти в этом злосчастном доме хоть один стакан воды. Но судьба распорядилась иначе. Я вышла в узкий коридор, ведущий к лестнице, и, увидев внизу слабый свет, начала спускаться, подразумевая, что кухня может быть на первом этаже. И в этот самый момент я услышала голоса. Они раздавались из зала, находящегося на первом этаже возле лестницы.

Моментально я притихла и стала слушать, пользуясь тем, что мрак наверху полностью скрывал мою фигуру.

— Аккуратнее! Кому я говорю! — выругался мужчина.

Голос был молодой, но слегка покоренный. Возможно, говорящий много пил, или был по-иному небрежен к здоровью.

— Простите, господин, — послышался второй голос. По обращению: явно подчиненный.

— Ну-ну, Сэл, не злись, — это уже говорила женщина. Глосс был медово-сладок и чем-то даже обольстителен.

— Не злиться?! — прикрикнул на нее мужчина, — Ты ведь понимаешь, в этой коробке честь всей нашей семьи!

— Да, прости, — неожиданно покорно сказала дама.

Затем последовала тишина.

Я присела на колени, чтобы рассмотреть говорящих. Их было четверо.

Красивая, можно даже сказать шикарная, блондинка в соблазнительном декольте. Мужчина- тоже блондин — в фиолетовом фраке, стоял ко мне спиной.

— Натрудился, бедняжка, — с язвой подумала я.

Еще двое были одеты, как рабочий люд. И, скорее всего, им и являлись. Они держали большой ящик, предмет в котором и был окружен разногласиями.

— Шпионите, — раздался тихий шепот над моим ухом.

Я еле сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Но все же сдержалась. Слава мне.

Тихо выдохнув, вместо крика, я посмотрела на Александра. Он стоял у меня за спиной. В костюме и при галстуке. Похоже, он был из тех, кто мог бы легко спать в корсете. Аристократ одним словом.

— Да, шпионю, и что? — шикнула я.

— Хорошо, за это вам и платят, — улыбнулся Александр, и добавил, — Сидите здесь, я сейчас.

Он оставил меня на лестнице, а сам спустился вниз.

— Сэлвер, Аманда, — поприветствовал он людей (конечно лишь тех, кто был его ровней, работягам он даже не кивнул).

— Добрая ночь, Александр, — ответил ему Сэлвер.

— Не могу с Вами согласиться. Вы нарушаете правила, — и Александр указал на работяг.

— Но мы с сестрой не можем сами...! — начал было снова возмущаться тот, кого называли Сэлвер, но тут в разговор вступила дама.

— Вы правы, — сказала она Александру, — Простите нас. Надеюсь, мы обойдемся без штрафа?

— Да. Пока лишь предупреждение. Но дальше — никаких слуг. Только мы.

Дама кивнула. Ее спутник тоже. Они приказали работягам опустить ящик и уходить. Слуги повиновались и исчезли за дверью, которая, насколько я помню, вела на конюшню.

— Поставьте лот в зал часов, — сказал Александр.

— Хорошо, — буркнул Сэлвер.

— Первая часть аукциона начнется завтра в двенадцать. Доброй ночи, — сказал Александр и удалился.

Проходя мимо меня на лестнице, он дал мне знак следовать за ним.

— Это были Сэлвер и Аманда Освальд. Брат и сестра. Их семья владеет крупнейшими приисками горного хрусталя. Они уже четвертый раз на аукционе.

— Освальды, — пометила я себе, — Одни из возможных подозреваемых.

Мы дошли до моей комнаты и Александр остановился.

— Думаю, раз вы не спите, самое время обговорить вашу легенду.

Я кивнула: то, что я — детектив — конечно, нельзя было говорить ни в коем случае. Следовало придумать что-нибудь безопасное.

Александр оглядел мой наряд. А вернее: его отсутствие. Его взгляд скользнул по голым ногам, плохо прикрытым бедрам, грудям под рубашкой.

— Хотите, можем сказать, будто я — ваша любовница, — ехидно заметила я.

В уголок рта Александра закралась усмешка, но он ответил:

— Не стоит. С вас хватит и дочери двоюродной сестры моей матушки, приехавшей помочь мне с делами.

— Согласна, — пожала я плечами, — Всем ведь известно — дочь двоюродной сестры, это и есть любовница.

Александр рассмеялся. Это было впервые, когда я слышала его смех. Живой, звонкий. Так не вяжущийся с его холодной натурой.

— Идите спать, Розалинда, нам все еще вставать в шесть утра, — сказал он.

— Тогда, доброй ночи, — игриво подмигнула я, и скрылась за дверью.

Александр снова рассмеялся. На душе у меня почему-то стало чуточку теплее.

В шесть утра я не встала. Я встала в пять. И на это был ряд причин.

Говорить о том, что Александр не доверяет мне — бессмысленно. Он до сих пор не ввел меня в курс дела. Но я не просто так получила лицензию детектива.

Еще в Греморе, сразу после того, как госпожа Магс взяла меня на «работу», я написала письмо господину Холмсу. И сегодня утром я ждала ответа. Чем раньше — тем лучше. Не стоит и Александру знать всего обо мне.

Обычно моя корреспонденция с «начальством» сводится к нескольким листкам волшебной бумаги — она сама складывается в бумажную птичку и летит до адресата. Однако сегодня, распахнув окно, я увидела нечто неожиданное. Даже для меня. В лучах рассвета ко мне приближался монстр. С двумя головами и огромными черными крыльями.

— Сложно такой птичке будет остаться незамеченной, — подумала я, и скрестила пальцы, надеясь, что все еще спят.

Тем временем монстр приближался. И я вздохнула с неким облегчением. По крайней мере, это был не кровожадный двуглавый гриф. Просто два ворона, несущих между собой весомую папку. Одного из воронов я даже лично знала. Ватсон — старый питомец господина Холмса. Вороны подлетели к окну, я отвязала от их лапок веревочки и взяла папку. Налив им в блюдечко водички, я села на кровать и открыла свою посылку. Она содержала письмо господина Холмса, и папку с информацией на участников аукциона.

Откуда мой учитель знал, кто примет участие — я даже не хочу знать. У каждого детектива есть свои тайны.

Кстати, о тайнах. Холмс поздравлял меня с назначением, но так же он сообщил мне, что назначение это принято лишь госпожой Магс, так как ее сын — Александр, нанял своего детектива. К сожалению, даже Холмс не смог вычислить его среди гостей аукциона.

— Просто чудесно, — вздохнула я, потрепав холку подлетевшему ко мне Ватсону, — Десять человек. Один из них — тоже детектив. Один (или больше?) — убийца. И кто-то, кому не намечено дожить до конца аукциона. Разве это не мечта любого начинающего детектива?

Ровно в шесть на моем пороге появился Александр. Выглядел он так, будто за ним была целая ночь отдыха: свежесбритый, в наглаженной белой рубашке, темно-фиолетовом камзоле и брюках со стрелками. Интересно, если я правильно все поняла, то слуг в поместье сейчас нет, тогда сам ли Александр занимался своим туалетом? И если да, то я с удовольствием посмотрела бы на эту знатную особу за утюгом.

— Рад, что в этот ранний час, вы в столь хорошем расположении духа, — заметил мою улыбку Александр.

— Почему бы и нет, — пожала я плечами, — Я ведь на закрытом аукционе для самых знатных семей. Ради такой чести не грех и лучшую улыбку надеть.

— Я вас отлично понимаю, — усмехнулся мой собеседник, и мне почему-то показалось, что в этой колкости он действительно уловил что-то близкое для себя.

Мы спустились по лестнице и снова оказались в прихожей. Теперь уже было не столь темно, и я смогла лучше разглядеть обстановку. Как я уже и ожидала: ничего особенного.

Небольшая комната, обитая темным деревом. Лестница на второй этаж. Каменный камин с большими часами над ним. Три двери. Одна — самая дальняя — вниз — в конюшню — там я уже была. Вторая — сразу возле лестницы. Из ее щели лился свет и доносился приятный аромат выпечки. Я надеялась найти там хоть что-нибудь перекусить. Третья дверь располагалась возле камина. В комнату за ней этой ночью брат и сестра несли «честь» своего семейства. Как я и сказала: ничего особенного.

— Я очень надеюсь, что мы начнем расследование с завтрака, — молитвенно посмотрела я на Александра.

— Конечно, — согласился тот, — Хотя вы и не нравитесь мне, но смысла морить вас голодом я не вижу.

Он открыл дверь возле лестницы, и мы оказались в длинной блеклой комнате. Ее стены были скучно-серыми. Для украшения на них висела лишь пара зеркал в простых рамах. Из мебели — лишь деревянный стол, накрытый к завтраку. Впрочем, более мне было и не надо. Не спрашивая разрешения Александра (а вдруг он все же решит заморить меня голодом?) я плюхнулась на стул, и принялась за булочки с повидлом.

Александр сел рядом. Некоторое время он с неким отвращением смотрел на то, как за моими щеками исчезают сыры, колбасы и джем одновременно, потом он взял двумя пальцами булочку, намазал ее маслом, откусил маленький кусочек и продолжил смотреть на мою вакханалию.

— Знаете, не вы одна ничего не еде со вчерашнего утра, — как бы заметил он.

Мне было все равно: я была голодная, еда — отличная. А если начнут убивать уже сегодня (!!) — то кто знает, когда еще удастся поесть!?

Александр снова откусил маленький кусочек булочки.

Я зачихнула в рот огромный бутерброд с колбасой.

— А, демоны с вами, — выругался мой работодатель. На этом он отбросил свою булочку, и принялся за завтрак с вполне нормальными манерами голодного мужчины.

Так прошло много молчаливых минут. Когда же я поняла, что ненавистный корсет не позволит мне еще одной булочки, я откинулась на спинку стула, и снова огляделась кругом. Странно. В комнате не было ни одной двери, кроме той, через которую мы вошли. Но ведь где-то должна быть и кухня, на которой все это готовится?

Александр тоже закончил завтрак, и теперь смотрел за окно. Там начинали собираться тучи. Скоро будет дождь. Александра это, похоже, сильно тревожило: его брови нахмурились и он постоянно вертел в руках родовой перстень, снятый с пальца.

— Я надеюсь, мне не придется благодарить вас за то, какой чудесный завтрак вы приготовили? — спросила я, пододвигаясь чуть ближе к Александру.

— Что? — вырвался тот из своих мыслей.

— Вчера вы говорили, здесь нельзя быть со слугами. Я слышала ваш разговор с Освальдами. Поэтому, я очень надеюсь, никому из нас не придется стоять на кухонной вахте, — пояснила я, — Нет, я, конечно, умею готовить, но уходила я из своей пекарни вовсе не ради этого.

Александр засмеялся. Надел перстень обратно на палец. Потом повернулся ко мне.

— У вас отличная память, и вы все подмечаете, — сказал он.

— Удивлены?

— Нет.

Повисла пауза. Compliment Александра никак не разъяснял вопроса о готовке. Наконец

он сказал:

— У нас на аукционе, действительно, нет слуг. Слишком много тайн, которые нельзя разглашать.

— Я заметила, — буркнула я себе под нос.

Александр продолжал:

— Это многим не нравится. Но таковы правила. Однако, тратить время на готовку — непозволительно. К тому же, готовы сами аристократы, смертей было бы больше.

Я улыбнулась. Смешная шутка.

— Посмотрите вокруг, — предложил Александр.

Я оглянулась. Лишь серые стены и зеркала.

— Еду доставляют из ближайшей деревни, через зеркальные порталы. Сюда- и сразу обратно.

Я готова была хлопнуть в ладоши: красивое решение!

— Но сразу хочу предупредить вас, — голос Александра понизился, — Через эти зеркала нельзя уйти из поместья.

Я приподняла бровь.

Александр взял мою ладонь: там все еще горела печать его матери.

— Подобные метки есть у всех участников аукциона. Они не дадут вам войти в зеркальный портал.

— Я и не собираюсь сбегать, — холодно сказала я.

Александр отпустил мою руку. Поправил галстук.

— Тогда к делу.

Мы все еще сидели в столовой. За окном начинал накрапывать мелкий дождь. Я стояла у окна и смотрела на безрадостный пейзаж за ним. «Прекрасный» серый особняк окружала зеленая лужайка. На ней ничего не было высажено. Ни цветов, ни кустов, ни одного дерева. Лишь изумрудная трава. Мне она почему-то очень не нравилась. Казалось, я упустила что-то важное. Вдали, за изумрудной травой, виднелся один из ручьев, огибающих поместье. Да, название «Четыре ручья» было самым что ни на есть прямым. Дом, по периметру, огибало четыре неглубоких ручейка. Все они текли из местных болот и озер. Все они впадали в болота и озера.

Где-то вдалеке зеленели верхушки лесных деревьев. Вот и весь пейзаж. Но я стояла у окна и смотрела в него, не желая пока глядеть на Александра.

Он наконец ввел меня в курс дела. Но, учитывая обстоятельства, сделать это надо было намного раньше. Я была зла.

Аукцион состоял из трех частей.

Первая: покупка-продажа семейных ценностей. Даже аристократам надо было где-то сбывать свои волшебные перстни и прочую семейную реликвию, а на вырученные деньги покупать менее возвышенные, но более необходимые вещи. А, чтобы по миру не пошла молва о «несостоятельности» того или иного рода, делалось все на закрытом аукционе.

Вторая часть аукциона была намного более интересной. Если, конечно, это можно так назвать.

Во второй части сильные мира сего торговали честью. Да-да. Именно так.

Делалось это уже давно. Многие столетия. Для регулирования внутренних конфликтов в королевстве. Звучит странно. Но все же...

Далеко не все конфликты выливаются в войны. Далеко не все преступники сидят в тюрьмах. О многом люди, живущие графстве, даже не знают. Но конфликты есть. И королевский суд, рассматривая дело, может послать графа на «аукцион». Это мера наказания. Жестокая. Но эффективная. Твою честь может купить кто угодно. Если ты в чем-либо виновен, то должен пройти через это.

Лично я не представляю, как можно продать или купить чью-либо честь. Наверное, беднякам этого не дано. Наша честь не продается, что бы не случилось. Но Александр сказал, я все пойму, когда увижу аукцион.

А у аукциона была еще и третья часть. Самое жестокое наказание, которое может вынести тайный королевский суд.

Лишение магической силы.

И магическая сила тоже продавалась через аукцион.

И, если я и не разбираюсь в чести аристократов, то я все же кое-что знаю о магической силе. Она дана с рождения и течет по венам, как кровь. И лишиться этой частицы себя, даже ненадолго, ибо магическая сила восполнима, является ужасным мучением. Сродни тому, что из тебя высосали всю жизненную силу, выпили кровь, оставив лишь капли, и бросили помирать в темноту. Лишение магии — самое страшное, чем может покарать непокорного аристократа всемогущая монархия. Теперь я понимаю, почему с семьей Магс, даже несмотря на близость к королю, столь мало кто хочет иметь дело. Их род запятнан грязью аукциона, который они проводят. Да, аукцион тихо и мирно урегулирует дела знати, но я сравнила бы это со смыванием крови в темноте.

Я посмотрела на Александра.

— И убийства совершают в самой последней части аукциона?

— Да, — подтвердил тот, — Сейчас беспокойное время. Король болен. Наследница еще не найдена. Аристократы, приближенные ко двору, плетут интриги. Королевский суд работает день и ночь. Раньше, лишение магии — было редким лотом. Даже у нас. Теперь мы уже три года подряд имеем претендентов.

— Двое из которых уже убиты.

— Да.

Я снова отвернулась к окну. Темные тучи закрыли собой почти все небо. Надвигалась гроза.

— Расскажите про первое убийство, — сказала я, наконец садясь на стул возле Александра. Тот лишь пожал плечами.

— Как пожелаете. Но это прольет мало света.

— Мне сейчас нужна любая информация.

— Хорошо.

Александр слегка откинулся в кресле. Несколько секунд он молчал. Может, старался вспомнить все, до мелочей. Но, скорее всего, решал, что можно мне говорить, а что — нет. И тут мое терпение лопнуло.

Прежде чем вы это прочтете, хочу сказать, что терпение я теряю крайне редко. По натуре я — просто ангел. Но Александр хорошо знал свое дело. С самого начала он вел себя так, будто мне и не стоит доверять. А теперь, рассказав, насколько серьезными вещами занимается аукцион, он все еще процеживает информацию. У меня на руках ни одной карты, и, в то же время, на моих руках — печать его матери. Клятва, которую я обещалась исполнить. И я выполню свое задание. Чего бы это мне не стоило. А для всего мне нужна информация.

Наверное, эти, и еще другие, не печатные мысли, пронеслись в моей голове, когда из уст Александра вылетело:

— Не могу сказать много...

В следующий момент моя рука занеслась над ним, я размахнулась, но, вместо пощечины, мой оппонент увидел лишь мою ладонь перед своими глазами.

— На мне клеймо! — прошипела я, — Разве похоже на то, что я собираюсь играть в игры?!

Александр посмотрел на мою ладонь, потом в мои полные гнева глаза, и, нежно взяв мою руку, отвел ее в сторону.

— Розалинда, — мягко сказал он, — Я тоже не игрок. Но в этот раз на кон поставлена жизнь и честь очень дорогого мне человека. Поверьте, я хочу доверять вам. И я делаю все возможное, чтобы помочь в расследовании. Но здесь, на аукционе, есть вещи, которые нужно видеть, а не говорить. И я не могу сказать все сразу, здесь замешано слишком много...

— Да-да, честь знати, — сквозь зубы процедила я, — А моя честь, как детектива, которого наняла ваша семья, вас не интересует?

Александр встал. Теперь он стоял надо мной и мягко держал мою руку в своей.

— Поверьте, — сказал он каким-то странным, дрожащим, совсем не своим, голосом, — Я сделаю все, чтобы вы не пострадали.

Я мгновенно остыла.

— Надеюсь, вы это о чести? — пробормотала я.

Александр улыбнулся.

— Я о жизни.

По моей спине пробежал холод.

Александр отпустил мою руку.

— Я не могу рассказать много о первом убийстве, потому что в тот год я еще не посещал аукцион. Его вела моя мать. Впервые я попал в «Четыре ручья» лишь год назад. До

этого я... в общем, это уже не важно. Вернемся к делу.

Александр снова сел напротив меня.

— Первого убитого звали Лорд Роберт Лэндсор. Он был убит через несколько часов после того, как его лишили магической силы. Его тело нашли в комнате, где производится ритуал. Это все, что я могу сказать.

— А кто получил его силу? — спросила я.

— Лорд Сэйан Бриг. Но сила перешла к нему через ритуал при надежных свидетелях. Сразу после он покинул комнату. На тот момент Роберт был еще жив.

Я разрывалась между вопросами о ритуале, и вопросом о комнате. Выбрала последний.

— В комнате для ритуала были найдены какие-либо следы?

— В этом и проблема.

— В чем?

— Комнаты запечатаны.

Я непонимающе посмотрела на Александра.

Тот вздохнул.

— Все комнаты, в которых происходят магические сделки — запечатаны. Никто, кроме участников сделки не может в них войти. Никогда. Даже, когда аукцион не работает.

— Проблемка для горничных, — пробормотала я.

Александр кивнул.

— Я все расскажу, и вы увидите, как много здесь проблем.

Я пожала плечами: пусть так.

— Александр, — продолжила я тему, — Если комнаты за печатью, то как же входят участники сделки?

Тот ухмыльнулся:

— Отличный вопрос.

— Я знаю, — подтвердила я.

Александр молчал.

— Опять что-то скрываете? — сухо спросила я.

Вместо ответа, Александр лишь взял мою руку в свою. Нежно, он развернул ее ладонью вверх. Провел по ней своей рукой.

— Вы грешили? — мягко спросил он.

Я не ответила ничего. На эту тему говорить я с ним не хотела. Это было не его дело. Я здесь не для того... Но, по мере того, как Александр сверлил меня глазами, мои грехи невольно всплывали передо мною.

Александр нежно водил своею рукой по моей, и... рука моя загорелась огнем.

— Демоны! — выругалась я, выдергивая руку у Александра.

Печать, оставленная его матушкой на моей руке, горела, словно только что выкованная железом.

— Примерно так и попадают, — пожал плечами Александр, подавая мне шелковый платок.

Я приложила его к руке.

— Вы всех по ручке гладите? — язвенно спросила я, глядя на уродливую печать.

— Вовсе не обязательно. Участник аукциона лишь должен поднести свою руку к двери и назвать грех, за который он на аукцион попал. Печать аукциона приобретает силу и открывает дверь.

— Чудесная задумка, — холодно сказала я, все еще потирая руку.

— А по-моему, это отвратительно, — сказал Александр, и, по голосу его можно было понять, что он не врет.

После разговора с Александром, мне надо было побыть одной. Я пошла в свою комнату, закрыла дверь, и принялась повторно перечитывать досье на участников аукциона, присланное мне господином Холмсом.

Досье были за три года. Начиная с самого первого убийства.

Через час для меня ничего не прояснилось.

Я вдохнула. Выдохнула. Погладила Ватсона, предано оставшегося со мной.

— Все сложнее, чем я думала, — сообщила я ворону, — Аукцион, даже при участии десяти человек, это совсем не та классика детективного жанра, на которую науськивал нас Холмс.

Ворон каркнул. Думаю, он отлично понимал мое смятение. Классическая детективная ситуация, это убийство, произошедшее в некоем закрытом помещении, без возможности входа и выхода иных участников, кроме уже существующих. Но аукцион — подразумевает наличие различных людей. Конечно, есть и постоянные посетители таких мероприятий. Однако то, что тебе нравится ходить по аукционам, даже если они столь извращены, как этот, не означает, что ты — убийца. В данный момент постоянных посетителей аукциона «Четырех ручьев» было четверо. Минусуем меня, и остается пять человек, которые не присутствовали при первом убийстве. Александр начал посещать «семейный бизнес» год назад. Значит ли это, что и его можно вычеркнуть из подозреваемых?

— Как думаете, Ватсон, запачканы ли руки его сиятельства, лорда Александра Магса? Он много скрытничает, сильно нервничает. Да и манеры у него прескверные. По крайней мере по отношению ко мне.

Ворон повернул голову, и его умные глаза снова указали мне на папку досье на столе.

— И Ватсон опять прав, — сказала я, давая ворону кусок мяса, стащенный для него с завтрака, — Никого нельзя выписывать из подозреваемых.

Возможно, преступник работает в сговоре с другими, и они меняются местами. Демоны, это просто уравнение с множеством переменных! А я всегда так ненавидела математику!

Ватсон доклевал свое мясо, и перелетел на окно. За ним уже вовсю бушевала гроза.

Я встала и присоединилась к ворону на окне. Тот прыгал и вздымал крылья, словно желая что-то мне показать.

Я прищурилась, вглядываясь вдаль, где виднелся один из ручьев.

Ничего.

Лишь мутная, серая вода.

В этот момент за моей дверью раздался шум. Потом тихое ругательство. И снова шум.

— Ладно, тут убивают лишь в конце, поэтому сейчас вполне можно посмотреть, что происходит, — сказала я Ватсону, и направилась к двери, оставив раздосадованного ворона на подоконнике.

Открыв, я увидела в коридоре юношу. Он стоял на коленях, и шарил рукою по полу. Неподалеку валялась палка-трость. Юноша был слеп.

— Позвольте, я помогу вам, — сказала я, — подавая ему руку.

Тот, глядя перед собой, взял ее, встал, аккуратно развернулся ко мне, и представился.

— Благодарю вас, моя лэди, — сказал он, — Моя трость за что-то зацепилась, я споткнулся и упал. Тут темно даже для меня, — он улыбнулся, — Я — Генри Соквэл. Кому обязан своим спасением?

— Розалинда. Можно просто Роза. И спасения не было. Я просто помогла.

Генри снова улыбнулся, и чуть крепче сжал руку, которую я ему дала.

Я улыбнулась ему в ответ, и мне почему-то очень захотелось, чтобы Генри увидел мою улыбку.

Он был невысоким. Бледным. С худыми тонкими пальцами. Красивыми, почти девичьими, чертами лица, и светлыми, почти белыми волосами. Его глаза, напротив, были темными. Цвет тусклого янтаря. Они смотрели лишь вперед, и никогда не видели дневного света.

Из того, что я читала в досье господина Холмса, Генри был на аукционе уже в пятый раз. А он даже не был знатных кровей. Просто его мать владела самым крупным антикварным магазином во всех Серебряных Горах. (В нашем мире владельцы Антикварных магазинов — одни из самых уважаемых людей. Ведь на их полках — не только старые вещи. Там может обитать любая древняя магия. Антиквариатчики отлично разбираются в таких вещах. Умеют распознавать и ценить истинные артефакты. Именно поэтому, по закону Гор, они сами не имеют права быть магами: слишком большое искушение силы. Но, насколько я знаю, никто из владельцев антикварных магазинов пока не жаловался.) Мать Генри — Мэдди Соквэл — была самой влиятельной в своей сфере. Говорят, к ней, перед войнами, ездил закупаться сам король. И, даже в смутном, изменившемся мире, Мэдди продолжает вести свой бизнес. Ее семья — завсегдатаи этого аукциона. Они скупают самые ценные лоты первого этапа. Какое отношение они имеют к последующим торгам, мне лишь предстоит узнать.

— Спасибо за улыбку, вы очень добры, — тем временем мягко сказал мой собеседник.

— Но как...? — удивилась я.

Генри загадочно улыбнулся:

— Такие вещи всегда чувствуются.

Я невольно покраснела.

— А еще я чувствую, что внизу приготовили завтрак, — легко продолжил Генри, — Не окажите честь проводить меня вниз?

— Окажу, если вы уберете все эти фамильярности, — хихикнула я. Манеры Генри были еще сногшибательнее, чем у зануды Александра.

— Я совсем не против, Роза, — мгновенно расслабился Генри, и мы пошли вниз.

У всех детективов есть свои правила. Господин Холмс, обучая нас, предложил на время «позаимствовать» его. А потом уже, если из нас выйдет толк, создать свой свод законов детектива. Есть ли из меня толк, или нет — пока не ясно. Так что, Свод Правил Детектива Господина Холмса:

1 Всегда проверяй место своей локации. В любом месте преступления могут быть ловушки. Проверяй все досконально, если не хочешь умереть.

2 Никогда не сближайся с людьми, которых подозреваешь в убийстве. Если, конечно, не хочешь умереть...

3 Имей запасной план. Если...ну, понятно.

И — 4 — , но самое важное: будь готов умереть.

Похоже, мне придется создать свой свод правил. По всем пунктам своего учителя провалилась.

Аукцион официально начинался в двенадцать. Значит, у меня было еще три часа. И что из этого толку? Я уже несколько раз обошла все поместье, чтобы убедиться: все комнаты, кроме конюшни и столовой, были заперты. Я пробовала волшебные отмычки. Пробовала просто отмычки. Все напрасно. Где-то через полчаса моих блужданий, ко мне подошел Александр и пригрозил связать по рукам и ногам и бросить в конюшню до самого конца аукциона, если я не успокоюсь.

— Я уже говорил вам: здесь везде печати, — прошипел он, грубо схватив меня за локоть, — А вы привлекаете к себе слишком много внимания!

— Какое еще внимание в этих темных коридорах? — шикнула я в ответ, — Не говорите, что здесь дырочки для глаз в стене!

Александр закатил глаза. По нему было видно: иного ответа он от пекарши и не ожидал. Ну уж извинитесь...

— В мире магии такие вещи не обязательны.

— Ну да, у вас тут клеймо простыми колечками выжигают, — буркнула я.

Александр, уже дотащивший меня до прихожей с камином, открыл рот, чтобы сказать что-то мерзкое (я в этом уверена) в ответ, как его благородная челюсть зависла в воздухе. Рука моментально выпустила мой локоть, чем я не преминула воспользоваться, дав аристократу заслуженный подзатыльник за грубость.

Александр никак не отреагировал. Странно как-то.

Я повернула голову туда, куда уперся взгляд Александра.

Перед нами стояло самое серое существо, которое я когда-либо видела в своей жизни.

Это была девушка невысокого роста, в светло-фиолетовом платье очень простого покроя.

У нее были русые волосы, сложенные в аккуратный пучок. Бледное личико с милыми, но ничем не примечательными чертами. Маленькие розовые губки были сложены в тонкую линию. И какие-то серые, блеклые глаза, обрамленные не очень длинными и не слишком пушистыми ресницами.

В целом, конечно, ничего. Но ничего особенного — это точно.

Интересно, создалось бы у меня иное первое впечатление, не знай я, кто это?

Но я знала.

Грэйс Арон.

Девушка, в которую по словам моей подруги горничной, был влюблен Александр Магс.

И, похоже, горничная не врала.

Александр стоял, словно язык проглотивши. Будто к нам на землю спустилась богиня, а не мадама в бледном платье.

— Добрый день, господин Магс, — произнесла Грэйс.

Голос ее был тихим. Мягким. Этаким бархатный шепот.

— Вы не представите мне свою спутницу?

Александр покраснел, (неужели он это умеет?!) и промямлил:

— Это дочь двоюродной сестры моей мамы — Розалинда. Она приехал помочь на аукционе.

— Очень приятно.

Грэйс подарила мне улыбку-бабочку: та слетела с ее маленьких розовых губок, на секунду мелькнула на лице, и исчезла где-то в бесконечности.

— Мне тоже очень приятно, — соврала я.

(Скажу честно: терпеть не могу тихих цап)

— Я за отцом, а потом сразу на аукцион, — сообщила нам Грэйс, будто это кому-то интересно, — Надеюсь вас там увидеть.

И она удалилась дальше по коридору.

— Интересно, тут еще чем-то можно заняться, кроме аукциона, или почему она лишь надеется нас там увидеть? — прокомментировала я.

Но Александр, которого из румянца уже бросило в холодный пот, лишь закрыл лицо руками, что-то тихо пробормотал про себя, а потом еще грубее схватил меня за локоть и потащил дальше:

— Прекратите паясничать, Розалинда, у нас еще масса дел!

Может, мне тоже притвориться серой молью, чтобы люди были со мной хотя бы вежливее?

Александр буквально втоптал меня в комнату за камином. Там было очень темно, и пока мои глаза привыкали, я слушала. Что же можно слушать в абсолютно темной комнате? Только истинную тишину.

В комнате, где должен был проводиться аукцион, не обитало и единого звука. Я не слышала хруста деревянных половиц, производимого другими участниками в их комнатах, не слышала шума дождя на улице, не слышала даже лошадей, которые должны были находиться под нами в конюшне.

К тому времени, когда мои глаза более менее привыкли к темноте, я была уверена, что несколько секунд я провела в полной, почти космической изоляции.

— Александр?! — тихо, внутренне смеясь над собой за испуг, позвала я.

— Да? — так же тихо ответил он.

— Где мы?

Вопрос был глупым. Я знала, где мы. Территориально, мы были в комнате, где должен был проводиться аукцион, но разве может быть комнатой темный мешок, необычайных размеров, в который ты внезапно попал? Ведь даже привыкнув к темноте, я не видела абсолютно ничего, кроме своих рук и ног. Казалось, будто я парю во тьме и звенящей тишине. Это было очень не привычно. И да, мне было страшно. Поэтому, когда я почувствовала, как Александр взял меня за руку, я сжала его ладонь очень-очень сильно, боясь отпустить, и тем самым, затеряться одной в этом мрачном космосе.

— Раньше такого никогда не было, — пробормотал Александр, — Но в эту комнату не принято заходить до официального начала торгов. Я лишь хотел...

Договорить он не успел. Нам помешал свет. Яркий, режущий глаза, свет.

— Эй, Магс, ищешь где уединиться с новой птичкой? — раздался голос за нашими спинами.

Я повернулась. За нами, в одной единственной свечой в руке, стоял Сэлвер Освальд.

— Одна свеча? — пронеслось у меня в голове, — Столько света лишь от одной свечи?

Но тут я поняла, что темного мешка больше нет. Мы стояли в комнате, не имеющей ни одного окна. Стены были обиты деревом, и украшены искусной резьбой. Вокруг нас стояли деревянные стулья. Впереди — трибуна — место для лицитатора (ведущего аукциона). За

ней — какие-то предметы, завешанные белыми простынями. Скорее всего — лоты первой части. Из остального убранства — лишь огромные часы на стене перед нами.

Вокруг было темно, но мои глаза все же смогли рассмотреть все эти предметы. И яркий свет, ослепивший меня, был точно не от свечи Сэлвера. Кстати, о Сэлвере. Минуту назад тот недвусмысленно назвал меня любовницей Александра. На это, господин Магс, конечно же возразил, вернее, поправил что я «Дочь двоюродной сестры его матери».

Сэлвер рассмеялся.

Магс пригрозил снять их с аукциона, за неуважительное отношение к его держателям.

Сэлвер снова рассмеялся.

В общем, ничего интересного. Они, наверное, еще долго могли пререкаться, если бы нас не прервал мягкий мужской голос.

— Господа, без пяти двенадцать, кончайте браниться.

Я посмотрела туда, откуда этот голос доносился, и увидела Генри. Тот уже сидел на одном из стульев для покупателей.

Александр гневно взглянул на Сэлвера, взял у того из рук свечу, и принялся зажигать свечи в огромных железных подсвечниках по периметру комнаты.

Я присела возле Генри.

— Ты здесь давно? — спросила его я. Вдруг он тоже почувствовал что-то странное?

— Не знаю, — ответил Генри, — Может час, а может минут пять. Я слеп, мое время течет по-иному.

Я положила свою руку поверх его: почему-то мне вдруг стало ужасно жалко юношу, всю жизнь проводящего в черном мешке.

— Розалинда? — внезапно тихо спросил Генри, — Вам тут не было как-то не по себе?

Я насторожилась.

— Были мгновения, — продолжил Генри, — Когда темно было даже мне..., -он сделал паузу, — Разве не странно?

В этот момент часы пробили двенадцать. Аукцион начался.

Часы пробили двенадцать. И я очень хотела бы сказать, что в этот момент началось нечто необычайное: будто все вокруг замерло, старинные часы остановили свои стрелки, свечи загорелись ярче, вся комната вдруг наполнилась людьми, и лицитатор, словно тень, появился прямо из своего постамент... Но все было не так.

Часы пробили двенадцать.

Ко мне подошел Александр, успевший зажечь почти все свечи. Он подал мне руку, я послушно взяла ее, прошептав Генри «Извини, мне пора...». Вместе с Александром мы заняли два стула в самом последнем ряду (хоть народу было и мало, номы не должны были участвовать в торгах — семья Магс лишь следила за всем).

Сэлвер Освальд сел в самом первом ряду, вальяжно вытянув ноги вперед.

Мне он уже не слишком нравился, хоть это и было одной из тех ошибок, которых господин Холмс так умолял нас избегать: заведомо предвзятое мнение.

Вскоре в зал вошла и его сестра. Она внесла в зал легкий аромат дорогих духов, рубины в золотых волосах и какое-то странное, гнетущее чувство. Или это опять была моя предвзятость?

Генри Соквел сидел чуть впереди нас. С официальным началом торгов он натянулся как струна, и пальцы его тихо постукивали по набалдашнику трости для слепых.

Следом за Амандой в зал вошел гордого вида старик в дорогом костюме черного цвета. Его волосы был сплошь седыми, на глазах блестели очки. Возможно когда-то его лицо было красиво. Но сейчас остались лишь осанка, твердая поступь и холодный орлиный взгляд.

Не с кем не здороваясь, старик сел на стул в середине одного из рядов.

Грэйс Арон молча последовала за отцом.

Тихо, как и подобает хорошей дочери, она села возле лорда Кендра Арона.

— Какие у всех тут натянутые отношения, — подумала было я, и тут же за моей спиной раздался смех.

Я оглянулась (а вернее сказать повернула голову, мы ведь сидели в конце) и увидела в дверях двоих мужчин.

Один — более молодой — был высоким, худощавым брюнетом. С очень коротко стриженными черными волосами, носом с горбинкой и веселыми, теплыми глазами. Курт Хьюгсон — подсказало мне знание родовых книг. Он был молод, но я уже видела его портреты.

Курт считался одним из самых талантливых магов своего поколения.

Выходец из знатной семьи, он владел родовой магией железа. (не спрашивайте меня, что эта магия может- я не знаю!). Но, к своим двадцати одам он овладел еще тремя видами: вода, пепел и песок. Сложные, тонкие в обращении магии. Курт был признан при дворе короля. Говорят, ему поручали тайные миссии, и он знал многие тайны монархии. В свои двадцать два он был легендой.

И эта легенда легко и непринужденно смеялась над чем-то с невысоким крючковатым старичком. У того были грязные длинные волосы, поношенный костюм и бородавка на носу. Файла на этого гостя господин Холмс не присылал. Надо будет его отчитать за это.

Курт и незнакомец сели сразу за Соквелами, и продолжили непринужденно беседовать.

— Кхм-кхм, — раздалось откуда-то из-за постамента для лицитатора, — Все собрались?

— Свидетельствую, что — да, — громко сказал Александр.

За постаментом послышалась возня. И я увидела как на него, видимо по лестнице, приставленной сзади, собирается небольшой человечек с прозрачной кожей, зелеными глазами и лысым черепом — горный эльф.

Так вот кто ведет торг!? — мелькнуло у меня в голове — Это гениально!

Горные эльфы были самым спокойным народцем гор. Они жили на серебряных рудниках, свято поклонялись луне и больше их ничего не интересовало. Такой лицитатор просто обязан был беспристрастным.

— Тогда начнем с первого лота, — вяло сказал эльф (да, по тону, на эту работу его явно принудили), — Серебряная табакерка. Начальная цена — сто золотых. И чего так дорого...

Эльф вздохнул и принялся принимать предложения.

Кто подавал какие лоты — не указывалось. Могу только отчитаться за то, что что купил. Табакерку, карманные часы с рубинами, чернильницу с грифом на крышке и перламутровую шкатулку взяли Освальды. Они не сильно торговались, и, казалось, эти вещи их даже не интересовали. Они покупали ради покупки. Словно в обычном магазине.

Генри Соквел не купил ничего. Он даже не торговался. Наверное, его целью были другие лоты. Надеюсь, все они будут из первой части аукциона. Генри мне импонировал. Впрочем, они должны быть из первой части по логике. Старьевщики, как я уже говорила, не имеют право на магическую силу. Поэтому Генри было нечего делать дальше продажи вещей. Однако, он не покупал и не торговался. Меня это смущало.

К статичным участникам можно было так же отнести и семью Арон. Их руки ни разу не взмылись вверх с предложением своей цены. Но по тому как Кендр Арон держал голову, а Грейс, напротив, ее повесила, я догадываюсь, что почти все лоты были распродажей их личных вещей.

Курт Хьюгсон купил серебряный перстень. Красивый. Ручной работы. На нем были выполнены алмазные Эльномии — цветок — символ королевства. За перстень он не на шутку схлестнулся с Сэлвером Освальдом. Хотя, как только лот обрел своего хозяина, Сэлвер и Курт обменялись весьма дружеским рукопожатием.

Спутник Курта, имени которого я пока не знала, купил деревянную табачную трубку. Он был не многословен. Лишь только интересующий его лот оказался у лицитатора, о предложил за него такую цену, которую я какую-то трубку, да еще и деревянную, мог выложить только глупец. Или, наоборот, тот, кто слишком хорошо знает свое дело.

Мы с Александром сидели сзади, и я с трудом пыталась не клевать носом.

Чтобы не упасть перед Александром в прямом и переносном смысле, я решила попытаться вычислить, кто из присутствующих является «помощником» Александра — еще одним детективом, о котором предупреждал господин Холмс.

Конечно, первой кандидатурой мог бы быть Курт Хьюгсон — маг с его репутацией мог позволить себе любые развлечения. И детективную работу (а с его деньгами работа равна развлечению) в том числе. Но это было слишком очевидно. И, будь я на месте Александра, я бы не стала брать Курта. Почему? Все просто: слишком известен. Слишком общителен (это и плюс, и минус). И, трудно описать, но было в Курте что-то слегка натянутое. Лживое. Даже когда он улыбался, в уголках рта пряталось что-то мрачное. Я бы не стала сотрудничать с ним. И, насколько я изучила Александра, тот тоже любил проверенных людей (увы, не

меня).

Освальды отпадали — слишком самодовольны, лицемерны, лживы. Семья занималась хрусталем. Денег у них куры не клевали. И по горам ходили самые нелицеприятные слухи о том, на что эти деньги тратятся. Видя Сэлвера я этим слухам верила. Аманда пока была загадкой — она лишь томно сидела на стуле, но, не думаю, что Александр доверился бы кому-нибудь из этой семьи.

Так же отпадал и Генри Соквел — на моем примере Александр отлично показал, как он относится к простолюдинам.

Можно было поставить на Грэйс Арон — знатного рода, великолепного воспитания, и Александр от нее без ума... Но Александр — джентльмен — я не знаю, станет ли он втягивать девушку в такую авантюру.

Это оставляло неизвестного старика. Следует приглядеться к нему получше.

Часы пробили четыре часа дня.

— Объявляю перерыв до шести вечера, — провозгласил лицитатор, и принялся спускаться вниз по своей лесенке.

— Слава луне, — подумала я, — Если все четыре дня будет так же весело, то убью всех я. Просто чтобы развлечься.

Александр не сводил глаз с Грейс Арон.

Грейс Арон сидела за столом и пила чай.

А Александр все смотрел и смотрел на нее.

Меня это раздражало.

Мы должны были втираться в доверие к людям, расспрашивать их об аукционе, и выяснить в конце-концов, кто совершил те два убийства, и есть ли шанс на третье.

Но Александр даже не притронулся к своему чаю, а лишь держал чашку в руках и смотрел на Грейс. Будто они тут единственные люди! Впрочем, на странное поведение Александра мало кто обращал внимание. Я принялась наблюдать за людьми.

Отец Грейс не пошел пить чай, а сразу удалился на второй этаж, где располагались комнаты гостей аукциона. Я пыталась проследовать за ним, чтобы узнать, не затевает ли он чего, но дверь в его комнату захлопнулась с очень мелодичным стуком, и я поняла — дальнейший шпионаж бесполезен. Как я уже успела узнать — все комнаты под печатями. За их дверями мне нечего искать, пока я не придумаю способа эти печати разбить.

Я незаметно вернулась в столовую. Хотелось бы, чтобы Александр представил меня участникам аукциона. Как иначе я буду втираться в доверие к людям? Но Александр был слишком поглощен своей деятельностью.

Возле одного из зеркал стоял Курт Хьюгсон. Он тихо переговаривался о чем-то с Сэлвером Освальдом. Это может показаться подозрительным, но не слишком. В мире аристократов многие знатные семьи знают друг друга. Курт и Сэлвер могли быть хорошими знакомыми. Или даже друзьями. (Что вполне может сделать их сообщниками, — взяла я на заметку). А может Курт просто разговорчивый малый? Кто знает?

Нет, так дело не пойдет.

Чтобы узнать людей, надо говорить с людьми!

Я пнула ногу Александра под столом. Тот чуть не уронил свою чашку.

— Розалинда, что вы делаете?! — прошипел он.

— Привлекаю ваше внимание. Конечно, я не Грейс, зато могу вас пнуть лишний раз,

чтобы вы начали работать!

— Что значит «работать»? — приподнял бровь Александр.

Ох, простите, я забыла, аристократам такое слово как «работа» не известно. Я вдохнула. Выдохнула. Спокойно продолжила:

— Представьте меня гостям аукциона, Александр, — тихо сказала я, — Я должна начать их опрашивать.

Александр почему-то тяжело вздохнул.

— Нет, я, конечно, могу начать разговор и без ваших великосветских уловок, но тогда в мою легенду о родственнице точно никто не поверит.

— Да, простите, я понимаю, — ответил мой собеседник.

Я удивилась.

Александр Магс извинялся? Передо мной? О луна, мир начал сходить с ума! Хотя стоп, что-то здесь было не так...

Я пристально посмотрела Александру в глаза:

— Лучше сразу скажите, в чем проблема...

— Я..., - Александр замялся, — Я не знаю, как представить вас. Если вы посмотрите внимательно, со мной тоже никто не общается. Наша семья держит аукцион, мы следим за тем, чтобы правила были соблюдены. За это нас не слишком любят.

— Оууу, — только и смогла сказать я, — Бедный Александр сам не знает, как подойти к людям. Может мне принести вам молока и печенья, чтобы вы не расстраивались!?

Александр хотел что-то возразить, но в этот момент нас прервали.

— Можно присесть, милочка? — услышала я голос за своей спиной.

Я повернулась и увидела того самого старика, файл на которого мне не прислал господин Холмс.

— Да, конечно, садитесь, — улыбнулась я.

Александр, конечно, не сиял, когда этот «субъект» сел рядом с нами, но ничего и не сказал.

— Прекрасное начало аукциона, господин Магс, — кивнул ему «субъект», — Кто ваша очаровательная спутница?

— Господин Фредерик, это — Розалинда Шаллоу. Моя родственница. Приехала помочь с организацией. Розалинда, это — господин Фредерик.

— Очень приятно, — сказала я.

Господин Фредерик? Без фамилии? Значит, он либо бродячий маг-чернокнижник, либо принадлежит к самым низшим слоям общества. В любом случае: что он тогда здесь делает?

— Как вам аукцион в этом году, дорогая Розалинда? — тем временем вежливо спросил меня Фридрих.

— Очень...любопытно, — ответила я, — Я ведь раньше никогда не была на аукционах! — и я игриво подмигнула новому знакомому.

— О, тогда этот аукцион вас еще удивит! — и Фредерик подмигнул мне в ответ.

— Вы уже были на нем? — невинно спросила я.

— Много лет назад, — вздохнул Фредерик, — Великолепные были деньки! Какие сделки! Какие страсти! — он снова улыбнулся ртом, полным желтых зубов, и как-то странно посмотрел в сторону Александра.

Тот ответил нашему собеседнику весьма неодобряющим взглядом.

— Я, по правде говоря, удивлен, что до сих пор никто не поставил за лот «личный

интерес», — в разговорном порядке продолжил Фредерик.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Александр побледнел. Его глаза пылали гневом.

— Личный интерес? — я сделала круглые, удивленные глаза, — О чем вы?

Фридрих звучно рассмеялся, потом метнул взгляд на Александра, который, казалось, был готов его побить, и продолжил:

— Вижу, вас совсем не посвятили в курс дела, милочка! Александр-Александр, как ты не вежлив к своей кузине!

— Я люблю кузину, и стараюсь уберечь ее, насколько могу, — тихо сказал Александр.

— Ну-ну, все равно ведь узнает! Такая милая девушка, и такая любознательная...

Фридрих говорил с усмешкой. То и дело бросая едкие взгляды на Александра. Похоже, они хорошо знали друг друга. И сильно не переносили один другого. Так же было видно, что в версию о родственнице Фредерик совсем не поверил.

— Личный интерес, — обратился ко мне Фредерик, — Это когда вместо денег платят собой.

Тут даже я слегка побледнела.

— Ну-ну, ничего страшного, не бойтесь так! — заметил мое выражение Фредерик, — Я не точно выразился. Вы можете поменять туфлю-лот, на свою туфлю. Предложить за вещь песню либо стихотворение.

— И их примут к оплате? — удивилась я.

— Смотря, какие у вас туфли, — подмигнул мне Фредерик.

С этими словами он встал из-за нашего стола.

Часы необычайно скоро пробили шесть. Я даже не успела получить нагоняй от Александра за свой разговор с Фредериком. А то, что Александр был в зол — понять было не сложно. Едва Фредерик отошел от нас, как Александр поднялся из-за стола, и предложил мне руку, чтобы я последовала за ним.

Я замешалась. По лицу Александра я уже могла прочесть, что он хочет сообщить мне что-то нелицеприятное. Хочу ли я очередную лекцию о том, с кем стоит говорить, а с кем не стоит? Нет. Точно не хочу. Я — детектив. Мое дело как раз говорить с людьми. И то, что у самого Александра так мало желания помогать мне в расследовании — это проблема самого Александра. Поэтому я не встала из-за стола.

И тут часы пробили шесть. Все снова стали стекаться в зал проведения торгов.

И опять я оказалась вместе с Александром на самом дальнем ряду.

Лицитатор забрался на свой постамент и необычайная скукота торгов возобновилась.

Пока продавали лишь мелкие предметы. Хотя за постаментом лицитатора я точно видела несколько крупных коробок, завешанных тканью. Интересно, что привезли на аукцион Освальды?

Я не успела долго поразмышлять над этим, так как в этот момент провозгласили очередной лот.

— Кожаная записная книжка. Кожа — серый горный дракон. Серебряные уголки. Начальная цена — сто золотых.

— Сто пятьдесят! — поднял руку Сэлвер.

— Двести! — продолжил Курт Хьюгсон.

— Двести пятьдесят! — выкрикнул Сэлвер.

— Тристо! — это был Курт.

— Даю свой левый чулок. Шековый. С подвязкой!

Это была моя цена.

Все, даже старик Арон, обернулись и посмотрели на меня.

Я мило улыбнулась:

— Принимаете?

Лицитатор посмотрел на меня с неким мрачным выражением (такое, наверное, было сейчас и у Александра, но я предпочла не смотреть в его сторону).

— Кто-нибудь даст больше? — произнес Лицитатор.

Все молчали.

— Чулок раз. Чулок два. Чулок три. Продано! За шелковый чулок с подвязкой. Пройдите ко мне за своим лотом.

Я встала и направилась сквозь ряды стульев.

И, если вам кажется, что я только что описала какую-то ненормальную, не имеющую возможность существовать сделку, то вы глубоко ошибаетесь.

Продажа предмета за женский чулок — дело тонкое. На него пойдет не всякий.

Из всего, что я пока узнала об аукционе, я твердо поняла одно: здесь ценят не столь деньги, сколь эфемерное понятие человеческого достоинства. Я не ошиблась. Лицитатор вызвал меня расплатиться сразу же. Перед всеми. Я этого ожидала. Чтобы расплатиться чулком, я должна была его снять. Дальше объяснять не буду. В конце-концов, аукцион был задуман нашими королями как суд. А на любом суде ты больше теряешь, чем можешь получить.

Я подошла к постаменту. Слегка приподняла юбку. Плавно, аккуратно сняла чулок.

Лицитатор с почтением взял его и положил в ту самую коробочку, из которой только что извлек мой новый ежедневник.

Я пошла обратно. До самого конца, где сидел Александр, я не дошла. Вместо этого я присела на тот же ряд, что и Курт Хьюгсон.

— Много пишете? — подмигнул мне тот.

— Просто я приехала сюда играть, — очаровательно улыбнулась ему я.

Курт кивнул и вернул свое внимание к торгу.

А действительно, так ли я много пишу? И нужен ли мне этот ежедневник. Даже из кожи дракона? Нет. Но мне нужно влиться в общество. Нужно завести контакты. А для этого лучше всего привлечь внимание людей. И мне это удалось. Сэлвер смотрел на меня с игривым огоньком. Курт подмигнул. Грейс чуть не ахнула. Ее отец нахмурил брови. Фредерик довольно скрестил руки на груди. Даже Генри слегка улыбнулся. Меня заметили. На Александра я старалась не смотреть. Он, наверняка, ценит женскую честь больше любого дела. Но, увы, я на работе. Здесь я не милая лэди. Я — детектив. И я буду повторять это себе, пока не вырвусь из жизни, которой жила до этого.

Я часто повторяю и повторяю себе, что не хочу обратно. Я не хочу печь пирожки. Не хочу сидеть на кухне и обсуждать последние городские новости. Не хочу белого платья и свадьбы с главным кондитером. Я просто не хочу смотреть на то, как яркая и полная жизнь протекает мимо меня. Но это не все.

Жизнь в доме моей тети — вовсе не такой уж и ад. Тетя добра ко мне. У меня отличная комната. На пекарне мне платят достаточное жалование. Люди в городке — спокойные, трудолюбивые крестьяне. Могло пройти несколько лет, и моя юность погасла бы. Я бы смирилась со своей жизнью. Возможно, я бы даже полюбила ее. Но, увы, судьба (как я ненавижу это слово!) распорядилась иначе. Я полюбила человека, намного раньше, чем я успела полюбить свою жизнь. Смешно? Тогда слушайте.

Когда мне было двенадцать лет, мы с родителями поехали на ярмарку. Было шумно. Красиво. И весело. Очень весело.

Отец выпил винца. Мать разговорилась с подругой — случайно встреченной и давно не виденной. А я, оставленная сама себе, просто потерялась среди всего этого балагана. Но меня нашли. Не родители. Это был мальчик, лет пятнадцати. Он отыскал в толпе мое испуганное лицо. Он взял меня за руку. Он был таким красивым, добрым, заботливым... Я никогда еще не видела таких людей. Когда мы нашли моих родителей, он остался с нами смотреть салют. До сих пор я помню нас, сидящих на отцовской повозке. Помню его глаза, глядящие в небо. Помню отражающиеся в них искры пламени.

Тогда я была еще мала, и громкие взрывы, вместе с громогласными людскими выкриками то тут, то там, пугали меня. Я нервно подпрыгивала и озиралась по сторонам. Тогда его рука нашла мою. Наши пальцы — липкие от ярмарочных сладостей — сплелись. И весь салют мне казалось, что мы приклеены друг к другу. Смешно, абсурдно это звучит от двенадцатилетней девчонки — но тогда я поняла, что наши пальцы должны быть так переплетены всю нашу жизнь.

Мне повезло. Или нет: скорее я была проклята. Но мой «спаситель» жил в поместье совсем недалеко от деревни, где жили мои родители. Мы стали поддерживать огонек детской дружбы. Зря. Через шесть лет случился пожар.

Летом, когда мне исполнилось восемнадцать, было жарко. Очень жарко. Я до сих пор помню его горящие глаза, и то, как он признался мне в любви.

Увы, даже в волшебных королевствах, у дочки пекаря и сына аристократа очень мало шансов на счастье.

Слишком долго и, наверное, скучно, говорить обо всем, что приключилось с нами тем летом, но в его последний день мы расстались навсегда.

С тех пор прошло десять лет. Мой мальчик уже забыл меня. Но я помню его. И потому так хочу вырваться из своего привычного мира. Я хочу стать детективом. Хочу получить право обладать магией. После я найду его. И тогда я буду печь ему пирожки по утрам. Мы будем сидеть на кухне и обсуждать городские новости. У меня будут платье и свадьба. Но только с тем, кого я люблю. А до этого момента, я буду делать все, чтобы приблизиться к своей цели.

Вечером, за ужином, я была звездой шоу. Даже шикарное декольте и полуобнаженные плечи не помогли Аманде Освальд затмить меня. Курт Хьюгсон беспрестанно шутил и рассказывал мне о своих путешествиях по королевству. Сэлвер подливал мне вина (бедняга наверняка мечтал опить и воспользоваться, но дочь пекаря очень сложно перепить). Фредерик сидел рядом и потягивал свою новоприобретенную трубку. Генри улыбался, глядя куда-то вдаль, и, когда я провожала его до комнаты, сказал, что я — самая сумасшедшая из всех, кого он знает, и Александр будет дураком, если я и вправду его родственница. Я ответила, что Александр и так дурак по многим другим причинам. После я удалилась к себе, с облегчением сняла корсет и оставшийся чулок, и принялась делать записи из того, что мне удалось узнать о новых «друзьях».

Курт Хьюгсон. Маг, о достоинствах которого я уже много писала выше. Это его первый аукцион. Он считает, жизнь — это игра. Ты или в ней, или вне. И закрытый аукцион — отличный способ быть в самом центре игры. Верю ли я Курту? Отчасти. Он говорил с улыбкой. Ставил акценты на нужных словах. Но в момент, когда мы обсуждали сам аукцион, пальцы его руки слегка дрогнули. Возможно, ему предстоит лично пройти через вторую часть. Скоро мы это узнаем.

Сэлвер Освальд. Наследник семьи Освальдов. Крупнейших добытчиков и разработчиков горного хрусталя. Они с сестрой приезжают на аукцион уже в четвертый раз. Покупают для удовольствия. Но в основном — их ставка на продажу. Горный хрусталь — материал мистический. Он многогранен. Семейство Освальдов вот уже много лет занято не только добычей, но и познанием секретов хрусталя. То, что они представят в этом году — будет ошеломительно. По крайней мере такими словами Сэлвер набивал себе цену.

— Но почему вы выбрали закрытый аукцион, а не ярмарку изобретений, проходящую каждый год в Серебряных Горах? — спросила я.

— На ярмарке — узнают все. О нас будут говорить. На аукционе — мы лишь подразним. О нас пойдет слух. Люди будут шептаться. Разве это не лучше? — подмигнул Сэлвер.

Не знаю, что они там изобрели, но могу сказать одно: Сэлвер Освальд — самонадеянный дурак. Кстати, со мной, похоже, согласна и его сестра. По крайней мере она все время разговора смотрела на брата так, будто хотела его прирезать. Надо будет завтра подружиться с Амандой.

Фредерик. Без фамилии. Самый темный тип всего аукциона. Его знают все, но о нем ничего не узнать. Когда Фредерик покинул нас, я спросила у Курта Хьюгсона, давно ли они знакомы. Ведь они там хорошо беседовали в начале аукциона... Но Курт ответил, будто он встретил Фредрика лишь вчера вечером на пути в поместье. Сэлвер тоже лишь скривил рожу: он, как очень богатый и очень надутый индюк, не переносил простолюдинов.

Мои догадки о Фредрике разнятся: он может быть старьевщиком — конкурентом Генри. А может и сторонним детективом. Нет, не тем, кого нанял Александр. Учитывая две смерти на предыдущих аукционах, детектива могли нанять родственники погибших. В этом случае мое дело печально: я не люблю конкуренцию.

Генри Соквел. Слепой наследник антикварной империи. Он уже три раза был на аукционе. И по нему видно, что аукцион он не выносит. Странное выражение отвращения промелькивало по его лицу, каждый раз, когда речь заходила непосредственно о деле. Отчего такая реакция? Надо будет копнуть глубже в его историю.

Оставались Ароны и Аманда. С последней я справлюсь завтра. Насчет Аронов — я не уверена. Но я точно знаю, они на аукционе в первый раз, и потому за ними надо лишь

наблюдать.

Я закончила свои записи, откинулась на стуле и закрыла глаза. Как раз в этот момент расслабления ко мне и постучали. Я нехотя открыла дверь. На пороге стоял Александр.

— Скажите, что пришли пожелать мне спокойной ночи, — взмолилась я.

Александр окинул меня взглядом полным...презрения (?) но сказал лишь:

— Нам пора работать. Пойдемте.

И он вывел меня из моей комнаты, где я так мечтала о заслуженном сне.

Вместе с Александром я поднялась на четвертый этаж дома. Здесь я еще не была. Все это место напоминало более чердак. Даже подниматься пришлось по приставной лестнице, через люк, расположенный в центре коридора.

Весь этаж состоял из темного квадратного коридора, освещаемого одним единственным факелом на стене, четырех дверей черного дерева, и огромных часов посередине.

Странно, но, несмотря на полную тишину на этаже, я совсем не слышала, как идут эти часы. А они были действительно очень большими.

Часы стояли на толстом деревянном постаменте, и представляли собой гигантский лунный шар, на котором и был закреплен часовой механизм. (По-моему слегка безвкусно, но я не хозяйка дома, и мое мнение не важно). По кругу луны было что-то написано серебряными буквами.

— Грехи ваши воздадутся вам, — прочел надпись Александр.

Вернее нет, он не прочел ее. Он произнес ее. Эту цитату Александр знал хорошо.

— Можно сказать, девиз нашего рода, — скривил он губы.

— Я думала, вы лишь следите за аукционом, — произнесла я.

— Я тоже так думал, — вздохнул Александр.

— А это что значит? — спросила я, указывая на небольшую надпись красным на постаменте под луной.

Александр подошел ближе. Надпись была на древнем языке гор, и скорее выцарапана, чем написана.

— Автограф архитектора дома, — вздохнул Александр.

— Длинновато.

— Да. Здесь написано «Лишь тьма сотрет ваш грех».

— Немного странный автограф, не так ли? — поежилась я.

— Ничуть, — ответил Александр, — Я ведь уже говорил: архитектору выкололи глаза.

Он подошел к самой крайней двери и подергал за ручку.

— Это и есть ваш план работы? — спросила я, — Дергать двери за ручки, в надежде, что они раскроются?

Александр ничего не ответил, и лишь подошел ко второй двери.

Я зевнула, но решила все же составить ему компанию.

— Так что это за комнаты? — спросила я.

— Первая: комната ночи, — ответил Александр.

— Очень понятно...

Он бросил на меня полный презрения взгляд, но пояснил.

— В этой комнате свершается сделка, если продается...хм... честь девушки.

Я чуть приподняла бровь.

— Да у вас тут бордель...

На секунду на лице Александра промелькнуло выражение, будто он хочет дать мне пощечину, но он устоял, его гнев сменился обычной усталостью, и Александр даже улыбнулся сквозь нее:

— Пожалуй, вы правы... А за этой дверью у нас пыточная, — продолжил он в порядке

разговора.

Тут даже мои сонные глаза чуть не вылезли на лоб.

— Что значит «пыточная»?

— Ну в этой комнате собраны всякие необходимые приспособления... Скажем, если лотом является какая-нибудь часть тела, и новому хозяину надо ее забрать.

Меня чуть не вырвало.

Александр продолжал:

— За этой дверью, — он подергал ручку третьей двери, — Воображариум.

— Нет, как пекарша, я что-то не понимаю, — посетовала я.

— В «воображариуме» проводятся самые разные наказания чести. Эта комната наделена особой магией, и в ней может происходить все, чего пожелает покупатель. Это, кстати, единственная комната, в которую допускаются все.

Я стояла, и не могла поверить тому, что говорил Александр.

— Что значит «допускаются все?»?

Александр вздохнул. У него был такой вид, будто он объясняет простейшее маленькому ребенку, но тот его никак не понимает.

— Цель «продажи чести» дворянина в том, что он будет опозорен.

— Это я и сама додумала.

— Позор должен иметь свидетелей. Как сказал вам сегодня ваш новый друг Сэлвер Освальд, — Александр сделал особое ударение на слове «друг», — Люди должны шептаться.

— Теперь понятно, — пожала я плечами.

Укор Александра я решила не принимать к сердцу: в конце-концов я работала..., а вот его рассказ о комнатах все больше и больше давал мне понять, что этой ночью я вряд ли засну.

— Это последняя комната, — сказал Александр, вставая у четвертой двери, — Здесь лишают магической силы, — он подергал за ручку, — Это все, что я о ней знаю.

Я еще раз осмотрела расположение комнат. Провела рукой по стенам. Шершавые. Словно в мелкую сыпь. Станный материал.

— Комнаты соединены? — спросила я.

Александр пожал плечами.

— Я никогда не был ни в одной.

— Даже в Воображариуме?

— Особенно там.

— Вы же сказали: «допускаются все».

— При желании самих людей. Я же такового не имел, — отрезал Александр.

— Зря.

На меня снова метнули ледяной взгляд, но я не отвела глаз.

— Александр, — твердо сказала я, — Здесь происходят убийства. Из того, что я уже знаю об аукционе, никто из участников не может считать себя в безопасности. Мы должны найти способ попасть в эти комнаты и осмотреть их.

— Вы считаете, убийца мог пройти из соседней комнаты?

— Вполне.

Александр задумался. Неужели он наконец-то воспринял меня всерьез?!

— Вы можете быть и правы, — наконец сказал он.

Несмотря на поздний час, мне захотелось прыгать и кричать от радости: господин

выслушал мое мнение!

— Мне надо запросить аукционные списки у лицитатора...

Мое лицо искривилось: аукционные списки? А они что, записывают кто, что, и когда купил? Иными словами, касательно этого аукциона, кто и что делал на нем?

— Да, пожалуйста, запросите, — прошипела я, — И меня не забудьте с ними познакомить!

(Да с этих списков и следовало все начинать!)

— Из-за ваших скрытности, гордости и высокомерия может погибнуть человек! — с горяча не выдержала я.

Александр выглядел озадаченно. Потом растерянно. А потом его выражение сменилось. Красивое и гордое лицо вмиг стало очень, очень усталым. Ему словно прибавили десяток лет.

— Простите, Розалинда, — тихо сказал он, — С этих списков, действительно, нам с вами и следовало начать. Просто я... я... я дурак.

Я чуть не упала на месте.

— Да, дурак, — повторил Александр, — Все пытаюсь уберечь себя, вас, и всех остальных от этого кошмара, под маской аукциона. Но это лишь отголоски гордости. Можно сказать предсмертная гримаса честного человека. На самом деле мне давно пора признать: мы все в этом позоре. И от него никогда не отмыться.

— Что вы говорите, — прошептала я, не веря своим ушам.

— Розалинда, как выдумаете, что я сейчас делал? — спросил у меня Александр.

— Дергали за ручки дверей, — как-то не остроумно ответила я.

— Я проверял печати. Магия моей семьи позволяет чувствовать, на месте ли печать. Как хороший тюремщик, я проверял, закрыты ли все камеры для заключенных.

Я приступила на шаг ближе к Александру.

— Александр, ты не тюремщик, — мягко сказал я, — Печать лишь предосторожность...

— И эту предосторожность ставлю я сам. От каждого моего прикосновения печать на двери лишь сильнее. Но сам я не могу ее снять.

Я вздохнула.

— Это не делает тебя...

Договорить мне не дали. Александр взял меня за руку и потащил вниз. Через люк в полу. По лестнице на второй этаж. Потом в конюшню. Там мы прошли лестницу всадников и остановились у главных ворот.

К тому моменту на лице Александра играла странная, кривая усмешка. Ее я никогда раньше не видела.

— Я так не хотел походить на отца, — пробормотал он.

— Что...?

— Розалинда, — развернулся Александр ко мне, — Я изначально был против вас в этом деле. Мое мнение и сейчас не изменилось. Вы напрасно рискуете ради нас. Наш род — проклятые тюремщики. Мы ставим печати, чтобы люди не могли сбежать.

Я невольно потеряла руку, на которой стояло клеймо кольца его матери.

— Я недоговаривал вам, не раскрывал всех карт, давал минимум информации. И все ради одного, — глаза Александра лихорадочно блестели, — Как только вы подписались на это дело, я боялся, что вы сбежите. И тогда все узнают, что здесь творится. А еще хуже: кто я!

С этими словами он принялся раскрывать входные ворота.

Когда же они растворились, он грубо развернул меня лицом к улице.

— Поглядите, Розалинда, это все моих рук дело! Печати, которые даже я не могу сломать, и это... Но разве стоит такой секрет жизни?!

Мои колени подкосились. Сердце почти перестало биться.

— Прости, Розалинда, прости меня..., - словно откуда-то издалека, услышала я голос Александра, — Я просто боялся признаться...

Я чувствовала, как его руки держат меня сзади. Как дрожит его голос. Но мир перевернулся, и мне впервые было не до Александра.

Четыре ручья вышли из своих берегов, затопив все вокруг себя. Мы были окружены водой. Мой самый большой кошмар стал реальностью.

Я потеряла сознание.

Вода. Почему меня всегда и везде преследует вода?

С того самого момента, как у меня впервые появился страх перед ней, она, словно хищник, почувствовавший адреналин жертвы, шипит и мурлыкает возле меня, ожидая, когда же она наконец сможет полностью поглотить мое брэнное тело.

Конечно, воды я боялась не всегда. Говорят, в детстве я очень даже любила купаться. Но у всех в жизни бывают моменты, когда тебе приходится выбирать, чего ты боишься больше всего в жизни. И я выбрала воду. Или это вода выбрала меня? Не знаю. До полного выяснения отношений мы еще не дошли. Я понимаю лишь, что бояться воды в какой-то степени разумно. Это стихия. Даже повелеваемая магией, вода остается водой. Она подчиняется основным законам химии и физики. Бояться ее разумно, потому что ее можно победить. Бойся я иного, например смерти, и я была бы обречена. Смерть непобедима. От нее нет возврата. Хорошо, что я боюсь воды. Хотя это и не означает, что я рада каждой встрече с ней. Не поймите превратно: я ничего не имею против принятия ванны, умываний по утрам и мытья рук перед едой. Здесь я настоящий поклонник водички. Но оказаться в поместье с потенциальным убийцей, и еще луна знает чем провинившимися аристократами (!?), когда все вокруг тебя — любые пути отступления — затоплены омерзительной водой! Это много больше, чем я могу выдержать. И все же: это так.

Вода преследует меня.

Даже мой экзамен — квалификация королевского детектива — был омрачен этой жидкостью.

Не помню, упоминала ли я это, но работа детектива в Серебряных Горах — дает несколько преимуществ. Для меня, конечно, самое важное из них — возможность ходить в брючном костюме. Но есть и другие. Такие как «дар магии». Тех детективов, которые прошли королевский экзамен, и получили должную квалификацию, сам король награждает «магией». Конечно, магия эта очень сильно отличается от той, которая дается человеку с кровью при рождении. Полученная магия — намного, намного слабее. Ты не повелеваешь стихиями, не превращаешься в зверей и птиц, не можешь лечить раненых. Много чего не можешь. И все же — это магия. Король лишь прикасается к тебе, и вливает в тебя, как в пустой сосуд, частичку волшебства. Его достаточно, чтобы зажечь свечу во тьме, превратить бумагу в птицу с посланием к другу, разбить слабую печать... В общем делать все, чтобы быть эффективным слугой короля. За такой дар многие готовы побороться. Наверное поэтому, королевских детективов — вернее претендентов на эту роль — ждет экзамен. Или лучше назвать это испытанием? Точно не могу сформулировать.

Экзамен на квалификацию состоит из трех частей. Первая — сдача экзамена своему учителю — детективу, взявшему тебя под свое крыло. Здесь господин Холмс создал лабиринт без входа и выхода. Если вам удастся выбраться — вы сдали. Я здесь — значит, я выбралась.

Вторая часть очень скучная — письменный экзамен в королевском дворце. Он включает в себя знание истории Гор, включая все королевское древо, и еще много географии, астрономии, физики, химии... Бр... Но я слишком долго была чтецом, чтобы всего этого не знать. Я сдала.

В третьей части оставшихся претендентов подвергают испытанию. И моим испытанием была вода. Меня привязали к колесу мельницы, погружающемуся вниз, и за короткое время, что оно погружалось, я должна была найти выход.

Мне очень хотелось бы рассказать, что я сдала эту часть экзамена, но это будет ложью. Мой страх воды слишком велик. Как и сейчас, я просто потеряла сознание.

И я не была бы сейчас детективом, если бы не господин Холмс. Он верил в меня. Он использовал все свои связи, чтобы дать мне еще один шанс. В конце-концов я его получила. Мне сказали, что задание лишить меня сознания и привязать к злосчастному колесу, было поручено еще одному претенденту на квалификацию детектива. Если я узнаю, кто это, то мне дадут шанс получить полную квалификацию. Задание было не из легких — никто в моей группе по квалификации не был дураком — но я справилась. Теперь я детектив. У меня есть бумага о квалификации, но, учитывая мои обстоятельства, магию я получу лишь по прохождении моего первого задания. И тут снова появилась вода. Мы затоплены. Целиком и полностью в водном плену, призванном к нас Александром Магсом (без помощи его магии ручьи никогда не вышли бы настолько из берегов). Но я боюсь, вернее я знаю, Александр не сможет сам унять эту воду. Так же, как не может он сам снять печати с дверей. Он лишь механизм. Без ключа. А мы обречены на водный плен до конца аукциона.

— Я проклята? — спросила я, приходя в сознание.

— Мы все прокляты, — ответил мне голос Генри Соквела.

Я с трудом разлепила ресницы. Открыла глаза. Но мои усилия того не стоили. Вокруг меня царил тьма.

— Генри, где я? — спросила я дрожащим, еще не окрепшим голосом.

— Мы в зале для аукциона. Простите, Розалинда, я совсем позабыл зажечь свечи.

Я услышала шум. Шаги. Чирканье спичек. И, наконец, мои глаза увидели тусклый огонек свечи. Генри вынул свечу из подсвечника, подошел ко мне, и присел рядом.

— Если я спрошу, что мы тут делаем, это будет странный вопрос? — сказала я.

— Отнюдь. Вас принес на руках господин Магс. Боюсь, у вас было что-то вроде припадка. Вы все время кричали, и я чувствовал колебания вашего тела. В моей семье были случаи подобных болезней. Я умею с ними справляться. Так я и сказал господину Магсу.

— И он оставил меня с вами? — удивилась я.

Генри мне, конечно, нравился, но все же он один из подозреваемых. Не слишком заботливо со стороны Александра бросать меня с ним.

— Нет. Что вы, — засмеялся Генри. Я и забыла, как хорошо он умеет чувствовать настроения людей.

— Господин Магс остался с нами. Смотрите, — и Генри указал свечой на пол. Там, под стульями, мятый и несчастный, спал Александр.

— Александр очень волновался за вас. Пока я приводил вас в равновесие, он сидел возле, и держал вас за руку. Думаю, он не хотел засыпать, но что-то из равновесия передалось и ему.

— Передалось? — тихо спросила я. Неужели Генри владеет магией, способной исцелять людей?

— Тсс..., - прижал Генри палец к губам, — Не будет здесь об этом.

Да уж, это точно не место, чтобы объявлять всем о том, что ты владеешь магией, когда законам это запрещено антикварщикам. И я решила сохранить маленькую тайну Генри. Все же он помог нам...мне.

Я села на колени возле Александра. Поправила прядь волос.

Генри пристально следил за мной. Это было странно, ведь я знала — он слеп. И на мне были даже не его глаза. Но поворот головы, и то, как направлены в никуда его зрачки, давали мне странное ощущение, будто Генри считывает мои движения и эмоции. Возможно, так оно и было.

— Генри, — спросила я, чтобы хоть как-то отвлечься от подобных мыслей, — А что ты делаешь здесь, один, в темноте?

И Генри засмеялся. Громко. Несколько даже истерично. Я осознала свою ошибку, но слишком поздно.

— Розалинда, — наконец ответил он, — Я всегда и везде один в темноте.

— Прости..., - прошептала я.

— Ничего страшного, — ответил Генри, — Действительно странно, что я сижу здесь посреди ночи. Но это место все же лучше моей комнаты.

— ???

— Здесь почти тихо. Я слышу большие часы. Слышу воду. Слышу звук пламени свечи.

Но я не слышу, как ходит туда-сюда по комнате Кендр Арон, как он сжимает свои кулаки, мечтая ударить дочь, и как та плачет в своей комнате.

— Твоя комната рядом с Аронами?

— Увы. И они очень печальные соседи. А у меня слишком хороший слух.

— Мне жаль. Не думала, что у Аронов такие «непонимания» в семье.

Генри повернул голову на другой бок, словно обдумывал, отвечать мне или нет. После пары минут он решил в пользу первого.

— Ароны разорены. Вы должны были это заметить. Большинство вещей на аукционе — их.

— Но разве это повод для вражды? — вздохнула я, — Не должны ли они сильнее сплотиться друг с другом?

Конечно банкротство — это повод для вражды. Кому я вру? Семьи распадаются и по меньшим причинам. Кому как не мне это знать... Однако, это был шанс собрать информацию. и я притворилась невинностью. Хотя Генри вряд ли поверил мне. Но, думаю, он был рад поговорить, и потому продолжил.

— Грейс Арон должна была спасти семью. Она должна была выйти замуж за графа полей. Он богат. Очень богат. Но она ослушалась воли отца. И теперь они здесь.

— Ослушалась..., - повторила я.

Моя рука, до того гладящая волосы Александра, упала вниз. Мне сразу вспомнилось, как кухарка семьи Магс рассказывала мне про то, как Александр ходил к отцу Грэйс, и как того буквально выгнали за шиворот из их родового гнезда. «Говорят, он просил отца Грейс «не делать этого»», — прозвучали в моем мозгу слова кухарки. Так значит Александр просил господина Арона не выдавать его дочь замуж. Да, он сильно влюбился в нее... я снова начала гладить волосы Александра. Он слегка пошевелился и произнес что-то во сне.

— Скоро начнется новый день, — вздохнул Генри, — Жаль, что мы пропустили рассвет...Нет ничего прекраснее, чем солнце, встающее над Четырьмя Ручьями.

Я искоса посмотрела на Генри.

На лестнице послышался шум. Я резко встала и толкнула лежащего возле меня аристократа.

— Вставай! — крикнула я ему в ухо, — Настал прекрасный новый день!

Александр открыл глаза. Пробормотал тоже самое, что и во сне (какое-то Ви-ви...), а потом посмотрел на меня и побледнел.

— Розалинда, я...

— Не время, не время! — затрясла я головой, — Сюда идут!

Александр вскочил на ноги и встал возле меня.

— Доброе утро, — услышала я голос Фредерика, — Ах, какой нас сегодня ждет денек!

Это было несколько унижительно. Я — растрепанная, во вчерашнем платье, не выспавшаяся. Александр — растрепанный, во вчерашнем костюме, не выспавшийся. И все остальные. Я не понимала, почему все решили так внезапно спуститься в зал аукциона, пока не посмотрела на часы. Двенадцать часов дня. Неужели мы проспали так долго? Черт, в этом поместье совсем теряешь счет времени.

Генри Соквел зажег свечи и растворился в компании пришедших, и мы были предоставлены своему собственному позору.

Впрочем, сегодня мало кто был настроен на юмористический лад. Ароны проплыли мимо нас, даже не бросив взгляда, Аманда Освальд лишь фыркнула, Курт Хьюгсон был необычайно бледен, и даже Сэлвер не отпустил своих обычных шуточек. Напротив, он сильно нервничал и терял фамильный перстень на руке.

— Странно, что все пока еще живы, — подумала я.

Прекрасным утром наслаждался лишь Фредерик. Он подмигнул мне, сел на самый задний ряд, где обычно сидели мы с Александром, и достал свою деревянную трубку.

— Не хватало тут еще табачного дыма! — прошипел на него Сэлвер Освальд. Фредерик лишь улыбнулся, зажигая свой лот. Трубка не дымила.

Сэлвер вернулся к нервному дерганью своего несчастного кольца.

Александр взял меня за руку, и препроводил к нашим местам. В отличие от прошлого раза, мы сели в середине длинного деревянного ряда. Прямо за Куртом Хьюгсоном. Возможно, Александр просто не хотел находиться возле Фредерика. Или же тут была иная причина?

Додумать я не успела. На пьедестал поднялся лицитатор, и торги начались.

После нескольких красивых, но пустых безделушек, лицитатор указал рукой на Сэлвера и вежливо сказал.

— Прошу Вас, мой Лорд, представьте следующий лот.

Сэлвер замер. Аманде даже пришлось ткнуть его в локоть.

— Да-да, конечно, — пробормотал Сэлвер.

Он встал со своего места, направился за постамент лицитатора, и, крехтя, выдвинул из горы лотов ту самую коробку, которую я видела в самый первый вечер.

— Дамы и господа, — необычайно вежливо, особенно для самого себя, сказал Сэлвер, — Позвольте представить вам мое изобретение: жидкий хрусталь.

В зале повисло тяжелое непонимание.

И тогда Сэлвер открыл крышку ящика, и из под нее вылетела сотня хрустальных капель.

Легкие, искрящиеся, они парили над залом, даря ему тот самый свет, которого так недоставало этому мрачному месту.

— Мой жидкий хрусталь имеет уменьшенную массу, и заряжен магией Гор, — комментировал тем временем Сэлвер, — Благодаря моей формуле, он может принимать любую форму, парить в небесах, собирать свет, а потом выпускать его, озаряя собой помещения!

С этими словами Сэлвер провел рукой в воздухе, собирая все капельки своего хрустала, и, вместо сотни бриллиантов, в зале образовался огромный светящийся шар. В нем было что-

то демоническое. Свет Серебряных Гор. Последние лучи солнца перед грозой. Закаты и рассветы. Все было собрано в одном переливающимся при свечах шаре.

— Конечно, это лишь образец, — гордо заметил Сэлвер, видящий всеобщее восхищение, — И на аукционе будет продана лишь капля моего замечательного произведения.

Он щелкнул пальцами, и маленький хрусталик отломился от общей массы и проплыл по воздуху к постаменту лицитатора.

Тот кивнул Сэлверу Освальду, слегка кашлянул, и огласил:

— Лот тридцать восемь. Капля жидкого хрусталя. Начальная цена двадцать золотых.

Сэлвер Освальд сел на своего место, и, с видом кота, получившего сметану, стал наблюдать за торгами.

Но dna рука не поднялась вверх.

Изобретение Сэлвера было великолепно. Оно поражало красотой. Чистотой. Идеей Чудно признавать, но этот во много чванливый павлин, был истинным знатоком хрустального дела. Но такой вещице не было места на аукционе семейства Магс. Изобретение имело бы намного больший успех на выставке Серебряных Гор. Что же заставило Освальда привезти сюда «честь семьи»? Не думаю, что это было лишь желание тайной славы. Тут было что-то глубже. И, боюсь, что-то намного более страшное.

Впрочем, Генри Соквелу изобретение пришлось по вкусу.

— Тридцать, — поднял он руку.

Остальные молчали.

— Жидкий хрусталь, — вертелось в моей голове, — Принимает любую форму... Собирает свет, и дарит свет. Пожалуй, пригодная в хозяйстве вещица.

Я подняла руку.

— Розалинда! — шепотом взмолился Александр, — Не смейте ставить еще и второй чулок!

Я не ответила.

— Сорок, — сказала я.

Зал удивленно оглянулся в мою сторону.

Хм...Почему все думают, что если ты — дочь двоюродной сестры матушки, то у тебя нету денег? Глаза вывалились даже у Александра. Что, не ожидал, что у пекарши могут быть накопления?!

Я ухмыльнулась.

Да, деньги у меня были. Это, конечно, не означало, что я богата. И не означало, что я трачу их налево и направо. Но чутье подсказывало мне, что жидкий хрусталь нельзя упускать.

— Пятьдесят, — сказал Генри.

— Шестьдесят.

— Семьдесят.

— Восемьдесят.

Генри было поднял, но затем опустил свою руку.

— Восемьдесят раз. Восемьдесят два. Восемьдесят три. Продано за восемьдесят золотых госпоже Розалинде! — провозгласил лицитатор.

Я победно улыбнулась.

Сэлвер повернулся ко мне, и подмигнул. Даже Грэйс Арон посмотрела на меня из-за

своего плеча. Это испортило мне вкус победы: едва ее глаза оказались на нас, дыхание Александра замедлилось, и он впал в некую кому. Я даже испугалась, не придется ли делать ему массаж сердца. Но Грэйс отвернулась, Александр снова начал дышать, а лицитатор объявил перерыв. Я мечтала о завтраке, но работа первым делом, и я гордо вышла из зала, не дожидаясь любителя тихих цап.

Этим утром я подседа к Аманде Освальд. Я начала с поздравлений ее брату. Потом перевела разговор в светский формат: пара изречений о погоде и об аукционе. Тема коснулась украшений. Я обратила внимание на медальон на шее Аманды.

Я не буду рассказывать, о чем мы говорили. Это касается меня и ее, но, могу сказать, что после я получила доверие Аманды Освальд, а она — мое. Хоть это и противоречит одному из золотых правил господина Холмса.

Чтобы разъяснить картину, могу указать об Аманде те факты, которые и так известны всем Серебряным Горам.

Итак, подозреваемая номер три. Аманда Освальд.

Мы все привыкли судить о человеке по его внешнему виду. И тогда об Аманде можно сказать одно: она — великолепна. Золотые волосы. Огромные темно-голубые глаза. Чувственный рот. Округлые плечи, всегда открытые в шикарных декольте ее платьев. Аманда, если судить только по первому впечатлению, должна быть в меру глупа, развратна и избалована. Но это не так. Младшая дочь богатого семейства, она успела получить прекрасное образование. Я говорю успела, потому что едва ей исполнилось пятнадцать лет, как отец ее застрелился. Причиной оказались непомерные карточные долги. Тогда Освальды впервые и оказались на аукционе. Они продавали семейные ценности, пытаясь скопить денег на сохранение фамильных шахт с хрусталем. Денег оказалось недостаточно, и, пока Сэлвер засел за письменный стол, разгребая бумаги отца и пытаясь изобрести хоть что-нибудь ценное, Аманде пришлось взвалить всю семью на свои хрупкие, почти еще детские, плечи.

Высокие воротнички и закрытые фасоны учебных платьев сменились яркими, как у тропической птички, нарядами. Аманда ненавидела, но берегла все эти глупые платья — ведь почти все они были перешиты из вечерних матушкиных, и перешиты в кредит. Платить за который было пока нечем. Но Аманда и вида не показывала, какие тяжелые времена настали в их семье. Они танцевала. Танцевала. Танцевала. На самых ярких балах, она была постоянной участницей. И зверь попался на живца. В шестнадцать лет Аманда вышла замуж. Ее избраннику было семьдесят три.

Брак был плодотворным. Сэлвер, так ничего не изобретший (до данного момента), смог сохранить семейные шахты. Освальды не уронили свою честь. А через семь лет брака Аманда стала вдовой.

Тут, как детектив, я должны задаться вопросом: как же умер почтенный супруг двадцатитрехлетней барышни? Не было ли это убийством? Возможно первым, на счету Аманды. Но тут все чисто. Лорд Икабот Ведндор погиб при множестве свидетелей проглотив куриную косточку на званном обеде у одного из соседей. Аманды рядом даже не было: по семейным делам она осталась дома.

Я честно думаю, что она не виновна в смерти мужа. В кругу моих знакомых много женщин, и никто из определенного их сорта не стал бы ждать целых семь лет, чтобы укокошить ненавистный кошелечек.

Но после смерти мужа — а это было ровно три года назад — Освальды вернулись на аукцион. Им надо было заплатить за некие нематериальные долги Вендора.

Сразу после Аманда вернула себе фамилию Освальд, переехала к своему брату, и стала помогать ему с семейным делом.

В год первого убийства, когда они платили за Вендора, Аманда боялась аукциона, и людей, проходящих на него. Но клин клином вышибается. Через год они с братом снова вернулись: у Сэлвера была претензия к одному из соседей, якобы подворовывающих их хрусталь. Претензию разрешили через аукцион. В тот год Аманде уже не было страшно. Вместо, она достала старые платья, кредит за которые был уже давно погашен, и спряталась за их красотой, закрыв саму себя в никому не доступном «домике». Знали ли они с братом убитых? Да. Убивали ли они? Мотива у них не было. Но у кого он был?

Зачем же они приехали сейчас? Аманда лишь пожимает плечами: привычка... Тяга к азарту... Но я вижу, куда глядят при этих словах ее глаза, и начинаю догадываться о происходящем. И поэтому я доверяю Аманде Освальд.

Не слишком ли много я на себя беру? И откуда мне знать, не игра ли вся эта невинность под маской пышных платьев?

Тут я могу пожать плечами: кто знает...? И это лишь между мною и Амандой.

Итак, первой жертвой был Роберт Лэндсор. Он был найден в комнате номер четыре через час после свершения наказания. Убитого, после снятия печатей с комнаты, нашла «хозяйка» аукциона — госпожа Магс. Тело лорда Лэндсора было иссушено, словно мумия, но иных следов насилия на нем не имелось. Тайная королевская полиция, прибывшая на место преступления, не смогла найти ни одного следа, и ни одного отпечатка. Совсем ни одного. Комната была стерильна. Врачи постановили, что лорд Лэндсор умер от потери жизненной силы. Его будто выпили через соломинку. Но свидетель, при котором свершалась передача магической силы, сообщил, что лорд Сэйсил Бриг — обладатель лота — забрал лишь то, что причиталось ему по покупке. Не больше. Ни меньше. Когда он и госпожа Магс (именно «хозяин аукциона» следит за свершением самой последней сделки) покидали комнату, дабы лишенный маг перевел дух, Роберт Лэндсор был жив.

В комнате так же не было обнаружено ни одной потайной двери. Хотя, опять же, комнату просматривали уже после снятия печати. Поясню, что комната, запечатанная волшебной силой, может иметь совсем необычайные свойства. Но стоит снять печать, как вся магия, удерживаемая ею, погибает. Поэтому, осмотр комнаты вовсе не доказывает, что в ней нету потайных ходов, через которые и мог проникнуть убийца.

На момент свершения наказания остальные комнаты пустовали.

Особенно странным было то, что сам Роберт Лэндсор обладал силой врачевателя — мага, уменьшающего боль и исцеляющего раны. Поэтому, его смерть от «иссушения» была весьма иронична.

За день до наказания Аманда Освальд платила по счетам покойного мужа в комнате номер три. Могла ли она найти ход в другую комнату? Убила ли она Роберта Лэндсора? Шансы малы. У Аманды не было оснований убивать. Она пришла платить, а не брать.

В первый же день начала торгов чести была занята комната номер два. В пыточной прострелили ногу Нику Арману — мелкому дворянину, служившему гонцом на службе короля. Именно Ника подкупил Роберт Лэндсор, чтобы тот «запаздывал» и не привозил ко двору важные вести. Лэндсор думал сыграть на своей осведомленности, но запутался в собственных сетях. Нику же не повезло вместе с ним. Как дворянина, его приговорили к аукциону. Да, у Ника был мотив убийства: он подставился из-за Лэндсора. Но вряд ли у Ника была возможность. Из-за раны, у него пошло воспаление, и все дни до конца аукциона он пролежал в лихорадке. На следующем аукционе его не было.

После убийства аукцион хотели закрыть. Но, с другой стороны, не должен ли он внушать аристократам благоговейный страх? В стране сейчас смутные времена, и тайная королевская полиция решила в пользу продолжения аукциона.

Комнаты были осмотрены, опечатаны двойными печатями, чтобы никто не смог в них проникнуть, и...второй жертвой стал лорд Мельтон Хоук.

Как и лорд Лэндсор, он умер от полного лишения жизненных сил. Его тело было обнаружено так же: сразу после снятия печатей. И снова ни одного отпечатка, и никаких следов насилия. Обладатель лота магической силы лорда Хоука — лорд Ферин, по заявлению лицитатора, не взял более положенного. К тому же: лорд Ферин не является постоянным посетителем аукциона. Его не было при первом убийстве. Его нет с нами

сейчас. Я много обо всем думала, и склоняюсь к мысли, что убийца один, а не банда людей, замешанных в сговоре. По крайней мере, решать уравнение с одной переменной легче. Но вернемся к делу: обстоятельства и стиль второго убийства полностью копировали первое. Труп снова был обнаружен госпожой Магс. Как честный детектив, я обязана сделать предположение, включающее и хозяйку аукциона в список подозреваемых. Она вполне могла убивать сразу после снятия печатей. Как мотив госпожа Магс могла использовать то, что аристократы, павшие так низко, не достойны жить далее. Но тогда почему она передала третий аукцион под надзор своего сына? И зачем ей нанимать меня? Даже несмотря на то, что я до сих пор злюсь на нее за татуировку в виде перстня на моей руке, мне придется заметить, что шанс того, что госпожа Магс — убийца — очень мал. Но стоит рассмотреть как подозреваемого ее сына — Александра. Он, хоть и не проводил аукцион в прошлом году, но помогал на нем матери, а, следовательно, присутствовал и является сейчас одним из подозреваемых. Где он был во время первого аукциона, на котором совершили убийство, следует выяснить. А пока я не могу сказать что-либо «за» или «против» кандидатуры господина Магса.

В первый день торговли честью, в комнату номер два попал некто Марк Калмер. Ему отрубили ухо — слишком много не своих секретов оно подслушало при дворе. Теперь Марк носит серебряный протез и живет очень далеко от столицы. Это все, что о нем известно. Шансы, что он убил — маловероятны.

Зато за день до убийства, Сэлвер Освальд присутствовал в третьей комнате поместья. Он выкупил честь соседа, якобы воровавшего у его семьи секреты хрустала. Что придумал Сэлвер для Роэля Робинсона в воображариуме — не известно, за ними никто не пошел, но это уже второй раз, когда Освальды могли осмотреть комнаты. Я уже говорила, что исключаю Аманду из списка, но я не исключаю того, что Аманда могла невольно рассказать брату что-то, что подсказало, как перемещаться между комнатами.

Да, Сэвер Освальд — индюк. И развратник. И еще он очень не сдержан. Он всегда сильно нервничает. Но я не верю всей его игре. Жидкий хрусталь показал его как незаурядного мага, и отличного изобретателя. Возможно, за внешне неприглядной картиной, лежит еще ни один сюрприз.

Я тяжело вздохнула, и откинулась на спинку своего стула. Вот уже несколько часов подряд мы с Александром просматривали отчеты по убийствам, медицинские заключения, показания предыдущих участников аукционов. Я сформулировала и записала свои мысли для отчета господину Холмсу. Моя голова раскалывалась. Я была истощена.

— Александр, я рада, что у меня, наконец, отчеты по всем убийствам, — пробормотала я, — Но больше я не могу. Мне надо выспаться...

Ответа не послышалось. Александр мирно спал, положив голову на стол.

Я не заставила себя ждать.

Накрыв Александра одеялом, я легла в постель и закрыла глаза. О луна, как это здорово — оказаться на мягком матрасе, среди подушек и теплых одеял. Шелковые простыни подо мною приятно охлаждали тело, и я проваливалась, проваливалась, проваливалась в божественно мягкий пуховый матрас. Вот я уже упала на достаточную глубину, но что-то не отпускало меня. Мое тело тянуло ниже. Глубже. Внизу- подо мною — были километры. Сверху — я не могла уже различить солнца. Я тонула. Мои легкие наполнялись водой. Каждый мой крик, каждая мольба о помощи — открывала воде все мое естество. Вода стала

моей кровью. Она текла по клапанам моего сердца. Я пыталась выбраться, выплыть на поверхность, но мои ноги словно налило свинцом. Я не могла пошевелиться. Не могла даже моргнуть в этом водном аду. Все, что мне оставалось, это кричать.

— Помогите! Кто-нибудь! Помогите!

Я вскочила с кровати. Мое тело было мокрым от пота. Я опять видела один из своих кошмаров.

— Помогите!

Я встrepенулась. Неужели я все еще кричу?

— Кто-нибудь!!! Умоляю!

Я резко тряхнула головой. Похоже, я проснулась не от своего крика.

— Что случилось? — сонно спросил меня Александр, сон которого тоже прервали.

— Помогите!!!

Крик доносился снизу. Мы с Александром, окончательно проснувшись, бросились туда.

В зале у лестницы никого не было. Но дверь в конюшню была открыта, и оттуда доносилось лошадиное ржание и бешенный стук копыт.

— Кто-нибудь!!

Голос был женский. Мы кинулись в конюшню. Картина, представшая перед нашими глазами, была жуткой.

Лошади бесновались. Они били копытами, ржали, фыркали, и всячески пытались вырваться из своих загонов. Я их понимаю: весь пол был залит водой. Вокруг кишели крысы. В слабом свете одной единственной свечи я различила женскую фигуру. Александр, схвативший факел из верхней залы, подбежал к ней. Это была Аманда Освальд. На ней не было ровно ничего, кроме тонкой ночной рубашки, но и та была настолько промокшей, что облепляла ее тело самым бесстыдным образом. Аманда рыдала, звала на помощь и била кулаками по груди зеленовато-белый треп утопленника.

— Вы умеете прощупывать пульс? — спросил меня Александр, указывая на лежащего в ногах Аманды человека. Я кивнула. Взяла мокрую руку Курта Хьюгсона, закрыла глаза, стараясь абстрагироваться от происходящего.

— Ну где же ты? — молила я луну. Рука была холодная.

— Помогите! — снова пропищала Аманда.

Александр сказал ей замолчать.

Я еще крепче сжала запястье. Очистила голову, насколько это возможно и...да!

— Пульс есть, — сказала я, — Очень слабый, но есть.

Александр со всей силы ударил Курта по груди. Наверное, он сломал ему ребра. Не важно. Из рта нашего утопленника потекла вода. Курт закашлял.

— О луна! Луна! — рыдала Аманда.

Она была в истерике.

Тем временем Александр привел Курта в сидячее положение. Взгляд господина Магса при этом был убийственный.

— Вы пытались бежать? — холодно спросил он.

Но Курт лишь кашлял и кашлял водой. А Аманда все плакала.

— Вы должны были знать, что это — бесполезно, — с невероятной злостью в голосе сказал Александр, — Печати не дадут никому уплыть. Они превращают воду вокруг поместья в чудовище, пожирающее все, что в нее попадет.

— Я...я...,- начал Курт, а затем он замолчал, потом посмотрел на Аманду, — Хорошо,

что госпожа Освальд не спала и решила накормить свою лошадь. Она спасла меня.

Его голос все еще дрожал, но взгляд, устремленный на Аманду, был тверд. Та чуть успокоилась и кивнула в знак подтверждения истории.

— Идиоты, — бросил им Александр, — Розалинда, пойдете.

Он встал, схватил меня под локоть, и потащил за собой.

Я не стала спрашивать объяснений этой истории. Для меня, как и для Александра, было ясно, что это личное дело Аманды Освальд и Курта Хьюгсона.

Утром, за завтраком, меня ожидал не самый приятный сюрприз.

— Вы разговариваете со всеми, но будто избегаете меня.

С идеально уложенными волосами, свежая, застегнутая на все пуговицы, звеня серебряным голоском, и держа чашечку оттопырив пальчик, ко мне подседа Грэйс Арон.

— Надеюсь, вы не возражаете против моей компании? — спросила она.

Я хотела ответить, что, глядя на ее вечно вздернутый нос, это она имеет что-то против моей компании, не я. Но пришлось перебороть себя.

— У нас с Александром столько дел на аукционе, — улыбнулась я, — Простите, если обидела вас невниманием.

Грэйс мягко и слегка патронажно вернула мою улыбку, отхлебнула чаю, и спросила:

— Вы знаете, что произошло сегодня ночью?

Всякое желание есть, и без того увядшее с приходом Грэйс, отпало у меня. К чему эта цапа клонит?

— Нет, я спала, — спокойно ответила я.

Грэйс кинула быстрый взгляд на Курта Хьюгсона, который, как ни в чем не бывало, весело беседовал о чем-то с Генри.

— Этой ночью Курт Хьюгсон пытался сбежать от нас, — тихо сказала она, — Как видите, у него ничего не вышло, — и Грэйс вздохнула. Была ли это печаль или просто ирония? Я не могу понимать таких женщин.

— Откуда вы знаете? — спросила я.

— Я слышала, как Аманда звала на помощь. И это означала лишь одно, — спокойно пожала плечами Грэйс.

Все мои внутренности сжались: Грэйс Арон слышала?! И она может так говорить об этом?! Перед глазами промелькнуло бледное от холода и воды лицо Курта. Более того, Грэйс даже не попыталась помочь...И эту женщину так благоволит Александр?

— Я удивлена вашей осведомленности, — сказала я, едва удерживая лед в голосе.

Грэйс посмотрела на меня: глубоким, изучающим взглядом. От него по моему телу побежали мурашки.

— Моей осведомленности? — повторила она мою фразу, — Но ведь вы родственницы с Александра, неужели вы ничего не знали об этом?

Мне не понравилось ее ударение на слове «родственница». Еще меньше мне понравилось то, как она говорила «Александр» — так, словно он ее давний друг или более...

— Я лишь помогаю на аукционе, — заметила я.

— В этом-то все и дело, — снова вздохнула Грэйс. Ее ахи-вздохи меня уже порядком утомили.

Несколько секунд мы сидели молча. Потом Грэйс отпила еще чаю, и нагнулась было поставить кружечку на стол, как застыла. Но это было лишь мгновение. Со звоном оставив чашку, Грэйс, необычайно резким для нее движением, выпрямила спину. Ее глаза были устремлены в другой конец комнаты. В них горело отвращение. Я тоже посмотрела в том направлении, но ничего неприятного я не увидела. Лишь Генри Соквел. Не более.

Грэйс заметила, что я тоже смотрю на Генри.

— Подружились с юным Соквелом? — снова в своей сладкой манере спросила она.

Я с трудом сдержала желание послать ее восвояси.

— Да, Генри хороший парень, — вместо этого сказала я.

— Понимаю, — протянула Грэйс, — Его мама, насколько мне известно, тоже тут со всеми дружила.

Предложение было самым обычным, но мне опять не понравилась интонация и ударения, которые ставила Грэйс.

На этот раз Грэйс не заметила выражения моих глаз. Вместо, она снова посмотрела на Генри, и побормотала, более для себя, чем мне:

— Он смотрит на всех нас, будто видит и знает больше остальных. Но я знаю кое-что и о нем.

Впервые, за весь наш разговор, я заинтересовалась. И сразу же мы были прерваны.

— Я точно намерена приобрести сегодня кольцо с рубином, — сказала Аманда Освальд, подошедшая к нам в этот момент, — Надеюсь, Грэйс, ты не возражаешь? Оно, вроде, принадлежало твоей матери?

И Аманда, великолепная, как всегда, в своем алом платье с декольте, сверкнула жемчужными зубами и села возле меня.

— Нет, Аманда, что ты, — пожала плечами Грэйс, — Оно отлично подойдет тебе. По крайней мере, на одну руку.

Аманда побледнела. Грэйс же встала из-за стола. Я пыталась понять, к чему был ее намек, как она снова обратилась ко мне.

— Был очень приятно поговорить с вами, — сказала она, — И надеюсь продолжить наше знакомство. Нам ведь обеим есть о ком поговорить.

Ее глаза упали на Александра, сидевшего вдали от нас вместе с Фридрихом. Александр, как и всегда, замер под блеском ее серости.

Но долго держать чары Грэйс не стала. Она гордо подняла нос и вышла из залы.

— О, как бы я хотела посмотреть на нее в воображариуме, — прошипела Аманда. Я лишь тихонько дотронулась до ее руки в знак поддержки.

— Лот тридцать восемь! — провозгласил лициатор, — Кольцо. Женское. Белое золото. 750 проба. Инкрустировано алым рубином в шесть карат. Магическим артефактом не является. Начальная цена — двести золотых.

— Триста, — подняла руку Аманда.

Она была верна своему слову. Я мельком бросила взгляд на Грэйс Арон, но та была невозмутима.

— Триста золотых раз, триста золотых два...

Похоже, у Аманды не было конкурентов.

— Триста золотых...

— Пятьсот золотых!

Голос и поднятая рука принадлежали Александру. Мое сердце остановилось. Неужели...?

— Пятьсот золотых раз, — принял цену лициатор, — Пятьсот золотых два. Пятьсот золотых три. Продано за пятьсот золотых господину Магсу.

Александр встал со своего места, подошел к постаменту, получил свой лот. При этом его сопровождали самые ледяные взгляды. И один из них был мой.

— Разве тебе не запрещено участвовать в аукционе? — прошипела я, когда он сел на место.

— Обычно мы не участвуем, — спокойно сказал Александр, — Но правил запрещающих нашей семье это делать — нет.

— Но...

— Розалинда, это мое дело, — отрезал Александр, — И сидите тихо...

На этом наш разговор был закрыт.

Краем глаза я видела, как на сером лице Грэйс Арон появилась ухмылка.

Поле была продана еще пара безделушек, и лициатор объявил перерыв.

Когда Александр пил чай, к нему подошел Фредерик.

— Я рад, что ты решил поиграть с нами, — сказал он, — Жду не дождусь сразиться за лот чести с достойным противником.

Он криво усмехнулся Александру, подмигнул мне, и удалился.

Настроения говорить с этим любителем серых цап у меня не было, и, не имея я обязательств детектива, то я непременно оставила бы Александра один на один с его предметом обожания: сегодня он как никогда много смотрел на Грэйс Арон. Но все же, долг обязывал меня спросить:

— И за что мы собираемся сражаться с Фредериком? Уж не за честь ли прекрасной Грэйс?

Да, получилось как-то не очень по-деловому. Виновна.

Александр посмотрел на меня. И в глазах его читался странный интерес.

— А ты еще не поняла, кто такой Фредерик? — спросил он меня.

Я хотела было открыть рот, чтобы ответить «Ты не потрудился мне об этом рассказать!». И тут мелкие кусочки сложились воедино. Странный вид. Отсутствие

фамилии, титула и видимых причин иметь деньги, но явное наличие их. Презрение Александра. Бравата перед ним Курта Хьюгсона. Все шуточки и подковырки, которыми бросался сам Фредерик. И его осведомленность во всеобщих делах. Я поняла. Фредерик был «посредником» на аукционе. Человеком, которого кто-то нанял, чтобы тот всегда предлагал высшую цену за желанный лот. А в нашем случае — когда аукцион был видом королевского суда, и лотами были честь и жизнь — Фредерик, нанятый скорее всего тайной королевской полицией — был не более чем палачом, имевшим возможность «купить» себе жертву.

Я пошла в конюшню — мне надо было подумать. Поухаживать за своей лошастью — тоже была неплохая идея. Я налила лошадке воды, дала корму, взяла расческу в руку. Медленно, я начала расчесывать гриву.

Если Фредерик — посредник — то чьи интересы он представляет? Королевской полиции? Или он может обслуживать еще нескольких клиентов, предпочитающих отсидеться в темноте, и не пачкать свои руки, предоставив это Фредерику? И есть ли возможность, что и убийца может нанять Фредерика как посредника в своей работе? Боюсь, здесь — на аукционе, где нет чести и морали — возможно все. И не думаю, что такой человек, как Фредерик, будет гнушаться работой, если за нее ему заплатят деньги... Кстати о деньгах. Какими средствами оплаты обладает Фредерик? Будет ли это только золото? Или для достижения своей цели (вернее — цели клиента) он пойдет дальше?

— Розалинда, это вы? — услышала я сзади себя голос Генри Соквела.

— Да, Генри.

— Я так и почувствовал, — улыбнулся тот.

Голос его сегодня был очень грустным.

— Тебе помочь с твоей лошастью? — спросила я, глядя, как слепой юноша наливает воды своей лошадке.

— Спасибо, Розалинда, я справлюсь, — ответил Генри, — С самого детства я ухаживал за лошадьми. Это помогает таким как я почувствовать мир.

— Понимаю...

Я продолжала расчесывать гриву своей лошадке, Генри же принялся за свою.

— Честно, будь у меня выбор — я лучше был бы конюхом, чем богатым антикваром.

— Ты не любишь антиквариат? — спросила я.

Генри остановился и будто бы посмотрел на меня.

— Я ненавижу этот аукцион, — сказал он.

Я промолчала, хотя и сама начинала чувствовать нечто подобное.

— Мама говорит, здесь нужно абстрагироваться от всего, не смотреть, не думать, лишь покупать то, что тебе интересно. Но здесь тяжело не смотреть даже с моими глазами, — продолжал Генри.

— Ты можешь попросить ее больше не посылать тебя сюда, — мягко сказала я.

И тут же я ждала шквала возражений от Генри: он ведь был единственным наследником целой антикварной империи. Как он может взять и отказаться от участия в аукционе, приносящем столько дохода семье?

Такого ответа я вполне ожидала, и даже приготовила реплику, служащую моим жизненным девизом «Ты сам хозяин своей судьбе». Но Генри снова удивил меня.

— Да, Розалинда, ты права. Это — мой последний аукцион.

Странный, бедный богатый мальчик.

— Лот пятьдесят пять! — голос лицiatора был четким и спокойным, будто он рассказывал нам о картине или брошке, — Кисть правой руки лорда Курта Хьюгсона. Лорд Хьюгсон, по утверждению барона Фон Штала, украл его свиток «трех магий», позволяющий пользоваться более чем одной магической силой одновременно. Королевский суд признал вину Лорда Хьюгсона. Начальная стоимость руки вора — десять тысяч золотых.

Так началась вторая часть аукциона. Честь.

Я была удивлена и была не удивлена одновременно, узнав, как Курт заполучил столько магических знаний в таком юном возрасте.

Я — как чтец — знаю фамильное древо Хьюгсонов. И барон Фон Шталь — не кто иной как дядюшка Курта по материнской линии. Учитывая возраст и амбиции Курта, не могу сказать, считал ли он то, что он «взял» свиток — воровством, или одалживанием. Но дядюшка, похоже, был иного мнения. Либо племянник насолил ему сильнее. Так или иначе — рука Курта была на кону. И Фредерик уже поднял свою руку:

— Двадцать!

Похоже, Фредерик представлял дядюшку Фон Штала. И дядюшка был не намерен шутить.

— Тридцать! — включился в борьбу Сэлвер Освальд.

— Сорок, — спокойно сказал Фредерик.

— Пятьдесят!

Фредерик засмеялся:

— Давайте уже закроем этот детский сад! Играть, так играть! Двести тысяч золотых!

Я чуть не упала со стула. Вот это деньги! Целое состояние! Неужели кто-то готов отдать его, лишь чтобы заполучить кисть племянника?

Сэлвер Освальд позеленел. Но снова поднял руку.

— Я отаю патент на свое изобретение «Жидкий Хрусталь», — сказал он.

Фредерик оценивающе посмотрел на него.

— Я видел вашу презентацию, — сказал он, — И я оценивал. Думаю, подсчеты делал ни я один. Лициатор — сколько стоит патент на изобретение господина Освальда?

Лициатор вздохнул. Потер лысину.

— Увы, — сказал он, — Не могу принять вашу ставку. Она меньше суммы господина Фредерика. Двести раз. Двести два.

— Я отдаю себя! — прозвучал по всему залу голос Аманды Освальд, — Надеюсь, моя честь и мое тело — стоят больше золота.

— Ставка принимается, — сказал лицiatор, — В случае, если никто не перебьет вашу цену — Вы получите кисть лорда Хьюгсона в свое полное распоряжение, но свою цену вам придется заплатить полностью истцу — барону Фон Шталю.

— Аманда, нет! — пробормотал Курт., но как-то слабо, и не очень убедительно.

Аманда подтвердила свою ставку.

Лициатор начал считать. А я поняла смысл аукциона.

Курт Хьюгсон сохранит руку, но все равно потеряет свою честь. Ведь он позволил женщине, которая любит его, женщина, которая спасла его уже однажды, отдать себя как

вещь на аукционе.

Я закрыла глаза. Мне было тошно.

— Рубите по самое плечо! — внезапно услышала я голос Курта, — Надеюсь это, и еще моя левая нога — будут стоять чести госпожи Освальд.

Аманда посмотрела на Курта огромными, полными слез глазами и упала в обморок.

— Ставка принята, — сказал лициатор, — Кто предложит больше?

— Триста тысяч, — хрипло сказал Фредерик.

Лициатор отсчитал до трех. Истец — барон Фон Шталь — получил и руку и ногу племянника. Фредерик и Курт поднялись в комнату номер два для получения лота.

День выдался не из легких. После завершения торгов, я предложила Сэлверу помочь с сестрой. Аманда не приходила в себя, и металась в лихорадке, вызванной сильным нервным перенапряжением. Крики Курта Хьюгсона, доносящиеся сверху, ничуть не помогали спокойной обстановке.

— Веселое местечко, — подумала я, поднося влажную тряпку к голове Аманды, — Все комнаты за печатями, но звукоизоляции никакой. Впрочем, в этом весь и смысл...

Аманда пробормотала что-то в своем бреду, и я снова отерла пот с ее лба.

— Надо привести ее в чувство, — сказал Сэлвер, подходя ближе к сестре, — Аманда, Аман-да, — он слегка побил ее по щекам, — Очнись, ты нужна Курту...

Из закрытых глаз Аманды потекли слезы.

— Оставьте ее, — тихо сказала я Сэлверу.

Я не имела ничего против его попыток «оживить» сестру, но сейчас Аманде нужен был отдых. Особенно перед всем тем, что ждет ее впереди.

— Дайте ей время, — сказала я, — Она сильная, и сможет побороть себя, когда это будет действительно нужно. Сейчас же ей надо побыть просто женщиной.

Сэлвер посмотрел мне в глаза с неким недоверием.

Я вздохнула: как хотите...

И тут вся маска Сэлвера Освальда слетела. Ушла напыщенность. Высокомерие. Показная праздность. Хамство. От Дон Жуана не осталось и следа. Передо мною стоял расстроенный мужчина средних лет. Его глаза были грустными и очень усталыми.

— Вы правы, — сказал он мне, — Нам всем нужно передохнуть. Возможно, если я лучше соберусь, то смогу придумать для Курта что-нибудь, что сможет заменить потерянные конечности.

Так я и знала: под всеми своими напускными пороками Сэлвер Освальд был лишь несчастным зубрилой. Изобретателем, идущим к своему звездному часу, но никогда его не получающему. Мечтателем, разбивающемся о жизнь.

— Хотите рассказать мне все? — спросила я, глядя золотые волосы Аманды, рассыпанные по подушке.

Это был не допрос. И здесь я действовала не как частный детектив. Просто я знаю, как важно иногда все рассказать. Хот кому-нибудь.

Сэлвер кивнул.

Вот что он мне рассказал.

— Аукцион — в большей степени моя вина. Мы должны были остановиться, заплатив свои долги. Но увы, эта вещь затягивает. В самом худшем смысле. Мы с Амандой всегда очень мало интересовались светом. Я люблю семейное дело — хрусталь. Аманда любила

свои книги и музыку. Не бальную. Она любила играть, и петь, но лишь для семьи. Публика всегда смущала ее. Но жизнь распорядилась так, что сестре пришлось выйти в свет. Мы потеряли бы все, не выйди она тогда замуж. По крайней мере, тогда я так думал. И лишь когда Аманда давала обед верности своему старику, я понял, что сестра теряет нечто большее, чем семейную честь или бизнес. Она теряет себя. Но было уже поздно. Я трус. Я мог встать у ее алтаря. Мог запретить ей делать это с собой. Но я не стал. Вместо, я затаил злую, черную мечту, что все это ненадолго. Что старик умрет, и Аманда будет свободна. Но до свободы было целых семь лет. Один ребенок. И куча долгов, с которой нас оставил якобы богатый старик. Мы снова оказались ни с чем. Снова на аукционе. Пришлось выживать. На следующий год я сделал несколько небольших открытий в мире хрусталя: радуга в бокалах, и то, как можно оживлять небольшие хрустальные фигурки, чтобы птички летали, а собачки бегали. Я надеялся, эти патенты выведут нас к новой, более богатой жизни. Глупое честолюбие заставил меня похвастаться соседу. И патенты чуть не ушли из моих рук — так быстр он украл идею. Пришлось судиться. И, когда суд вынес приговор в нашу пользу, я вспомнил о злосчастном аукционе. Я хотел справедливости. Если нам пришлось платить здесь аж дважды, то почему бы обидчику не заплатить нам сполна. Это было мелко. Сейчас я знаю это. Но мы вернулись. И тогда Аманда встретила с бароном Фон Шталем. Он тоже приезжал на аукцион за уплатой неких долгов. Инкогнито. Вы это знали? Однако, не важно. Барон показался мне славным человеком, который может стать отличным спонсором моего дела. Мы стали сотрудничать. Очень скоро барон познакомил нас со своим племянником — Куртом. Фон Шталь, обладатель свитка магий, планировал приблизиться к высшей свите короля через харизматичного и приятного юношу, которого он специально выдрессировал на знание высшего света, и, чтобы тот лучше пускал пыль в глаза, выучил нескольким магическим приемам из разных волшебных стихий. Это работала отлично. Курт стал приближен ко двору. О нем пошла слава. Он стал популярен. А барон отлично лоббировал через него свои интересы. Конечно, при более близком знакомстве, надобилось очень мало времени, чтобы понять, Курт — не более чем обманщик. Маг-недоучка, знающий лишь поверхность магий стихий. Но кого это интересовало, когда он был так популярен? Все шло хорошо. Хорошо, пока Аманда не встретила Курта... Аманда — моя сестра. Такая взвешенная. Такая спокойная. Тихая. Домашняя. И она влюбилась в этого глупого мальчишку. Как видите, влюбилась без памяти. Она старше его, хоть и ненамного, и Аманда боялась, что среди более молодых и легких дам, вращающихся при дворе, Курт ее не заметит. Для меня же это было единственной надеждой. Увы, как и всегда, моим мечтам не суждено было сбыться. Между моей сестрой и Куртом Хьюгсоном завязался роман. Не знаю, чем и когда все закончилось бы (хотя уверен — точно не свадьбой), но судьба распорядилась иначе. Барон Фон Шталь — дядюшка Курта — тоже положил глаз на Аманду. Он предлагал ей мерзкие вещи, узнав о которых я прервал с ним всякие контакты. И тогда барон решил действовать через племянника. Он обвинил его в краже свитка, и Курту было ничего не доказать. Так он оказался здесь — на аукционе.

Сестра вбила себе в голову, что это все из-за нее. (Однако, я снова уверен: барон давно готовил такой конец племяннику. Дело было лишь за тем, когда Курт надоест ему как его личная дворцовая марионетка).

А Аманда была влюблена. И, в день когда стало известно, что Курт лишится здесь руки, сестра пришла ко мне, моля помочь ей. Отказать я не смог. Аманда пожертвовала стольким ради семьи, ради нашего честного имени, ради меня и моих изобретений, что отказать ей

было равносильно предать ее. Она заслужили любовь. Заслужила счастье. Пусть даже с таким ничтожным мальчишкой, как Курт Хьюгсон. Но это ведь выбор ее сердца. Первое решение, которое она сделала для себя и только для себя. Однако, тут стоял вопрос денег. Имея дела с бароном, я видел, как богат тот и влиятелен. Уже соглашаясь помочь сестре, я знал: наших денег не хватит для перекупки лота барона. И тогда у меня родилась идея. Я только закончил работу над жидким хрусталем. Я нигде его не выставял. Возможно, это изобретение и полные права а него смогут оплатить честь Курта. Увы, я посчитался. Знаю, что как брат, я должен был сам поставить себя на кон, а не заставляя сестру падать в руки барона. Но я слишком большой трус. И теперь Аманда в лихорадке, Курт лишится не только руки, но и ноги, а мое изобретение оказалось абсолютно бесценным... Впрочем, шоу сегодня вечером было потрясающим. За это я и люблю аукцион. Он затягивает. В самом худшем смысле этого слова.

Сэлвер вздохнул.

Я снова вытерла пот со лба Аманды.

Крики Курта Хьюгсона уже затихли. Мне было страшно представить, что стало с ним.

Между тем, разговаривая с Сэвером, я поняла одно — они с Амандой не убийцы. Они просто несчастные люди, затянутые в самую грязь из-за того, что миром правят деньги.

— Сэлвер, — сказала я, — Вы не должны так говорить.

— Как? — устало спросил он.

— Все чего-то стоит. Курт сегодня показал, что любит вашу сестру превыше всего. Даже превыше себя. Это стоит дорого. Аманда будет счастлива с ним. А ваше изобретение — оно прекрасно. Я понимаю, почему вы назвали его «честь семьи». Оно стоит всех ваших трудов.

— О, прелестная кузина тюремщика, вы мне льстите, — впервые искренне улыбнулся Сэлвер.

— Я дочь троюродной сестры матушки Магса, — поправила я.

Сэлвер пожал плечами:

— Говорите что хотите...

В этот момент Аманда открыла глаза.

— Где Курт? — слабо спросила она.

Мы с Сэлвером промолчали. И тогда Аманда вскочила с постели, с невероятной силой отпихнула меня и брата, и помчалась вон из комнаты.

Я и Сэлвер бросились за ней.

— Аманда! — крикнул ей брат, но ответа не послышалось. В коридоре было темно: хоть глаз выколи, и мы бежали, ориентируясь на звук шагов Аманды. И тут послышался резкий шум, как от удара, вскрик Аманды, и все затихло.

— Аманда!!! — голос Сэлвера задрожал.

Где-то в темноте раздались женские всхлипывания.

Я вспомнила, что в моем кармане имеется огниво. Нашупала его. Вынула чуть дрожащими руками. Зажгла.

Слабый свет осветил нам с Сэлвером странную картину.

Под лестницей, ведущей на третий этаж, сидели двое: Аманда и Кендр Арон.

Лорд Кендр Арон — всегда такой высокомерный. Всегда такой холодный. А сейчас он сидел на полу, и гладил Аманду по голове.

— Ничего, ничего, девочка, — говорил он тихим, старческим голосом.

И я поняла, что впервые слышу, как лорд Арон разговаривает, а он продолжал.

— Не плачь. Я был у них наверху. Молодой Курт Хьюгсон...нет, он, конечно, не в порядке. Он потерял многое. Но еще больше он приобрел. Аманда, вы слышите меня?

Аманда подняла глаза, и посмотрела в лицо лорда Арона: оно было усталым, очень усталым.

— Аманда, девочка, не плачьте, — проговорил лорд Арон, — Все это скоро пройдет. Я знал очень многих рыцарей, потерявших больше на поле боя. И все они были счастливы: они отстаивали свою честь. И молодой Курт отстаивал вашу честь. Как бы дорого он за это не заплатил. Но, поверьте старику, честь женщины, особенно любимой, дороже всех наград.

Аманда всхлипнула, но уже тише.

— Сейчас вы приведете себя в порядок, и пойдете к своему возлюбленному с гордо поднятой головой. Вам обоим нечего стыдиться. Не о чем плакать. Вы — выиграла этот бой. Теперь вы сможет быть вместе.

Лорд Арон встал на ноги, помог подняться Аманде, потом достал из кармана носовой платок, и протянул его ей.

— Вот, возьмите. И помните: все худшее — позади.

С этими словами лорд Арон удалился, не удостоив меня и Сэлвера даже взглядом.

Впрочем, все это было так странно, что мы стояли, глупо открыв рты.

Лорд Арон — высокомерный, холодный мужчина, избегающий всякого общества настолько, что даже я порой забываю о его существовании — способен на такие слова и поступки?!

Мне стало не по себе: неужели мир настолько не такой, как кажется?

Между тем, Аманда вытерла лицо от слез, и повернулась к брату.

— Сэлвер, как я выгляжу? — спросила она его спокойным голосом.

— Ты очень красивая, пробормотал Сэлвер.

Аманда слабо улыбнулась. Кивнула ему. И стала подниматься по лестнице. Туда, где ее ждала вся ее будущая жизнь.

Когда она исчезла наверху, Сэлвер повернулся ко мне.

— Пойдемте, напьемся? — предложил он.

Обычно я не пью. Совсем не пью. Я терпеть не могу вино, виски, огненную воду. Но сегодня был такой странный день. Все вели себя странно. Я в том числе.

Бокал. Еще бокал. Мне не было ни грустно. Ни весело. Мы все сидели в столовой Сэлвер сидел рядом и говорил что-то о том, как можно преобразовать жидкий хрусталь в материал для протеза. Я слушала и не слушала одновременно. Грэйс Арон сидела в углу, и что-то вышивала. Мне хотелось подойти и проткнуть ее иголкой. Откуда такие мечты: сама не знаю... Кендра Арона нигде не было видно. Фредерик тоже не появлялся. Это хорошо: надеюсь он отмоет руки от крови. Хотя бы визуально.

Александр говорил о чем-то с лициагором. Этим спокойным, холодным горным эльфом. О чем они говорили?

А, точно!

Я засмеялась.

— Какая же я дурра! — поделилась я с Сэлвером Освальдом.

Тот посмотрел на меня туманными глазами. Икнул. Потом лишь пожал плечами.

— Как знаете.

А я все смеялась. Вот же он — частный детектив, которого нанял Александр. Горный эльф. Наш лициагор! Кто может подойти лучше? Он был на всех аукционах. Он следил за всеми покупателями. Он был беспристрастен по природе. Для Александра он был идеальным союзником. Надо будет поговорить с ним как коллега с коллегой... Но завтра. Лучше завтра. Сегодня меня вполне может вытошнить на коллегу.

— Вы в порядке? — услышала я возле себя голос Александра.

Не ожидала, что он вдруг окажется возле меня. Или я так пьяна, что уже не могу отследить чужие перемещения по комнате?

— Да, мне хорошо, — скала я, — Сегодня я видела, какая должна быть любовь. Это здорово.

— Здорово страдать за любовь? — переспросил меня Александр, садясь рядом.

— Здорово не бояться страдать, — поправила его я. Ком застрял в моем горле. Обычно, я так не думаю, но сегодня я чувствовала себя преданной. Кем? Когда? Я знала. А Александр — нет. Поэтому я сменила тему.

— Как Курт?

— Лорд Хьюгсон, — мягко поправил меня Александр, — Уже пришел в себя. Он потерял много крови и еще очень слаб. С ним сейчас Аманда. Думаю, они справятся.

Я кивнула.

— Вам надо идти спать, — посоветовал Александр, сам смотря на меня очень усталыми глазами.

— Вы правы, — выдохнула я.

С трудом я встала, но ноги не держали меня.

А потом они вообще отнялись от земли, а голова наоборот запрокинулась назад. И, не успела я все осознать, как тело мое очутилось на кровати.

Да, похоже, я выпила лишку, раз не осознала, как Александр взял меня на руки, и донес до постели в моей комнате.

— До завтра, — услышала я его голос.

— Постой, — пробормотала я.

— Да?

— Подойди ближе, — я поманила Александра пальцем.

Тот стоял, глядя на меня с недоверием.

— Мне нужно сказать тебе кое-что.

Он подошел.

— Нагнись, это тайна, — прошептала я.

Александр нагнулся.

Я впилась своими губами в его губы. Голова и комната кружились от вина, но закружились еще быстрее, когда Александр ответил на поцелуй. Его губы были мягкими, теплыми. Дыхание — горячим. Я почувствовала его руки на своих плечах. Потом его губы а

моей шее. Руки продвигались ниже, лаская талию, бедра. Губы целовали плечи, шею, глаза, грудь, снова мои губы. Мне стало не хватать воздуха. Я начала тонуть. Пытаясь спастись, я открыла глаза. Рядом никого не было. Я лежала одна в темноте своей комнаты. Видимо, я действительно выпила лишку.

Последний день аукциона.

О демоны, как я была этому рада! Люди, замкнутое пространство, из которого невозможно выйти даже на улицу, кровавые торги, отрубленные конечности, и — мой личный ад — окружение водой со всех сторон. Это сводило с ума. И, похоже, не одну меня. Не удивительно, что в этом месте свершались убийства. Но произойдет ли одно из них в этот аукцион? Или убийцы среди нас нет, и я приехала сюда напрасно?

Ответ я решила спросить у коллеги.

— Доброе утро, — поддела я к нашему маленькому лициатору.

Тот посмотрел на меня своими глазками, и ухмыльнулся.

— Доброе утро, Розалинда, — сказал он, — Вижу, вам нужно обсудить наше общее дело?

Я кивнула, хотя осведомленность эльфа меня раздражала.

— Для начала, — спокойно сказал эльф, — Позвольте заметить, что я не получаю никакого удовольствия от того, что вынужден так сказать «вынюхивать» из-под полы.

Я приподняла бровь.

— Моя семья вот уже много лет помогает проводить этот аукцион. Взамен — полная свобода о налогов.

— Ух-ты, как меркантильно! — подумалось мне.

— Случилось так, что я здесь уже не первый год, и знаю кое-что, как лициатор. Поэтому, когда господин Магс попросил меня помочь ему, я вынужден был согласиться. Иначе аукцион закроют и мои налоги вернутся ко мне.

Эльф вздохнул.

— Но я мало что понимаю в этом деле, — продолжил он, — Честно. Не смотрите на меня так.

Я постаралась смягчить взгляд.

— Боюсь, до конца вам придется дойти самой.

— Но что же известно вам? — спросила я.

Лициатор огляделся по сторонам. Кроме нас в комнате никого не было. И все же он сильно нервничал.

— Как я уже говорил, я здесь не первый год. Как вы уже заметили, кроме лициатора и простых участников торгов, у нас всегда присутствует «посредник». Иногда их даже несколько, но часто истцы нанимают одного человека, который делает все их дела. Посредников в нашем деле не так и много. Последние оды им работал некто Герман. Жестокий, но чистоплотный человек. Он был на последних двух аукционах, но этой осенью с ним случился несчастный случай — лошади затоптали его в конюшне.

Я удивленно посмотрела на собеседника.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Да. Такое бывает, — ответил тот, — Но дело не в этом. Я ставил на то, что в этом оду посредником выступит Барнс — его долго не было в деле. Я слышал — он на мели. Но Барнс отказался. Это странно — он обожает отрезать конечности. Отказался так же и Черри. Сослался на то, что стал человеком семейным, и больше не занимается такими делами. На

мой взгляд это все пустые отговорки. Если жестокость в крови, то ее не вымоешь.

Лициатор вынул маленький платочек из кармана и протер свою лысину.

— Оставались Вальга — единственная женщина из всех, и Фредерик. Я ставил на то что этим делом займется Вальга. По крайней мере, с ней вел переговоры барон Фон Шталь. Поэтому я был крайне неприятно удивлен, увидев Фредерика. Вы, конечно, не знаете этого, но Фредерик — не просто посредник. Он следователь. Заметьте, я не говорю здесь слово «детектив». Полномочия Фредерика шире, он работает с частной королевской полицией, в его подчинении есть люди. Как видите, он сам по себе большая шишка. А теперь спросите себя, зачем он здесь?

Мое дыхание замедлилось. я нагнулась ближе к лициатору:

— Вы ведь говорили это Александру, не так ли?

Тот кивнул. Волны гнева покатались по моему телу. Опять недосказки! Снова тайны! Чертов арисократишка!

Лициатор смотрел на меня, улыбаясь краем губ.

— Вы зря так нервничаете, — спокойно сказал он, — Господин Магс лишь заботится о вас.

— Да неужели? — скептически заметила я.

— По его мнению, вы — лэди. И о оберегает вас. Поверьте, Фредерик — не тот человек, под которого вам следует рыть.

— Тогда почему вы рассказываете мне все это? — все еще раздраженно спросила я.

— Я — горный эльф, — пожал плечами лициатор, — Я не настолько заинтересован в вас, как господин Магс.

Я открыла было рот, но маленький лициатор прервал меня.

— Тсс, тсс... Мне безразлично. Я рассказал вам все. Можете сказать господину Магсу, что теперь в этом только вы и он.

С этими словами он встал и ушел. Да, горные эльфы — странный народ.

Я осталась одна в столовой. По крайней мере, я так думала. Но все же, в комнате был еще кто-то. Я чувствовала это каждым своим нервом. За мною следили. Кто? Как? Я аккуратно огляделась вокруг. Никого не было. Лишь тени и зеркала. Возможно ли, что даже у стен в этом странном доме были уши?

Я встала. Мне надо было найти Александра. Но сначала — сначала я написала письмо, которое мой верный ворон Ватсон должен был доставить как можно скорее его адресату. Иначе — никто в этом поместье может не дожить до конца аукциона.

Александр ждал меня в зале проведения торгов. Он выглядел как всегда идеально, и как всегда очень холодно. Каштановые волосы — уложены. Костюм — чист и отглажен. Вишневые глаза даже не смотрели на меня.

— Доброе утро, — спокойно поприветствовал меня Александр.

Я ответила ему взаимным приветствием.

В зале потихоньку начали собираться люди.

Грэйс Арон с отцом. Сэлвер Освальд. Аманда Освальд везла перед собой инвалидное кресло, в котором сидели остатки Курта Хьюгсона. Я старалась не смотреть на него — это было бы неприлично. Но Курт сам помахал мне оставшейся рукой.

Я слабо подняла свою в ответ. Курт что-то сказал Аманде, и они подошли к нам с Александром.

— Доброе утро, — поприветствовал нас Курт Хьюгсон, — Я попросил Аманду подвезти меня к вам. Не хочу, чтобы все отводили глаза, как от прокаженного, — его голос слегка дрогнул, он он тут же засмеялся, — Ведь я еще молод и чертовски хорош собой! К тому же, я скоро женюсь.

Аманда Освальд покраснела. Я посмотрела на нее с радостью: Аманда заслуживала счастья. Курт положил руку на руку Аманды, лежащую на спинке его кресла.

Не успели мы с Александром поздравить молодых, как в зале раздался странный шум. Я оглянулась: Генри Соквел споткнулся об один из стульев и упал. Я и Александр поспешили было на помощь, но нас опередили. Фредерик. Он подошел к Генри и протянул ему руку.

— Ну же, сынок, вставай.

Генри продолжал сидеть на полу. Его взгляд, всегда смотрящий в некуда, был странно направлен на Фредерика. На минуту, мне показалось, что Генри видит. Но потом Фредерик махнул рукой, как бы говоря «Как хочешь», и отошел. Взгляд Генри все еще был в той самой точке, где только что стоял палач. Мы с Александром поспешили помочь Генри подняться. Было заметно: он сегодня нервничает.

Все сели на свои места. Лициатор занял свой постамент. Торги начались.

Мы долго, неприлично долго торговали никому не нужным хламом. Кого заботят сережки и табакерки, когда вот-вот может свершиться убийство? Я уже начала клевать носом, когда лициатор объявил:

— Нож. Серебро. Высшая проба.

Само по себе это было не интересно, но руку со своим предложение цены подняла Грэйс Арон.

Желающих, кроме нее, купить себе ножик не нашлось, и нож отошел к пресерой Грэйс за ничтожную сумму в десять монет.

Мало кто обратил на это внимание, и торги потекли дальше. Однако, я задумалась. Зачем Грэйс серебряный нож? Принадлежал ли он ранее их семье, и им резала яблоки ее покойная матушка? Или тут было что-то большее?

Вариант с памятью о маме как-то отпадал. Грэйс даже не пыталась побороться за ее перстень. Конечно, он стоил больше ножа, но все же... Тут явно было что-то не так. Мне казалось, будто из всей картины я упустила нечто важное. Что? Нож был серебряным — материал сам по себе мистический. Демоны, почему я не поторговалась за него?!

Из ступора меня вывел голос лициатора.

— Следующий лот — наш главный лот, — торжественно произнес лициатор, — орд Кендр Арон обвиняется королевским судом в убийстве своего незаконнорожденного несовершеннолетнего внука. За это его магическая силы выставляется...

Дальше я недослушала. Мои внутренности скрутило. Мне стало тошно. Лорд Арон — убийца собственного внука? Мои глаза невольно впились в холодное, гордое лицо аристократа. Как?! Как может человек совершить такое?! И как может королевский суд приговорить за это всего лишь к лишению силы? Ах да, придворные маги... Комок ненависти и отвращения подкатил к горлу, пальцы впились в ручки стульев, мечтая, чтобы под их острыми ногтями оказалось лицо Кендра Арона. Преступление против ребенка я всегда считала самым бесчеловечным. Дети — это не взрослые. Они не знают, почему так больно. Не понимают за что.

— Кхм, кхм, — прозвучал во всеобщей тишине голос Фредерика.

— Я еще не огласил начальную стоимость, — холодно произнес лициатор.

— Пока и не стоит, — ответил ему Фредерик.

Он встал со своего места и проследовал к постаменту для торгов.

— Именем королевского суда, я, как его следователь, снимаю лот лорда Арона с аукциона, — Сказал он.

Я была обездвижена. Какого...?!

— И выставляю новый лот: Лэди Грэйс Арон приговаривается королевским судом к воображариуму!

Освальды переглянулись. Курт Хьюгсон выглядел ошеломленным. Я чувствовала, как рядом со мною колотится сердце Александра. Генри Сквел опустил голову.

Все взгляды невольно устремились на Грэйс с ее отцом. Та лишь спокойно пожала плечами, встала со своего места и тоже подошла к постаменту.

— И сколько я буду стоять? — спокойно спросила она.

И тут Фредерик засмеялся.

Смеялся он долго. Звучно. Грубо. Так, что по коже бежали мурашки.

— Сколько ты будешь стоять? — сказал он наконец, — Давайте для начала расскажем о вашем лоте, ваша светлость?

Грейс стояла спокойно. Ее поза была прямой, горделивой, как никогда. Горели лишь ее глаза. Но, когда Фредерик снова открыл рот, чтобы сказать что-то, рука Грэйс взметнулась ввысь и вlepила ему пощечину. Через пару минут торги за лэди Арон начались.

Ароны были очень древней семьей. В начале эпохи Серебряных Гор они стояли за Эрика Красного — графа Эльнома. Эрик, победивший в бою графа Песков — Дитриха провозгласил Горы единым королевством, объединив под своей властью всех графов, землевладельцев и свободных крестьян. Ароны же, за верную службу, отвагу и честь, были приближены ко двору и удостоены звания придворных магов. Но это было давно. И от чести семьи уже мало чего осталось. Разве что гордость. И та малая толика уважения к прошлому семьи при дворе короля, которое и спасло Аронов от смертельной казни за то, что свершилось в их семье.

Ароны были разорены. Неудачные вложения, мотовство некоторых членов семьи (изгнанных после, но все же сделавших свое черное дело общему бюджету), и долгие засухи на некогда плодородных землях — все это привело к долгам, свирепым кредиторам и единственному верному выходу из ситуации. Грэйс Арон — единственная дочь и наследница — должны была выйти замуж. Конечно же не по любви. Старая, избитая в нашем мире тема. Кендр подыскал жениха. Были соблюдены все правила, сделаны все договоренности, сложены в сундук приданного все долговые расписки. Грэйс ДОЛЖНА была выйти замуж. Но существовала одна маленькая проблема. Неприятность, которую Грэйс так тщательно скрывала от отца и жениха.

Целомудренная и гордая Грэйс была на сносях. Она затягивала живот корсетом, жаловалась на мигрень, чтобы пореже выходить из своей комнаты, и всячески оберегала свой секрет.

За неделю до предполагаемой свадьбы она родила сына. Ребенок был от кузнеца из соседской деревни. У того были сильные руки и он всегда с радостью подковывал лошадку аристократке Грэйс. Малыш не был плодом любви. Лишь прихоти и следом от жара в кузнице легким летним днем.

Родив, как кошка в амбаре за главным домом, Грэйс не долго думала, что же ей делать.

Отдать ребенка отцу — означало признаться в грехе перед всей деревней. Отдать деду — разрушить помолвку и будущее благополучие. Искать родителей на стороне времени не было.

Грэй Арон скинула младенца в глубокий колодец у амбара и была такова.

Свадьба приближалась. Грэйс потуже затягивала корсет и кормила будущего мужа суевериями про то, как нельзя трогать молодую жену до первой кровавой луны, что была лишь через три месяца, и это отлично подходило для Грэйс.

Однако, не все всегда идет гладко. И однажды вечером, за два дня до свадьбы, в дом Аронов пришел кузнец.

Кендр Арон, пребывая в особо хорошем настроении из-за скорой свадьбы дочери, принял его, думая, что тот пришел от деревенского совета просить каких-либо льгот. Но цель кузнеца была иной.

Крепкий простодушный мужичок сказал лорду Арону, что произвел некие подсчеты. Да и служака при доме, часто приходившая в деревню на рынок, говорила о неких странностях. Вот и пришел кузнец избавить «девчужку» от горя. В тот вечер он просил не о льготах в графских сборах, и не о построении школы для детишек. Кузнец просил отдать ему его

новорожденного ребенка.

— Я выращу его отлично, — с улыбкой сказал он, — А в деревне всем скажу, что он от заезжей циркачки какой...

Лорд Арон сидел, не проронив ни слова. Все то, что казалось чудачествами дочери, сложилось перед его глазами в единую картину.

Когда кузнец договорил, Кендр Арон велел вызвать дочь.

Грэйс шипела как кошка, извивалась как змея, проклинала кузнеца и клялась сбросить в колодец и его. И все же она призналась. Во всем.

Лорд Арон слег. По его приказу жениху было отказано в самый последний день. Свадьба не состоялась. Кендр Арон не мог позволить свершиться такому позору. Вскоре имущество Аронов должны были продать за долги. А через неделю после всех злосчастных событий, в дом Аронов пришел королевских поверенный. Кендр и Грэйс вызывались на Тайный Королевский Суд. Истцом — был кузнец — отец младенца. Грэйс, с учетом всех ее титулов, должны были приговорить к аукциону. И тогда Кендр свершил то, что может свершить лишь отец. Он принял всю вину на себя. Сказал на суде, что это он утопил младенца, и что Грэйс боролась за сына как могла. Против обвинений кузнеца в том, что Лэди Арон признавала вину за собой, была поставлена дворянская честь Кендра Арона.

— Моя дочь лишь спасала меня, — сказал он в ответ, — Но внука утопил именно я.

И Кендр Арон получил свое наказание от королевского суда. Его послали на аукцион, приговорив к самому страшному его наказанию. Лишению магической силы. Наказанию унижительному, тяжелому и смертельному для двоих предшественников Лорда Арона. Проще говоря, лорда Арона приговорили к смертной казни.

Но сейчас все изменилось. Фредерик — королевский следователь — раскрыл дело. И когда он все рассказал, уже ничто не могло спасти прекрасную Грэйс.

Цена Грэйс была столь же ничтожна, как и она сама. Но как только рука Кендра Арона взметнулась вверх, как лициатор не принял его ставку.

— Прошу прощения, господин Арон. Вы пытались осуществить подмену лота, и потому вы выбываете из торгов.

Кендр осел на скамью. Его лицо было бледнее белого. Грудь тяжело вздымалась. Его сердце билось так, что стук его заглушал бой часов в комнате.

Я понимаю и не понимаю этого человека одновременно.

То, что свершила его дочь — дичайшее преступление. И все же она — его дочь. Больше я не могу ничего сказать.

Я слышала, как во всеобщей тишине, Сэлвер шепнул Аманде.

— Глупый старик, он мог спасти ее торгом...

Да, Кендр Арон мог. Но целью его было спасти Грэйс не только на аукционе. Ты бережешь свое дитя всегда, везде, от всего. И Кендр спасал Грэйс от молвы. Спасал от кривых взглядов. Спасал от осуждения. Он не хотел, чтобы даже королевский суд знал, какова его дочь внутри. И потому он взял все на себя. Это не глупо. Это любовь.

Аманда смачно шлепнула брата по лицу.

Курт засмеялся.

— Имей я руку, помог бы тебе, — сказал он.

Дальше воцарилась тишина.

Я посмотрела на Александра. Вот-вот, я ожидала, что его рука взметнется ввысь, спасти любимую Грэйс, но он сидел смирно. Лицо его было сосредоточено, взгляд устремлен на Кендра Арона. В глазах читалось сопереживание, но, вместе с ним было что-то еще. Что? Облегчение?

— Двадцать тысяч раз, — огласил лициатор цену Фредерика, — Двадцать тысяч два. Двад...

И вверх поднялась одинокая рука.

— Я ставлю себя, — раздался голос.

Александр вскочил с места. Его руки задрожали. Рот было открылся, чтобы произнести что-то, но Сэлвер Освальд, сидевший сегодня поблизости, с силой схватил Александра за плечи, сажая его на место.

— Сиди тихо, — прошипел он, — Еще распорядитель называется...

— Надеюсь, ставка достойна? — тихо спросил Генри Соквел, как всегда смотря мимо всех нас и на всех нас одновременно.

Такого не ожидал никто. Даже лициатор — этот спокойный, холодный эльф, дрожащий лишь своими налоговыми послаблениями, — замер с поднятой вверх рукой.

— Женщина может ошибаться, — мягко сказал Генри, вставая с места, — Кому как не мне, этого не знать. Грех Грэйс останется с нею навсегда. Разве этого не достаточно? Если хотите убить кого-то, убейте меня. Я слеп, я давно жду этого.

— Мальчик мой, успокойся, — неожиданно мягко произнес Фредерик, — Не глупи. К тому же, ты не маг.

— Это неправда, — отрезал Генри, — Я — маг. Хоть и не имею на это права, как

хозяин антикварной лавки. Так что возьмите меня. Это будет наказанием королевского суда за нарушение кодекса антикварщиков.

Фредерик сделал к Генри пару шагов.

— Генри, никто не наказывает людей за то, какие они... Никто... Сядь на место.

Впервые я видела чеовеческую сторону королевского следователя. И впервые я хотела поддержать его. Но Генри сказал свое последнее слово:

— Я действую по правилам аукциона, не забывайте. Моя ставка — выше чести павшей Грэйс. Лициатор, принимайте!

Эльф ожил. Досчитал до трех и произнес:

— Магическая сила Генри Соквела отходит Фредерику, как представителю королевского суда. Лот будет отдан в комнате номер четыре. Время начала свершения сделки — пятнадцать минут с этого момента.

Услышав это, Генри развернулся и удалился из зала.

Фредрик сел на свое место, тяжело вздохнул, и достал из кармана трубку.

Грэйс Арон спокойно встала и грациозно поплыла между рядами, будто с ней ничего и не произошло. Она даже не удосужилась подать руку своему отцу, все еще сидящему на скамье. Но вскоре того окружили Освальды и Курт Хьюгсон. Я слышала какие-то слова успокоения, легкое ободрение и прочую чепуху. Но присоединиться я не смогла. По плечу меня потрепал Александр.

— У нас мало времени, — сухо сказал он.

Александр встал, предложил мне свою руку. Но я не взяла ее.

— Розалинда, — настойчиво произнес он.

Я все еще сидела на своем месте.

Александр все еще протягивал мне руку, словно надеясь, что я пойду с ним. Но я не могла. Странно, что меня это волновало, и все же я не мола пойти никуда с человеком, так просто предавшим свою любовь.

Еще с утра Александр забывался, глядя на Грэйс Арон, но на аукционе он не пошевелил и пальцем, чтобы спасти ее. Да он узнал правду о ней — мы все узнали — и все же... Он ведь любил ее. Не знаю, почему меня это так волновало...

Александр, видя выражение моего лица, опустил руку и снова сел возле меня.

— Розалинда, вы в порядке? — очень мягко проговорил он.

Я не поверила ему. Вежливость, обходительность, эта видимая забота. Не был ли он такой же подделкой, как ее возлюбленная Грэйс?

В этот момент я вдруг поняла, что абсолютно не знала Александра.

— Успокойтесь, — продолжил Александр, — И слушайте меня внимательно. Сейчас будет церемония передачи силы. Она займет три часа. Я буду в комнате как свидетель того, что передача состоялась. Потом мы с Фредериком должны будем покинуть Генри, снова на час, чтобы он мог прийти в себя. Но я не уйду. Даже против правил я останусь с Генри. Нельзя допустить еще одного убийства. Поэтому снимать печать придется вам.

И он вложил мне в руку свой семейный перстень.

— Он станет ключом к печати ровно через четыре часа.

Я не произнесла ни слова. Ком застрял в горле. Тело не могло пошевелиться. Я знала, что должна была остановить Александра. Его затея была рискованна и безумна — убийца е погнушится убить и его. А если такового и не будет — нарушение правил аукциона может

слишком дорого обойтись семье Магс. Но ноги мои были словно налиты свинцом, руки связаны, а рот полон воды. Александр предал любовь, и я не могла найти сил остановить его.

Возможно, он прочел что-то в моих глазах. Потому как бледен он вдруг стал, и как холодна была рука, прикоснувшаяся ко мне в этот момент.

— Прощайте, Розалинда, — тихо сказал Александр.

Фредерик вынул трубку изо рта. Встал со своего места. Кивнул Александру. И тот удалился, больше не глядя на меня. Когда его шаги затихли на верхних ступенях лестницы, я перегнулась вниз, и вся вода, наполнявшая мой рот, вылилась на пол.

Ко мне быстрыми шагами подошла Аманда.

— Держи, — протянула она мне нюхательной соли, — Тут с новичками такое часто.

Я благодарно приняла флакон. Подышала чистой морской прохладой, но на душе не отлегло.

— Как господин Арон? — спросила я Аманду.

— Ему очень плохо. Боюсь, это сердце, — ответила та, — Сэлвер отведет его наверх в его комнату.

Я кивнула.

— Поверить не могу, что наказание вместо Грэйс примет Генри, — со злобой проговорила Аманда, — Он не заслужил такого... О чем он только думал?

Мои зрачки расширились: Генри!

Демоны, Розалинда! О чем ты думала! Тебя наняли расследовать преступление! Или лучше сделай так, чтобы преступления и вовсе не было! А ты сидишь и философствуешь тут о любви аристократов!

Я встала с места.

— Спасибо за соль, — сказала я Аманде, и направилась к выходу.

— Ты куда? — удивленно спросила та.

Я не ответила. Мне надо было работать.

Быстрыми шагами, я поднялась на третий этаж, где находились гостевые комнаты. Церемония передачи силы уже началась, и мне нельзя было терять времен даром.

Подумав это, я рассмеялась.

Нельзя терять времени... Ха-ха. Да я с самого начала только этим и занимаюсь! И все же у меня еще был шанс.

Не стучась, я дернула за ручку нужную мне дверь. Она оказалась не заперта. Легко поддавшись мне, дверь растворилась, и я увидела Грэйс Арон. Та сидела ко мне спиной, возле зеркального туалета, и выдергивала шпильки из волос.

— Входите, — мягко проговорила она.

Я и не ждала ее приглашения. Войдя внутрь, я не хотела говорить с ней, не хотела церемониться. Мне просто нужен был ответ на вопрос.

— Грэйс, — сказала я, — Зачем вы купили серебряный нож?

И, конечно же, ответом мне была тишина.

Грэйс спокойно продолжала вынимать шпильки, даже не глядя в мою сторону.

— Ответьте! — громко сказала я.

Это была не просьба. Скорее приказ. Вернее нет, это был вопль безнадежности. Я знала, что Грэйс известно что-то, чего не знают остальные, и что от этого может зависеть человеческая жизнь, но как выудить у нее эту информацию — я не предполагала.

Господин Холмс на своих курсах учил нас общаться с разными типами людей. «Гладить

по шерстке» халериков, смеяться вместе с сонгвиниками, показывать свои мягкие стороны меланхоликам, всегда быть рассудительным с флегматиком... Но к Грэйс Арон ни одно из этих правил не подходило. По крайней мере, для меня, ведь я не видела в Грэйс человека. И все же я сделала последнюю попытку:

— Грэйс, — уже мягче сказала я, присаживаясь на стул рядом, — Прошу вас, ради Александра, ответьте мне.

Мой оппонент вынул последнюю шпильку из волос, и длинные серые пряди поползли по плечам, словно змеи.

— Ради Александра? — повторила Грэйс своим спокойным, тянучим голосом, — С чего это? Он ненавидит меня, а я — его.

Меня словно ударило молнией. Александр ненавидит Грэйс Арон?

Та, увидев мое лицо, засмеялась, обнажая белые зубы с щелочкой посередине.

— А вы думали, он питает ко мне нежные чувства? Пфа!!! — и Грэйс достала из шкатулки очень яркую красную помаду.

— Ради кого я точно буду молчать, так это ради Александра, — сказала она, малюя губы, — Он был любимым крестником матушки, этаким золотой мальчик. Даже перстенок ее себе прикупил на память. А я с ним никогда не ладила. Словно он с детства знал, как я закончу, — она облизала яркие губы, — Отец пригласил его погостить у нас перед моей свадьбой, и каким-то образом, Александр узнал мой секретик. О, как он стал глядеть на меня!? Вы видели этот взгляд?!

Тут Грэйс повернулась ко мне лицом, и в ее глазах читалась давно хранимая и заглушаемая ярость.

— Этот мальчишка посмел глядеть на меня, словно я — не человек. Будто он даже поверить не может, как такое существо, как я- ходит по земле! Вот как он смотрел на меня! — прошипела она.

Но тут лицо ее застыло.

Грэйс снова развернулась к зеркалу, и нала подводить черным глаза.

— Александр зашел так далеко, что умолял моего отца не заступаться за меня. Он просил его «Не делать этого»- Не брать вину перед судом на себя.

Она подвела оба глаза, и принялась расстегивать пуговички на платье. Госопдин Холмс так же учил нас не прерывать свидетелей, когда они хотят выговориться, и потому я сидела молча.

Грэйс сняла платье, и осталась в одном пенюаре — прозрачном и облегающем.

— Как я выгляжу? — спросила она.

Я с горечью посмотрела на нее: распущенные волосы по талию, яркий макияж, отсутствие приличной одежды.

— Как падшая женщина, — ответила я правду.

— Отлично! — звонко засмеялась Грэйс, — Этого я и добивалась! Видишь ли, в отличие от отца, я не вижу смысла скрывать от мира мое лицо! Пусть все знают, какая я. Лишь только аукцион кончится, я, как говорит папочка, смогу пойти «на все четыре стороны», и, о луна, как я этого жду!

И она снова улыбнулась зубами с щербинкой.

— Боюсь, вам там придется не по душе, — тихо сказала я.

— Отчего это? — спокойно спросила меня Грэйс.

Я вдохнула воздух. То, что я собиралась сказать, было моим и только моим, хотя,

кажется, аукцион скрывал все личные границы.

— В молодости я была на вашем месте, — сказала я.

Грэйс молчала. Я продолжила:

— Родители отказались от меня и выгнали из дома, так случилось. И я долго искала себе место в этой жизни. Те вещи, которыми мне приходилось заниматься, чтобы выжить — я никогда не хочу вспоминать. Поэтому не глупите, Грэйс...

Я начала злиться и голос мой повышался:

— Ваш отец делал все, чтобы вы могли жить дальше. Так не хороните себя!

Губы Грэйс внезапно задергались:

— Но я похоронила свое дитя! — пропищала она, — Как я должна жить дальше?

Она закрыла лицо руками и принялась выть как раненый зверь.

На это ответа у меня не было. Вместо, я снова задал вопрос:

— Грэйс, сегодня могут погибнуть еще люди. Пожалуйста, расскажите мне про нож.

Грэйс отняла руки с лица. Посмотрела на меня мокрыми глазами и сказала:

— Я готовилась к аукциону. Знала, что найдется следователь, вроде этого Фредерика, который может погубить меня. И я не ждала помощи.

Грэйс сглотнула воздуха. Я ожидала.

— Но я ничего не нашла. Кроме трактата одного мага, прошедшего через лишение силы. Он писал, что это словно оказаться в полной, непроницаемой тьме. А я — боюсь темноты.

— Вы хотели, чтобы серебряный нож уберег вас от тьмы? — мягко спросила я.

— Да, серебру приписывают такие свойства, — пожала плечами Грэйс, и внезапно рассмеялась, — Видите, я не могу помочь спасти кого-либо!

Но она была не права. Картинка, лежавшая передо мною кусочками, сложилась в моей голове.

— Последний вопрос, — сказала я.

Грэйс пожала плечами.

И я спросила ее то, о чем не хотела и догадываться. Но Грэйс подтвердила мои подозрения. Теперь все упиралось только во время.

Последнее время я чересчур сентиментальна. Не знаю, чем это вызвано, но, увы, ничего не могу с собой поделать. Вот и сейчас, увидев настоящее лицо Грэйс Арон, я вспомнила о своей семье.

Я родилась в деревне, в самой обычной крестьянской семье. Родители мои были не слишком бедны, и не слишком богаты. Отец возделывал землю, продавал результаты своих трудов на рынках. Мать вела все домашнее хозяйство и была, как тогда говорили «доброй женщиной в миру». Что означало особу слегка религиозную и добротных моральных нравов. Впрочем, это не мешало родителям быть радушными хозяевами и всеми уважаемыми соседями, (а это означало, что в нашем доме всегда можно было выпить и закусить). Братьев и сестер луна мне не дала. Я росла одна. Лет до одиннадцати жизнь моя была мало чем примечательна и не сильно отличалась от жизни других крестьянских детей. Я помогала матери по дому (хоть это и не всегда у меня получалось), носила отцу хлеб на пашню. Ездил с родителями на ярмарки. Ходила с матерью в церковь по праздникам. До сих пор я помню запах хлеба, стоявший в доме по утрам, свечи, которые моя мама жгла в честь богини луны, и липкие, почти растаявшие, сахарные леденцы, которые отец покупал мне на ярмарках. Моя жизнь была светлой и полупустой, как простая деревенская комната. Но в одиннадцать лет все изменилось. На ярмарке я встретила мальчика, стоявшего выше меня по роду и званию. И мне, волею судеб, было суждено полюбить его. Сейчас, вспоминая все это, мне сложно отделить одно от другого: что же я любила больше? Его? Доброту, искренность, дружбу, которые он мне дарил, пока мы были детьми? Или мир, которые он для меня открыл? Да, о него я знала, Королевство Серебряных Гор — волшебное. У нас есть король, рыцари, магические существа. Но все это было где-то там. Не здесь. Не в нашей деревне. Не в родительском доме. Но мой новый друг изменил весь мой мир. Он умел колдовать, и выращивал для меня цветы прямо из семечки, лежащей на моей ладони. Вместе мы заговаривали оленей в лесу, превращали весенние ручьи в бурные океаны для своих бумажных корабликов. Он читал мне удивительные книги. Рассказывал о невероятных вещах. Я была очарована. Или, вернее сказать, околдована им? Я до сих пор не знаю ответа.

Родители мои, правду говоря, никогда не были в восторге от моей дружбы. Чинные крестьяне, они не питали иллюзий. Уже не верили в сказки. Ни раз и не два, они предупреждали меня о том, чем все может закончиться. И не раз и не два я ссорилась с ними, защищая друга. Или я защищала свои глупые мечты?

В конце, родители мои оказались правы.

Честь моя была потеряна. Я — осталась одна. Пусть это и не было полной виной моего избранника. Но все же, весь мой мир рухнул. Я получила такое потрясение, что лежала больной несколько месяцев. Отец и мать заботились обо мне, как могли. Но, когда я выздоровела, мать собрала мою сумку, положила в нее хлеба, то количество денег, которое они с отцом могли мне дать, и сказала уходить из родной деревни.

Мой роман, и все, что последовало за ним, вызвало бурю слухов и сплетен. Я была опорочена. Опозорена. Мне больше не было места среди добрых крестьян. Я молила родителей передумать. Мне было страшно. Я никогда не была одна. И разве не мало того, что Он бросил меня? Но отец и мать были непреклонны. Их доводами было то, что они

предупреждали меня, и это лишь мое непослушание привело нашу семью к такому позору. Я должна была покинуть родной дом, пока не навлекла на родителей еще больший позор своим присутствием.

— Мы не отрекаемся от тебя. Мы лишь выводим тебя из того круга, к которому ты уже не принадлежишь. Даст луна, и мы еще увидимся! — сказала мне мать, стоя на пороге дома, в котором мне больше не было места.

И тогда я кинула им в лицо их деньги, и выкинула их хлеб.

— Даст луна, и я больше никогда не увижу ваши лица! — прошипела я со злобой.

Это были мои последние слова моим родителям. Прошли годы, а я до сих пор не знаю, простила ли я их. Сейчас, с высоты возраста, я понимаю, что своим поведением я загубила и их жизнь. Никто не хотел с ними больше торговать. Соседи не делили с ними лошадей для пашни. Не давали семена. Никто не хотел общаться с родителями той, чье имя покрыто сплетнями и позором. Да, выгнав меня из дома, они спасали себя. Но все же, я была их дочь...

Так или иначе, луна исполнила мое желание. Своих родителей я больше никогда не видела. Но раскисать некогда. Меня ждет работа.

Быстрыми шагами, я спустилась в зал аукциона. Там все еще сидели Освальды, Курт Хьюгсон и Лорд Арон. Последний был белее снега и тихо, очень тихо бормотал себе что-то под нос.

Увы, время на жалость и выяснения о его состоянии здоровья я у меня не было.

— Курт, — обратилась я к Хьюгсону, — Вы сможете задержать воду, если она начнет прибывать?

Курт посмотрел на меня в полном недоумении.

— Боюсь, чары, которые держат воду вокруг дома могут пасть раньше, чем начнется отлив, — высказала я свое предположение, — Но Вы ведь владеете стихией воды, не так ли?

Глаза Курта мгновенно загорелись, но тут же потухли, остановившись на отрубленной руке.

— Вы видели, я был бессилён даже в полном составе, — мрачно ответил он, — Не думаю, что помогу сейчас.

О демоны, я же сказала: времени на жалость у меня нет! — выругалась я про себя.

Но тут в разговор вступила Аманда.

— Ты сможешь, — сказала она.

Вот и все. Два простых слова. Произнесенные с такой прямоотой и уверенностью, что Курт смог лишь улыбнуться ей и кивнуть мне в знак согласия.

Я выдохнула: уже легче. Теперь настала очередь Сэлвера.

— Сэлвер, пожалуйста, не спрашивайте зачем, но разместите по дому как можно больше своего жидкого хрустала.

Сэлвер посмотрел на меня с недоверием. Затем фыркнул.

— А спросить, чего это вы здесь командуете, я могу? — едко сказал он.

— Давайте поговорим, если вы все хотите умереть в ближайшие два часа, — пожала я плечами.

Сэлвер посмотрел на меня. Перекинулся взглядами с Куртом и Амандой. И махнул на меня рукой:

— Розалинда, если это окажется глупой шуткой, я замурую тебя в одной из своих хрустальных шахт, — подмигнул он мне.

— Согласна, — слегка улыбнулась я в ответ.

Оставалось последнее:

— Аманда, — обратилась я к подруге, — Мне нужно спросить тебя кое-что...

Я замешкалась. Вопрос был личным, и задавать его я совсем не хотела.

— Спрашивай скорее, — сказала Аманда, — Ты сама говорила: времени мало...

И это была правда. Я прокляла себя, но все же спросила:

— Аманда, что было с тобой в Воображариуме?

Я крутила и крутила в уме варианты того, как человек может попасть в четвертую комнату, не вскрывая ее печати. И единственным здравым решением, на мой взгляд, было проникнуть туда через третью, соседнюю комнату — комнату Воображариума. Почему? Вот моя теория.

Однажды, Александр упомянул о том, что ключами к печатям являются метки на руках участников аукциона. Они оставлены перстнем Магсов и служат вроде магического контракта между участником и держателями аукциона. Метки не дают перемещаться по зеркальным порталам, исключая возможность побега участников, но они же снимают печати с дверей дома. Александр говорил, что участник проходит в комнату своего наказания, называя грех, за который он попал на аукцион. Но в этом случае возникает здравый вопрос: откуда печати на двери знать, являлся ли твой грех лотом аукциона, или это просто грех? Не думаю, что люди пробовали это — здесь собираются отнюдь не самоубийцы — но разве не все равно печати(?) — ей ведь нужна лишь рука и грех, да? Так что мешает попасть в комнату, просто назвав свое прегрешение? Даже если ты — не лот?

Эту теорию я и собиралась проверить.

Пока в четвертой комнате идет ритуал — печать держит ее закрытой. Не откроется она и после — в час восстановления — я уверена, что магия будет защищать человека внутри комнаты. Но если предположить, что между комнатами есть потайные ходы, то вполне вероятно, что убийца проходил через соседнюю комнату, называя той свой грех. (Сомнений в том, что у убийцы масса достойных печати грехов — я не имею).

С комнатой лишения силы граничат две комнаты — Комната Ночи (по мне так просто Бордель) и Воображариум. Но в комнате Ночи платят честью дамы. Для ее открытия не нужно греха. И здесь нужны двое. Поэтому у меня вряд ли получится проникнуть в четвертую комнату через нее. Увы, остается лишь Воображариум. И, сколько бы я не боялась этой комнаты, другого выхода у меня, похоже, нет. Поэтому я прокляла себя, но задала свой вопрос Аманде. Мне нужно было знать механизм действия комнаты на тот случай, если ее магия захватит меня. И мне необходимо понять, как победить эту магию.

Аманда побледнела. Сэлвер отвел глаза: не думаю, что он мог простить себя за то, что его сестре пришлось платить за своего мужа.

Курт подъехал на коляске к Аманде и положил свою руку на ее.

Между ними не было сказано ни слова. И все же, краска слегка прильнула к лицу Аманды, и она начала:

— Мои родители погибли на обвале, инспектируя одну из наших шахт. С тех пор я не подхожу к рудникам. Поэтому в Воображариуме я оказалась в заваленной шахте. И...

Голос подвел Аманду. Она запнулась. Сэлвер смотрел на нее полными ужаса глазами: не думаю, что она рассказывала ему об этом. Тем временем Аманда продолжила:

— Я слышала крики. Моих родителей. Они звали на помощь... Это было...нет, не страшно. То, через что я прошла — не передать. Снова слышать, как зовут тебя твои родители. Как они молят о помощи. Это...это...

Я молчала. Время текло. Мне надо было узнать, как выбраться из воображариума. Как закончить испытание. Но я не могла. Спрашивать Аманду еще о чем-то казалось бесчеловечно.

— Но как ты вырвалась? — услышала я вдруг голос Сэлвера.

Тот стоял уже совсем рядом с Амандой. Одна его рука была чуть в воздухе — будто он хочет положить ее на плечо сестры, но рука тряслась в нерешимости, а по лицу Сэлвера текли слезы.

— Я сказала себе, что они мертвы, — пробормотала Аманда, — Я повторяла это снова и снова, пока их голоса не стали совсем отдаленными, и не затихли.

— И тогда все кончилось? — с надеждой спросил Сэлвер.

Аманда бешено замотала головой.

— Тогда я слышала голос своего сына, — зарыдала она, — Он звал меня, а я даже не знала, под каким завалом он находится.

Сэлвер стал белее снега. Курт крепко, очень крепко сжал руку Аманды. По моей спине пробежал озноб: что творит это поместье с людьми?!

— А потом мое время закончилось, — смеясь в истерике, продолжила Аманда, — Помнишь, Сэлвер, моим лотом было две минуты? Но я клянусь, что была там вечность...

— Что ж, — пронеслось в моей голове, — Ты ведь сама хотела эту работу, Розалинда?

И впервые я пожалела, что не послушала еще в Греморе Александра, и не уехала домой.

Я поднялась на четвертый этаж. Подошла к комнате номер три. Положила свою руку на ручку двери. Сердце мое замерло, но вовсе не от страха. Смешно говорить: я не из тех, кто отступает перед сложностями, и так же я не из тех, кому свойственно сожаление — жизнь научила меня лучше. Но все же, вспоминая свои грехи, я вспомнила жизнь, связавшую меня с ними. И впервые за многие годы, я почувствовала боль.

Увы, судьба сложилась для меня совсем не так, как я мечтала. И даже не так, как могла бы сложиться, не имей я неосторожности полюбить человека, стоявшего выше меня по социальной лестнице.

Когда роман мой разлетелся в прах, а о неудачах узнала вся деревня, родители объявили меня позором семьи, и выгнали из дома. Мне было восемнадцать. Как мне жить дальше — я не представляла. И потому жизнь моя обрела весьма странные формы и очертания.

Некоторое время мои цели были расплывчаты: в них витали слова «Мечь», и «Самоубийство». Но кому мстить? Родителям? Любимому? Себе, за свою собственную глупость? Я терялась даже тогда. А потом, в какой-то момент, я поняла, что даже не имею права убить себя. Тогда я и начала выживать.

Я уже говорила, в самом начале, что Серебряные Горы — королевство волшебное. У нас живут маги. Странствуют рыцари. На болотах легко наткнуться на чудовище. Но все это вовсе не делает жизнь легче.

Я не доверяю магам. Стараюсь обходить стороной рыцарей — они мечтают лишь о невинных девицах. Единственные, пожалуй, с кем я могу спокойно общаться — то чудовища.

Забавно, как Грэйс Арон внезапно стала для меня человеком, превратившись в такое чудовище. Я ненавижу и понимаю ее одновременно. Возможно, мне стоило позвать ее с собой в Воображариум. Вдвоем было бы намного веселее...

Впрочем, хватит размышлений. Прочь — сожаления. Жизнь была, и я рада даже этому.

Моя рука плотнее сжала ручку двери. Шепотом, я назвала один из своих любимых грехов. Печать на коже обжигала, словно только что коленное железо. Глаза затуманились от боли. Рука горела все сильнее и сильнее. Жар поднимался все выше и выше. И вот уже не рука, а все тело полыхало пламенем. В моей крови был огонь. Мое сердце колотилось угольками. Пламя поднималось по горлу, огонь плясал в глубине глаз. Я сжала глаза, чтобы избавиться от него, а когда я снова их открыла, то огонь ушел. Я стояла в пустой комнате. Кругом была лишь тьма.

— Отлично, — подумала я, — Это лишь пустая комната. Пу-ста-я ком-на-та. И все. Точка.

— Тогда почему же ты вся дрожишь? — спросил меня мой едкий второй голосок.

— Заткнись, — мрачно ответила я ему.

Сейчас мне следовало быстрее осмотреть помещение, и найти потайной проход в комнату номер четыре. Иначе... Думать дальше я не хотела.

На ощупь я стала искать стену. Несколько шагов — и вот... Отлично! я наткнулась на что-то твердое и холодное. Из всех моих знаний детектива, я помнила, что потайные ходы открываются при нажатии чего-либо в стене. Значит, надо медленно и плавно прощупать

здесь все.

Я положила на стену обе руки. Она была холодная и гладкая. Очень гладкая. Словно идеально отполированный камень.

Аккуратно, я начала водить по стене рукой.

Мои действия смущали даже меня. Сколько уйдет времени, при таком подходе? Конечно, я не ожидала, что сразу увижу рукоятку светильника, за который нужно будет лишь потянуть, чтобы открылась потайная дверь. Но сейчас я была в полной темноте, без единой зацепки, и совсем беспомощна. А время текло. Я водила и водила рукой по стене. Но та оставалась все такой же гладкой и холодной. Честно говоря, я даже не понимала, где кончается эта стена, и начинается следующая.

Прошла минута. Еще одна. И еще. И все еще ничего. Темнота. Тишина. Гладкие стены. Ни единой возможности выхода. И это все в то время, как где-то там — за стеной — могло свершиться убийство.

Я начала интенсивнее водить руками.

Ничего.

Темнота. Тишина. Гладкие стены.

Прошли еще драгоценные минуты. Десятки минут. Может даже полчаса.

А я все еще ходила по кругу. По правде говоря, я даже не понимала, где дверь наружу.

Еще минуты.

Темнота. Тишина. Гладкие стены. Я здесь одна. Они — там. Убийца уже рядом.

Ледяной пот стекал по моей спине. Дыхание участилось. Минуты бежали. Бежали.

Темнота. Тишина. Гладкие стены. Ни единой зацепки. Как мне выбраться отсюда?!

Время. Время шло.

Темнота. Тишина. Темнота. Гладкие стены. Демоны! Мне надо к нему!

Время уходило. Уплывало сквозь пальцы. Глаза так и не привыкли к тьме. Я не могу выбраться. А в соседней комнате нужна моя помощь!

А у меня лишь: темнота. Тишина. Гладкие стены.

Мне надо к нему! Мне надо спасти его!

Темнота. Тишина. Темнота.

Мои руки скользили по ледяным стенам. Пальца начали царапать их. Но на поверхности не оставалось ни царапины.

Время. Время. Время. Оно уходило.

Вокруг лишь тьма. Я здесь одна. Он там — за стеной. А я — здесь. В темноте. Тишине. Среди этих ледяных стен.

Я закричала, что было мочи.

Глупо, бессмысленно, но лишь чтобы разбить тишину.

Не помогло.

Мой голос застрял в горле. Темнота и тишина душили меня. Время уходило. Возможно, его уже совсем не осталось. Смешно, я ведь всегда боялась утонуть, и думала, что Воображариум заполниться водой, а не тьмой...

И тогда я поняла. И руки мои упали со стен. Я осела на ледяной пол, и вперилась сухими глазами во тьму — плакать было бесполезно. Я слишком хотела спасти всех. Слишком хотела предотвратить убийства. Это была моя вина. Лишь моя. Я заперта в этой комнате от того, что слишком хочу из нее выйти. Вот он мой Воображариум. И мне никогда из него не выбраться.

Я поудобнее устроилась на полу. Он был холодный и гладкий, такой же, как и стены, окружающие комнату. Делать было нечего. Я застряла здесь. Наверное, за пределами Воображариума — все уже мертвы. А я — дура! Как я могла думать, что смогу выйти из этой комнаты?

Мне хотелось кричать, биться головой об стены, рвать на себе волосы. Но вместо, я лишь поудобнее устроилась на полу.

Сейчас мне надо было очистить сознание и заглянуть в себя.

Этому меня не учили на курсах детективов.

Медитацию — или частичное погружение в подсознание — практиковал один мой хороший друг. Его звали Альфрэд. Просто Альфрэд. Без фамилий и титулов. И он был вором.

Пути наши пересеклись лет восемь тому назад. Тогда я все еще была зла на судьбу и родителей, а у людей, таящих злобу, всегда определеннный круг знакомых. Впрочем, это не относилось к Альфреду. Он всегда был весел, всегда учтив. Ему улыбались даже самые отъявленные типы, и «барон» квартала, в котором я жила, звал Альфреда не иначе, как «мой друг Ал».

Я с подозрением относилась к подобным жизнерадостным личностям. Тем более, что я знала, как именно «друг Ал», обчищает своих клиентов.

Альфред обожал втираться в доверие к богатеньким старушкам. Он сам похищал, а потом чудным образом «находил» их жирных балонок, притворялся разносчиком цветов, случайно зашедшим не по адресу, но все же отдавшим цветы «очаровательной» даме, стучался в их двери под видом бедного учителя пения, и очаровывал их своими соловьиными трелями. Тонкая, кропотливая работа. Но Альфред обожал так развлекаться. И, едва старушка была «готова», как он... Нет, не обчищал ее до нитки. Альфред всегда брал лишь одну вещь. Одну единственную. Странно, но порой вещи эти даже не имели материальной ценности.

— Видала? — протянул он мне как-то серьги из двух булавок с ниточками посередине.

Я пожала плечами: голодная максималистка я тогда предпочла бы хороший бутерброд.

— Они отпугивают сонного человечка.

— Такие отпугнут кого угодно, — скривилась я.

Альфред лишь засмеялся. Он знал толк в магии. Умел ею пользоваться. Много рассказывал мне.

Не знаю, почему он выбрал именно меня себе в «ученицы». Сам Альфред говорил, это от того, что я — смешная. А возможно и по другим причинам... Я так и не спросила. Но Альфред научил меня многому. В том числе и смотреть в глубь себя, когда кажется, что уже нет выхода. И сейчас я следовала его совету.

Я сделала несколько вдохов и выдохов. Представила себя в полной тьме (Ага! Я и так в ней была!). Но моя тьма была моею душой, а не ступком вредной магии вокруг.

— Что делать, когда на душе темно? — задала я сама себе вопрос.

— Устрой вечеринку! — зазвенел в моих ушах голос Альфреда.

— Очень смешно.

— И вправду. Но тебе ужен свет. Хоть капля.

— Я не маг. Я не могу создать свет.

— Ты — не маг, — согласился Альфред, — Но ведь и нужно совсем чуть-чуть. Лишь капля. Хрусталик...

Я мгновенно распахнула глаза. Мои руки начали трястись и лихорадочно шарить в декольте моего корсета. (Еще одна дурная привычка прошлого — прятать некоторые вещишки в декольте)

— Вот оно! — воскликнула я, нащупав платок.

Нервно, я развернула его, и, (как только я могла забыть(!?)), мой личный жидкий хрусталь взмыл в воздух, освещая собою все вокруг.

Тьма будто зашипела. Тишина разрушилась. Я увидела деревянные стены вокруг себя.

Не знаю, был ли то хрусталь, или моя потеря страха, но чары Воображариума спали. Я сидела в обычной плохо освещенной комнате. Деревянные стены. Деревянный пол. Пустой камин. Больше ничего. Или все же еще что-то?

В дыре камина все еще сидела ненавистная тьма. Я подошла ближе. Хрусталь освещал все, но только не ее. Я осмотрела камин повнимательнее. Красный мрамор. Никаких украшений. Лишь надпись по верху.

Я поднесла хрусталь ближе к ней. Это был шрифт Брайля — письменность слепых.

Читать его я не умела.

— Была не была, — подумала я, — Наверняка, тут что-то про тьму.

И я шагнула (а вернее согнулась) в нишу камина.

Три секунды я была словно закована в лед. Мои глаза не могли моргать. Легкие не дышали. Но когда все ушло, мне в глаза ударил свет много более яркий, чем от моего хрусталя. Так я и поняла, что оказалась в комнате номер четыре.

Едва мои глаза привыкли к свету, передо мною раскрылась самая отвратительная картина, которую я когда-либо видела.

Генри Соквел лежал на кровати. Тело его было обмякшим. Руки раскинуты по сторонам. Из раскрытого рта текла слюна. Глаза его были раскрыты, но зрачки закатились, и все, что я увидела — были его белки. Над ним — примерно в метре — маячил маленький зеленый огонек. От него комната озарялась неприятным, болезненно-зеленым оттенком, хотя по бокам кровати стояли свечи.

В изножье кровати стоял Фредерик, он внимательно смотрел на огонек, но не опускал глаз на самого Генри. Александр стоял рядом. Его голова была как-то очень странно отвернута в сторону — туда, где находился стеклянный шкаф, полный каких-то склянок. По всему было видно, что смотреть на Генри и Фредерика Александру противно.

А огонек все блуждал и блуждал вокруг тела Генри.

Было тихо и как-то сыро.

Никто из присутствующих не обратил на мое появления ни малейшего внимания.

— Кхм-кхм, — прочистила я горло.

Ох, не самое эффектное появление спасительницы — то есть меня — но как получилось...

Фредерик посмотрел в мою сторону, и во взгляде его мелькнул гнев. Но он ничего не сказал, а снова перевел взгляд на зеленый огонек и продолжил за ним следить.

Александр же оторвал глаза от шкафа.

— Розалинда? — спросил он.

Голос его звучал как-то вяло, и очень апатично.

— Розалинда- Розалинда, — подтвердила я, направляясь к нему.

— Значит, вы все-таки нашли потайные ходы? — опять скорее устало, чем с должным энтузиазмом, спросил Александр.

У меня возникло острое желание влечь ему пощечину.

— На каком этапе изъятия магической силы вы сейчас? — спросила я вместо этого.

— Прошел лишь час, и мы все еще вводим тело лота в состояние покоя, нужное для передачи силы, — ответил мне Фредерик, — А ваше появление здесь — запрещено правилами аукциона. Но я закрою на это глаза, если вы исчезните так же, как и появились.

Фредерик метнул на меня раздраженный взгляд — взгляд следователя тайной королевской полиции — и продолжил следить за зеленым шаром.

Я же выдохнула с облегчением. Прошел лишь час, и они еще не приступили к передаче самой силы. Значит, мое времяисчисление в Воображариуме было ошибочным. Значит, не все еще потеряно.

— Простите, Фредерик, — сказала я, — Но я не уйду. Как лицензированный королевский детектив я прошу Вас и господина Магса остановить ритуал.

— Основание? — вяло спросил Фредерик.

— В этой комнате присутствует убийца, уже повинный в смерти двух человек, и готовящийся к много более серьезному преступлению.

— Хорошее основание, — согласился со мною Фредерик, — Но я тоже королевский следователь. И мои указания — сбор магической силы этого лота. И, пока я не вижу видимой угрозы для жизни людей, я не буду прекращать свою работу.

Я ожидала этого. Что ж. Все карты на стол.

— Пожалуйста, остановитесь, — сказала я, — Генри Соквел не просто тайный маг. Он — Мастер Теней.

Лицо Фредерика побледнело. Глаза расширились. Мои слова были поняты.

Всегда собирай историю по маленьким кусочкам. Словно головоломку. И у меня, кажется, получилось.

Генри Соквел был слеп от рождения. Его мать — Мэгги Соквел — наследница антикварной империи — никогда не была замужем. Генри был незаконнорожденным, но в мире антиквариата это мало что значило. В семье были деньги, а что до уважения соседей — то Соквелы им и так никогда не пользовались. Антикварщиков у нас в Горах недолюбливают — простые люди считают их богатеями, словно драконы сидящими на артефактах, а для аристократов — они слишком мелкие рыбешки. Ил нет? Грэйс Арон, расплывя свою ядовитую злобу, недвусмысленно дала понять, что мать Генри была мила очень со многими людьми, и так же на этом аукционе, которым семья Соквелов посещала каждый год, дабы приобретать наиболее ценные вещицы аристократов. Дальше легко сложить два плюс два. Сэр Роберт Лэндсор — первая жертва — был придворным магом-врачевателем. Генри, как я узнала от него самого, обладал силой врачевателя... Объяснять подробнее — бессмысленно.

Конечно, кровное родство — еще не повод для убийства. Скорее наоборот. Но пока оставим эту часть головоломки и перейдем дальше.

Генри, конечно же, не раз бывал на аукционе. Он с детства сопровождал туда свою мать, чтобы выучиться семейному бизнесу. Вполне вероятно, он знал поместье много лучше других. Слепые не имеют зрения, но взамен у них повышенные осязание, слух, обоняние. Думаю, Генри изучил каждую черточку дома, и прочел то, что не дано прочесть многим из нас.

И тут идет последняя, третья часть головоломки: само поместье Четыре Ручья.

Александр как-то пошутил, что Архитектора лишили зрения, дабы о не смог построить иного столь же сложного в магическом плане дома. Я не считаю эту легенду шуткой.

Четыре Ручья — не просто поместье. Каждая его комната — пропитана сильной магией. Порталы в зеркалах, печати на дверях, звукоизоляция, нахождение всего этого среди воды — все это требовало не дюжего таланта не только архитектора, но и мага. Поместье было шедевром Николя Элтона — одного из немногих магов, официально признанного Мастером Теней.

Да, я запросила досье на архитектора дома, и верный ворон Ватсон принес мне по воздуху все необходимые бумаги, хоть на это и потребовалось много больше времени, чем у меня было.

Николя Элтон, конечно же, не был ослеплен после постройки поместья. Это лишь легенда. Он был слеп от рождения. Незаурядный талант архитектора, да к тому же слепого, сделали его невероятно популярным. Даже в королевском замке есть крылья, созданные по его проекту. Но они давно заброшены. Уже несколько десятков лет люди боятся всего того, что создают Мастера Теней.

И в этом есть смысл — у Николя было странное чувство юмора. Так, в лабиринте, созданном в королевском парке по его проекту, люди действительно пропадали, и, попадая в невиданные миры, возвращались в Горы лишь спустя дни, а то и недели. А в охотничьем доме Лорда Кремера не было ни одной двери. Домочадцы переходили из комнаты в комнату через стену. Порталами и тут и там служили тени. Мрачные, манящие, они поглощали в себя

все живое, что смело приблизиться к ним.

Но лабиринт в Королевском саду давно разрушен, а поместье Лорда Кремера — сгорело. Осталось лишь Четыре Ручья. Последняя шутка Николя, выражающая все его отношение к аукциону и правосудию, вершащемуся на нем.

Еще при первом осмотре четвертого этажа, я заметила, как странно шершавы его стены. Глупая, я лишь потом поняла, что все они исписаны шрифтом Брайля. Не знаю, что завещал Николя, но думаю, Генри Соквел прочел каждое слово.

«Лишь тьма сотрет Ваш грех» — завещал Николя. Что же, боюсь, так оно и будет.

Генри — милый, добрый мальчик Генри — это монета с двумя сторонами. Дар целителя и дар Мастера Теней — не слишком ли много всего в одном человека? Не слишком ли большие это противоположности?

Издrevле, Мастерами Теней называли магов, умеющих управлять тьмой. Сила их, словно сила вампиров, была в высасывании жизни других. Но, в отличие от вампиров, Мастерам Теней не нужно было даже трогать человека. Все, что нужно было жертве — лишь войти в тень. Мастера умели перемещаться по тьме — превращая свое тело в тень, призрак, подобие жизни, они скользили от дома к дому, от тени к тени, пока не достигали своей цели. Тьма давала им силу. Тьма приносила в себе шепот, слухи, оборванные фразы — ценную, а порой и нет информации. Безликими тенями Мастера следили и наблюдали. Ночь укрывала Мастеров от любых врагов. Тьма высасывала жизни, давая Мастерам энергию и силу погибших. В древних трактатах это называли «иссушением», и первые две жертвы на аукционе были иссушены. Я подумала о Мастерах Теней еще тогда, но отмела эту догадку, зная, насколько редок этот дар. И все же, у Генри он был. Я чувствовала тьму в поместье. Видела, как по стенам проносится нечто. Ощущала на себе невидимые взгляды. И, чаще всего, после тьмы, я встречала Генри.

Мне не хотелось и не хочется верить в это. Мастер Теней — слишком серьезное обвинение. Но Генри знал поместье. Генри был на всех аукционах, где свершались убийства. Он читал подсказки, оставленные архитектором. Он мог ходить сквозь тени. Генри обладал магией. Он был незаконнорожденным сыном Роберта Лэндсора. Тени приносили ему слухи. Он знал истинный расклад аукциона. Его самопожертвование, оплата грехов Грэйс Арон, было лишь хитроумной уловкой, чтобы заманить в комнату номер четыре Фредерика и Александра. Нужно ли говорить что-то еще?

Ритуал нужно было остановить. Ведь энергия выкачивалась не из Генри. Нет. Генри качал энергию из Фредерика и Александра.

Увы, времени на объяснения всего этого не было. Но Фредерик, похоже, хорошо понимал в чем дело. Он сделал шаг в сторону Генри, протянув свою руку к зеленому шару, и в этот момент глаза Генри раскрылись и он сел на кровати. Как я и думала, его энергия ничуть не пострадала. Фредерик — королевский следователь, человек, спокойно отрезающий людям конечности — замер как вкопанный.

— Привет, — спокойно произнес Генри. Глаза его при этом смотрели прямо на меня, и это было непривычно, неестественно, жутко...

Когда Генри Соквел был слеп, взор его имел меланхоличный, отстраненный характер. Он казался старше своих лет. Он был мудрее. Глядя во тьму, Генри был человеком.

Теперь меня преследовало странное ощущение, будто на меня смотрят не глаза человека, а глаза зверя. Казалось, что какой-то сумасшедший маг пересадил мальчику

жгучие волчьи глаза. С ними лицо Генри имело надменное, острое выражение. Его новые глаза сверили и пожирали, но от них было невозможно отвернуться.

— Вы немного не вовремя, Розалинда, — вздохнул Генри в привычной ему спокойной манере, — Впрочем...

И Генри сделал взмах рукой. Как я и опасалась, огонь в камине погас. Из света остался лишь мой хрусталь. Но его было недостаточно. Час, потерянный мною, оказался слишком большим подспорьем Генри в его делах. Фредерик и Александр, опутанные тенями, пребывали в слишком заторможенном состоянии, чтобы сделать что-либо. Я же, увы, не имела никакой магии, чтобы бороться с Мастером Теней.

Но борьбы, пока, не предвещалось.

Генри откинулся назад, и его тело растворилось в тени, легшей на кровать. Больше я его не видела. Но озноб колотил мое тело, и я ощущала — по тому, как танцует тьма на стенах, по тому, как плотно чернота обступила мой хрусталь — Мастер Теней еще здесь.

— Надо заполучить артефакт, — пронеслось у меня в голове. Я кинулась было к зеленому огоньку, еще висевшему в воздухе над кроватью, но нечто сбило меня с ног.

Это было так, словно тысяча осколков льда проходят через каждую клетку твоего тела — невыносимая, ледяная боль.

Я вскрикнула и упала на пол.

Никогда больше не хочу встречаться с Мастерами Теней...

Через секунду тишину комнаты огласил и вскрик Фредерика. Дальше все замерло. Я лежала на полу, будто в ванной из сплошного льда. Мое тело сжимали судороги, я не могла пошевелиться.

— Розалинда! — возле меня очутился Александр.

Я не видела выражения его лица. По правде говоря, все то время, что я была в комнате, я старалась не смотреть на него. Мне было стыдно. Я позволила каким-то глупым, посторонним волнениям затуманить мой мозг, я отпустила его сюда, когда моей работой было убереечь его, вычислить убийцу до, а не во время. Почему он не злится на меня? Почему помогает встать на ноги? Разве тело его не парализовано Мастером Теней?

Ответом на мой вопрос были руки Александра — они обхватили меня, и помогли подняться, но, вместе с этим, их била сильная дрожь, и они были холоднее льда.

Я подняла голову. Мне было больно. Уже не физически. Я проиграла. Тень поглотила зеленый шар, и исчезла из комнаты.

Печально. Но терять время на крики «Нет!!!!», даже очень героические, было некогда.

— В чем смысл первой части ритуала? — спросила я у Александра.

— Расслабление тела, поиск источника магии человека, — ответил Александр. Голос его был слаб — тени много выпили из него.

— А дальше?

— Дальше шар вытягивает силу.

— Как?

— Он связывает себя и человека одним пульсом. Электронной волной, если говорить правильнее.

— А с несколькими людьми он может связаться?

Александр замолчал. Не знаю, раздумывал ли он, или ему было просто страшно от одной мысли, но когда он ответил, голос его стал несколько тверже.

— Да, может.

Все как я и думала.

— Нам надо срочно выбираться отсюда, — сказала я вслух.

Александр, словно очнувшийся после моего падения, не заставил себя ждать. Он кинулся к двери, взялся за ручку и...та осталась закрытой.

— Печать не работает? — вяло спросила я.

Александр замотал головой, снова и снова пытаюсь открыть дверь. Но я не была удивлена. Даже то, что Александр чудом смог выйти из транса, в который ввел его Генри, не означало, что магическая энергия Александра смогла вернуться к нему. Нет, он не был лишен ее. Мастера Теней это не умели. Но представьте — сможет ли ваше тело создавать что-либо, если оно лишалось жизненных сил на протяжении часа? Нет. Как я и боялась, у Александра не было сил управлять собственной магией.

— Прекрати, — крикнула я Александру, — Сейчас не время зря растрачивать силы.

Александр отпустил ручку двери. Он стоял спиной ко мне, и выражения его лица я не видела. Слава луне...

Внезапно, из-за кровати, на которой еще недавно лежал Генри, послышался слабый стон.

— Демоны, это Фредерик! — выругался Александр, и бросился к следователю.

Я повторила про себя его ругательство. Как мы могли, даже в этой суете, забыть о Фредерике?!

Я обошла кровать.

Фредерик лежал на полу. Кость его правой руки как-то криво и несуразно торчала из локтя. (Тени или неудачное падение? Не важно: результат все равно один). Глаза его были закачены — как прежде у Генри, а из раскрытого рта доносились слабые стоны.

Генри успел выкачать у него много жизни, и добавил к этому нападение теней.

Александр осмотрел руку. Перевязал ее простыней с кровати. Больше мы ничем не могли помочь.

— Розалинда, мы можем выбраться отсюда так же, как вы сюда попали? — спросил меня Александр.

— Через тени?

Я призадумалась. Идея была хорошей — сейчас Генри нужно было максимально увеличить свои силы, и, думаю, все его порталы теней были открыты. Но снова попадать в Воображариум мне не хотелось. Можно ли открыть снаружи печать на комнате номер один, которая так же смежна с четвертой?

Я задала вопрос Александру. Тот неуместно засмеялся.

— Номер один у нас, как вы изволили сказать, бордель. Печать комнаты вскрывается, едва девушка теряет свою честь.

Смех его при этом был неестественным и слегка истеричным.

— По вашему, это забавно? — обозлилась я.

Александр перестал хихикать. Лицо его стало серьезным и очень мрачным.

— По-моему, это слишком. Даже ради предотвращения убийства.

Я ничего не ответила. Потерять честь, или жизнь? Возможно даже не одну. Ответ и очевиден, и невозможен одновременно.

— Это ведь не обязательно включает в себя физический контакт, — медленно проговорила я.

Александр молчал. Он уже знал, к чему я подхожу.

— Можно лишь рассказать о себе что-либо, благодаря чему твоя честь навсегда будет запятнана. Как с Грэйс Арон, так? Даже если она выйдет с аукциона живой, идти ей будет некуда.

Александр кивнул.

— Да, думаю, магия комнаты примет и такой лот.

— Тогда остается один вопрос, — смело подняла голову я, — Что мы будем делать с Фредериком?!

Александр посмотрел на лежащего на полу следователя. Надежд на то, что он придет в сознание, не было.

— Если мы оставим его здесь, то Генри Соквел обязательно вернется и выпьет всю его силу, — сказал Александр, — Но если мы возьмем его с собой, то у нас не будет никаких шансов против Генри.

Опять вопрос, на который невозможно найти ответ... Но ответ пришел к нам сам.

— Идите, — прохрипел Фредерик.

Мы с Александром с удивлением уставились на него: никто не думал, что следователь еще может быть в сознании.

— У меня нет шансов ни в одной комнате этого демонического поместья. Тени повсюду. А без меня шанс появится у других.

— Но мы...

— Все в порядке, — снова прохрипел Фредерик.

Он весь обливался потом, и еле говорил, но в глазах его читалась уверенность.

— У меня есть моя трубка, — и не сломанной рукою он достал из кармана свою любимицу, — Малышка не так проста, как кажется. Я постою за себя.

Я была в нерешительности. Что человек, лишенный сил, да еще и со сломанной рукой, может сделать с одной лишь трубкой для табака?

Но Александр твердо кивнул Фредерику, схватил меня за руку (надо бы уже к этому попривыкнуть) и мы вдвоем кинулись в тень.

Снова холод. Лед. Боль. Отсутствие кислорода. И мы в другой комнате. Очень миленькой комнатухе, надо сказать.

— Ух-ты, вы не ошибались, назвав это борделем! — присвистнул Александр.

По середине комнаты располагалась огромная кровать, застеленная алым шелком. Над ней висели тяжелые балдахины. Прямо напротив — зеркало. По стенам были развешаны картинки фривольного содержания. Больше никакой мебели.

— Тоже мне обстановка, — буркнула я, — Никакой романтики.

Александр пожал плечами:

— Боюсь, любовью тут никогда не занимались, — вздохнул он.

Времен не было и у нас.

— Что ж, — выдохнула я, подойдя к Александру, — Слушайте. Думаю, после этого у меня не останется никакой чести, но...

И тут его губы закрыли мне рот. Неожиданно. Странно. Безвыходно. Александр поцеловал меня, как целуют на прощание. Самый последний в жизни поцелуй. А когда тот кончился, Александр сказал:

— Рассказывать буду я. Мы — хранители аукциона, и кому как не нам отдать за него честь?

Я не смогла перечить ему.

Когда мне был двадцать один год, я разорвал все отношения со своею семьей и ушел из дома. Причина? Я уже даже и не помню. Скорее всего я не был тем идеальным сыном, которого всегда хотел мой отец. А я никогда не горел желанием стать хозяином нашего «аукциона». Отец всегда говорил, какая это честь. Как повезло нашей семье. Как другие только мечтают о таких возможностях, которые есть у нас. Но я видел Магсов лишь тюремщиками на службе короля. В этом мы с отцом всегда расходились.

Можно звать это деформацией от «работы», можно просто дурным нравом, но мой отец всегда был быстр на гнев. И в тот день, когда мы поссорились с ним в последний раз, я даже не помню, с чего начался конфликт. Знаю лишь, что очнулся дома, с перебинтованной головой. Подушка моя была залита кровью, перед глазами все плыло. Отец бил меня не в первый раз, но никогда раньше так сильно.

И здесь мой первый грех — я трус. Едва я смог передвигаться, я наспех собрал вещи, украл из семейного хранилища денег, и покинул Гремер.

Дальше я не буду говорить о своей жизни. Она была низкой, не стоящей. Оправданием мне может служить лишь то, что я был мальчишкой, вырвавшимся из оков родного дома. Впрочем, это не оправдание, а двадцать один — не тот возраст. Но, вопреки моим ожиданиям, меня никто не искал. От меня больше ничего не хотели. Я, наконец, стал свободен.

Однако, через три года меня настигло известие, что отец мой смертельно болен и ищет меня по всему королевству. Я не среагировал. Целых два года я продолжал вести свой разгульный образ жизни, даже не думая возвращаться домой. Но на пятый год, меня нашла моя мать. Я помню этот момент как сейчас. Была ночь. Одна из многочисленных темных и

беззвездных ночей, освещавших тогда мою жизнь. Я был в компании. Сейчас я уже не помню, кто были эти люди, и кто — те женщины. Где-то в соседней комнате пели. Одна из моих новых подруг танцевала на столе. И когда она сорвала верхнюю юбку и, в одних панталонах, шустро прыгнула мне на колени, под люлюканье и хохот моих тогдашних друзей, дверь комнаты раскрылась и на пороге появилась моя мать.

В моем горле встал ком. Инстинктивно, я выпрямился во весь рост, и новая подруга упала с моих коленей на пол.

— Ну-ну, Александр, — сказала мама, — Не стоит вести себя так с дамами.

Я промолчал. По правде говоря, я не знал, что ей сказать. Моя мать — сильная, гордая женщина. У меня никогда не было с нею теплых отношений. И в тот момент она, в черном дорожном плаще, бледная, с тонкими губами, искусанными в кровь, внушала мне лишь страх.

Я был не единственным. Девица, развлекавшая нас, тихонько подобрала юбчонку и ползком перебралась к другому кавалеру. Остальные в компании тоже затихли.

Моя мать подошла ближе, и взяла меня за руку.

Розалинда — я знаю, вам не понравилось то, что моя мать поставила вам на руке печать нашего рода. Но это лишь временно. Она пройдет после аукциона. Моя же печать, данная мне еще при рождении, не уйдет никогда.

У каждого в семье Магсов, как у ближайших слуг короля, есть такая. Она ставится клеймом, как родовой лошади или собаке, в самом раннем детстве. Благодаря ей наша сила, как магов воды, увеличивается, и, из-за нее же, мы вынуждены повиноваться кольцу, которое носит глава нашей семьи. Думаю, это сделано, чтобы птенцы, вроде меня, не думали бросать свое гнездо и были верными слугами короля. И это демонически действенно.

Отец был при смерти. Главою семьи стала моя мать. И лишь стоило матери коснуться моей руки, как печать активировалась. Через все мое тело, словно ток, прошли боль, страдание, и невероятное презрение, которое ко мне испытывала эта женщина.

— Мы едем домой, — сказала мама. И я повиновался.

Когда мы приехали, отец уже был без сознания. Он бредил, и в своем бреду просил моего прощения. Но что я вернулся и простил его — он так и не узнал.

В час его смерти, мама подошла к часам на камине, остановила часы, а затем снова завела их.

— Запомни, Александр, — сказала она, — С этого момента начинается твоя жизнь, как истинного наследника семьи Магс.

Вот и все.

Думая о последних часах жизни отца, я полон сожаления, что не приехал раньше. Я должен был простить его, он должен был знать, что я рядом. Но я променял его и честь семьи на грех и сомнительных друзей. Поэтому я не имею права быть здесь. Не имею права судить людей. Как я могу отнимать чью-то честь, когда моей уже давно не осталось?

На этом аукционе, каждый раз, когда я смотрел на Грэйс Арон, зная ее секрет, я был поражен, как похожи мы с ней. Лицемеры. Лжецы. Застегнуты на все пуговицы, скрывая под маской приличия нашу низкую, порочную сущность.

Александр замолчал. В тишине я услышала скрип открывающейся двери. Хорошо, что печати было этого достаточно. Что же до меня, то...

— О демоны! И это твое ужасное признание!?! — захохотала я, — Моя история куда интереснее. Но сейчас не время. Пойдем.

И, подмигнув Александру, вышла из комнаты.

Коридоры поместья представляли собой странное, и, вместе с тем, завораживающее зрелище. Факелы, свечи, камины — спали крепким сном. Мастера Теней умеют усыплять свет. И все же поместье горело. Небесно-голубые, чистые блики жидкого хрустала, витающие в воздухе, освещали нам с Александром путь. Я была рада, что Сэлвер воспринял мои слова всерьез. Он хорошо постарался. И все же, хрусталь не был предназначен для освещения. Вокруг оставались закоулки коридоров, запертые темные комнаты, плохо освещаемые углы, чердак и подвал — сотни лазеек для теней Генри.

Мы спустились на первый этаж — в гостиную. Он был пуст. Пол, тонким слоем, покрывала вода.

Мое сердце бешено заколотилось. Я надеялась, что сил Курта хватит на большее. Но, похоже, он не справился. В отсутствии магии Александра, удерживающей воду вокруг поместья, Четыре Ручья наступали на нас, пытаясь затащить в свои воды.

— Бедные лошади, — пробормотал Александр.

Я содрогнулась: конюшня была в затопленном подвале... Ужасная смерть для столь благородных животных.

А время шло. И его оставалось все меньше.

И мы даже не знали, живы ли остальные участники аукциона.

Надо признать, Генри Соквел рассчитал все идеально.

Он был слишком постоянным участником этого аукциона грехов. Генри знал, что Сэлвер Освальд более изобретатель, чем маг. Аманда — не обладала особой силой. Что же до Курта — то после того, как у него отрубили руку и ногу, его тоже можно было списать со счетов. Так же как и Аронов — поверженного гордого отца, и дочь, терзаемую собственным грехом — от магов в таком состоянии нельзя ждать чудес. Проще говоря, Генри знал, что к концу аукциона остаются лишь тени людей, и это-то и было ему нужно.

Всю свою жизнь Генри был слеп. И, свою теорию его грехопадения в убийство, я строю на том, что смерть давала ему зрение.

Первые две жертвы были лишены сил и магии — они не могли сопротивляться. Это делало задачу Генри невероятно легкой — он лишь появлялся в комнате, а его тени высасывали из людей все остатки жизни. Но, думаю, этой энергии глазам Генри хватало не надолго. К концу года и к началу нового аукциона он снова слеп. что значит снова ослепнуть для того, кто уже видел свет? Я не могу сказать этого, а Генри не мог остановиться убивать. Но уже после второго убийства все стало опаснее. Генри понял, что не может продолжать так всю жизнь. И он решил устроить «последний» аукцион. Он заранее узнал лоты. Подстроил свое попадание в четвертую комнату. Удачно лишил энергии Фредерика и Александра. Теперь пришла очередь обессилить всех остальных. Я надеялась, что жидкий

хрусталь отгонит тени, но мы с Александром не могли найти никого из остальных участников, а это означало лишь то, что Генри уже усыпил и их. А дальше — дальше Генри Соквел — милый слепой мальчик — выпьет силы всех своих жертв, оставляя за собой лишь иссушенные трупы.

Александр спустился с лестницы. Ноги его опустились в воду по щиколотку, ботинки издали неприятный хлюпающий звук.

— Пойдемте, — протянул мне руку Александр.

Я стояла в нерешительности. Мозг мой понимал, что времени на раздумья у нас нет, но тело не хотело повиноваться. Я слишком боялась воды.

— Мы должны проверить зал аукциона, вдруг они там, — мягко сказал Александр.

Вода тем временем поднялась выше, залив уже вторую ступень.

Мое тело еще сильнее затрясло.

— Не бойтесь, я с вами, — протягивал мне руку Александр.

Я сделала над собой усилие, подняла свою руку, и...

В этот момент в прихожей раздался голос:

— Розалинда, вам не стоит бояться воды.

Мягкий, успокаивающий голос Генри Соквела.

— Самое страшное на этом аукционе — я.

И, из тени под часами, возник Генри.

Александр заслонил меня своим телом — будто это могло спасти от Мастра Теней.

Генри заметил это и широко улыбнулся.

— Она Вам нравится, да, господин Магс?

Александр промолчал.

Генри — спокойный, ровный, как всегда, продолжал.

— Мне Розы тоже очень нравится. По правде говоря, она единственная, кого мне было жалко убивать на этом аукционе.

Генри тянул время. Оно нужно было ему, чтобы его тени окружили нас, лишая энергии, а потом — зеленый шар — артефакт аукциона — закончил бы с нашими безвольными телами.

Но время нужно было и мне. Я не глупа. Я послала Ватсона с запиской к Господину Холмсу. Я ждала Вильяма и Терри — двух других детективов с моего курса. Я ждала подкрепления. И потому я сказала:

— Спасибо, Генри, мне приятно это слышать. Ты мне тоже всегда импонировал.

Генри ухмыльнулся.

— Не сильно, если вы все же вычислили меня.

— Ты сам выдал себя, и не раз, — вздохнула я.

Генри приподнял бровь.

— И как же?

— Ты говорил о рассвете, будто уже видел его. Твоя сила схожа с силой Роберта Лэдсора-первой жертвы. И, самое важное, везде, где бы ты не появлялся, я чувствовала тьму.

Генри вздохнул.

— Я так старался скрыть это, но все уже не важно.

Он достал руку из кармана. В ней отвратительно горел зеленый шар.

— Господин Магс, — обратился он к Александру, — Позвольте продолжить с вами начатое.

Александр промолчал. Вместо он лишь взмахнул рукой, и Генри сбило с ног столпом воды. Я ахнула: не ожидала, что Александр способен на такое.

— Розалинда, — Александр схватил меня за руку, — Нам надо вернуться в зал четырех комнат, у меня появилась идея...

Но договорить он не успел. Ноги наши сковало и мы упали на лестницу. Я посмотрела вниз — черные призрачные рук теней, выползающие из-под ступеней, держали нас за щиколотки.

— Не так быстро!

Генри уже оправился. Он был весь мокрый и, похоже, начал раздражаться. Это показывалось вздутыми венами на его лице, и нездоровым блеском глаз.

Мы с Александром пытались высвободить ноги, но ничего не помогало.

— Вы тоже остались? — послышался голос сверху лестницы, и мы увидели Грэйс Арон. Вернее то, что ею когда-то было. Теперь перед нами стояла ведьма. Волосы ее были распущены, и струились словно змеи, по плечам. Губы горели алой помадой. Платье показывало почти все, что может показать женщина.

Александр бросил на нее взгляд, и тут е глаза его замерли. Он понял то же, что и я — ждать помощи от Грэйс нам не стоит.

Она достала из декольте какой-то мешочек, достала его содержимое, дунула в нашу сторону, и все поплыло черными кругами. Мы погрузились во тьму.

Итак, Свод Правил Детектива Господина Холмса:

1 Всегда проверяй место своей локации. В любом месте преступления могут быть ловушки. Проверяй все досконально, если не хочешь умереть.

2 Никогда не сближайся с людьми, которых подозреваешь в убийстве. Если, конечно, не хочешь умереть...

3 Имей запасной план. Если ты не хочешь умереть.

И — 4 — , но самое важное: будь готов умереть.

Я провалилась по всем пунктам. И теперь все заканчивалось так, как должно было кончиться еще десять лет назад.

Первый этаж был залит водой по колена. Мое тело было залито водой. Глаза смотрели на все, сквозь водную пелену. Губы лишь слегка шевелились. Иногда в рот просачивался кислород. Чаще — в него заливалась вода. Руки, ноги, голова — все мое естество тянулось ко дну. Я хотела умереть. Я была готова умереть. Все, что угодно, лишь бы выбраться из водного плена. Я ненавидела и презирала себя за такую трусость, но, вместе с тем, готова была изорвать кожу, лишь бы мои кости скорее пошли ко дну. Но что, если под моей кожей, вместо крови, тоже вода? Что я буду делать тогда?! Вода, вода, вода...

Я открывала и снова закрывала рот, ловя хоть немного воздуха, но внутрь попадала лишь вода. И, когда мои легкие были полны ею, когда глаза стали видеть лишь тьму, чья-то руку схватила меня за волосы, и приподняла над поверхностью.

— Знаете, я ведь не хотел убивать отца, — грустным голосом сказал Генри. Его рука разжала мои волосы. Я опять погрузилась в воду.

Потекли новые мгновения, похожие на годы пыток, пока Генри снова не выловил меня из воды.

— Да, я знал, что Роберт мой отец, — продолжил Генри сентиментальничать, — И он тоже этого сильно не скрывал. Не признавал официально, но и не скрывал. Порой он даже навещал меня у матери...

Рука разжалась. Я полетела вниз — в свой водный кошмар.

Вода. Вода... Когда же она поглотит меня?

И опять рука Генри в моих волосах.

— Знаете, когда отца приговорили к лишению силы, я решил во что бы то и стало попасть в комнату после ритуала. Я хотел смягчить его боль. Мои пальцы прочли завещание архитектора. Я знал все ходы теней. И вот я был в комнате. Возле отца. Я чувствовал и не чувствовал его одновременно. Его магия ушла. Осталась только его жизнь. Такая пустая, без нее... Я положил руку ему на голову. Та была холодной, в поту. Я погладил его волосы.

— Генри, мальчик мой, это ты? — проговорил отец.

Я кивнул. Я надеялся, он видит меня. Моя рука начала передавать ему целительную силу, но тут...

Генри резко отпустил меня. Полетели мгновения моей пытки. Но на этот раз Генри вытащил меня быстрее, чем раньше.

— Вы когда-нибудь держали руку на пульсе человека, вены которого перерезаны? — спросил он меня.

Я не ответила. Я не могла. Но ответа было и не нужно.

— Это было примерно так, — продолжил Генри, — Отец был настолько слаб, что его жизненная энергия утекала, словно кровь из вены. И я почувствовал ее. Горячую, струящуюся. Я нащупал жилу, хотел заткнуть ее, остановить, вернуть на место, помочь отцу... Но она была такая горячая, такая невыносимо желанная. Невольно, наши каналы соединились. Ах, Розалинда, я ведь этого не хотел...

И моя голова снова полетела в воду.

Когда Генри достал меня за волосы, голос его был мрачен.

— Я пытался остановить поток его энергии, но вдруг я увидел свет. Сначала слабый. Потом все ярче. Я обретал зрение. Это было волшебно. Отец начал кричать. Вернее, пищать — писк, это все, что от него осталось. Но я уже не слушал. Я раздавил его, словно назойливую мышь. Я выпил его полностью. Я снова мог видеть...

Генри вздохнул. Я оказалась под водой. Тело мое не слушало меня. Разум замутнялся. Мне не хватало кислорода. Я...

— Мое зрение продлилось чуть меньше года, — продолжил Генри, вынимая мою голову из воды, — Я был подавлен. Но подходило время и нового аукциона. Это радовало. Я снова убил, и снова видел.

Впрочем, меня — то есть убийцу — уже искали.

Генри хотел отпустить меня, но передумал. Вместо он сильнее сжал мои волосы, притянул мою голову к своему лицу. Наши глаза встретились.

— Этот аукцион должен был стать последним. Я хотел высосать силы всех его участников. Не протестуйте, Розалинда, тут нет достойных жизни людей. Одни грешники. Один ад. Я думал разыграть трагедию. Сжечь поместье. Инсценировать и свою смерть в огне. Дальше я хотел залечь на дно. Жизненной силы всех мне хватило бы на годы зрения. Но вы вмешались. Благодаря вашим предупреждениям Освальды нашли способ бежать отсюда. Они прихватили старика Арона, лициятора и Хьюгсона. А я так рассчитывал на их силы. Теперь же остались только вы, милый Александр, и Грэйс... Но она согласилась помочь мне, поэтому сил у меня будет меньше, чем я рассчитывал, и все же...

Генри поднес ко мне руку. В ней светился зеленый фонарик-артефакт.

— Начнем? — спросил он.

Меня вырвало на него водой. Дальше была лишь тьма.

Из отчета Розалинды Шаллоу г-ну Холмсу.

«...Примерное время, которое я провела без сознания — полтора часа. За это время я не могу дать Вам полного отчета о действиях, происходивших в поместье. Все мои знания основываются на рассказах господина Магса, г-на В.Кингсбери, и г-на Т. Ньюмана. Но вот свод того, что мне удалось узнать:

Подозреваемый — Генри Соквел был намерен произвести надо мною ритуал лишения силы, после чего в его планы входило высосать из меня всю жизненную энергию. В этот момент Генри был уверен, что г-н Магс находится без сознания и охраняется г-жой Арон. Это был просчет со стороны Соквела. Г-жа Арон, за некую предоставленную ей информацию, перешла на сторону г-на Магса. Она разрешила тени, державшие его серебряным ножом (улика № 2 см. стр. 50 отчета). Г-н Магс подошел сзади Соквела и использовал захват как раз в то время, как Соквел начал пить мою жизнь. Полагаю, развязалась драка. Учитывая истощение ресурсов г-на Магса (см стр. 60 отчета), Соквел побеждал. Но перевес в сторону выжившей партии создала г-жа Арон. Она нанесла г-ну Соквелу несколько ударов серебряным ножом (та же улика № 2 см. стр. 50 отчета) в спину. Данное действие г-жи Арон я оставляю без своих комментариев. Они не в моей юрисдикции. Так же я не могу точно зафиксировать количество ударов, полученных г-ном Соквелом. Свидетели — г-н Магс — утверждают, что их было три. Но после них тело Генри Соквела (так же, со слов свидетелей) «обратилось в тень и растворилось во мраке». Вышестоящее образное описание не принадлежит мне. Все права — г-на Магса. Свидетельств г-жи Арон я не имею. Данная лэди исчезла, лишь только вокруг поместья спала вода. Никто не может сказать когда, или куда она направилась. Г-дин Магс не имел возможности преследовать Соквела. Силы г-на Магса были на исходе, и он, по его словам, был слишком обеспокоен моим состоянием. Он и г-жа Арон вытащили меня из воды и перенесли в спальню, занимаемую мною во время аукциона. Там был проведен беглый медицинский осмотр моих повреждений, и оказана первая необходимая помощь. Через полчаса после описанных событий в поместье прибыли г-н Кингсбери и г-н Ньюман. Способ их прибытия в изолированное водой поместье — хрустальные лодки, управляемые силами двух стихий (вода, воздух) и охраняемые от водных чудовищ третьей стихией — огонь.

Примечание к отчету:

Изобретение г-на Освальда и г-на Хьюгсона. (артефакт с места преступления № 5. Подробный отчет у г-на В.Кингсбери, и г-на Т. Ньюмана). Даже в официальном отчете, я позволю себе заметить, что изобретение это уникально. Особенно учитывая на сжатые сроки времени, в которое оно было проделано. Г-н Освальд использовал в нем свой жидкий хрусталь — легкую и гибкую массу, способную на любые формы. А г-н Хьюгсон — применил все свои познания трех стихий, чтобы осуществить движение лодок. По показаниям свидетелей — г-н Освальда, г-на Хьюгсона, г-жи Освальд, г-на лицитора и г-на Арона — они смогли сбежать из поместья на этих лодках еще до того, как Соквел начал охоту на участников аукциона. Так же на лодках были транспортированы наши лошади. (см показания вышеупомянутых свидетелей в доп. к отчету № 3).

На вопрос, почему г-жа Арон не была взята на лодки, свидетели умолчали. В виду того, что в мою работу не входит разбор моральных принципов участников аукциона, я оставляю этот вопрос не исследованным.

Отчет (продолжение):

По прибытии г-на В.Кингсбери, и г-на Т. Ньюмана видимой опасности в поместье Четыре Ручья не оставалось. Об их исследовании помещений и опросе свидетелей прошу посмотреть отчеты г-на В.Кингсбери, и г-на Т. Ньюмана непосредственно.

На обретение мною энергии и сил мне понадобилось два дня. Уход за мною взяла на себя г-жа Освальд, вернувшаяся в поместье через три часа после окончания аукциона — сразу после спада воды вокруг. Отчета о своем общении с г-жой Освальд я не прилагаю, ибо были затронуты лишь сугубо личные женские темы. Расследование не упоминалось. За это время я так же два раза видела г-на Магса. О выражал мне благодарность за работу и просил прощения за ее издержки.(под «издержками» я имею возможность моей смерти). Иного общения между нами не происходило, ибо по состоянию здоровья я сняла с себя обязанности по расследованию и предоставила г-ну В.Кингсбери, и г-ну Т. Ньюмана закрытие дела.

Последним пунктом хочу указать, что на данный момент состояние всех участников аукциона я расцениваю как удовлетворительное.

Г-н Фредерик избежал теней Соквела благодаря своей трубке (улика № 3 см стр. 40 отчета). Его рука в данный момент находится в гипсе. Других повреждений нет.

Г-жа Освальд — без повреждений.

Г-н Освальд — без повреждений. Прибавлю от себя, что он единственный, ктс полностью счастлив в конце аукциона. Его изобретение — жидкий хрусталь — главный претендент на Королевскую премию этого года.

Г-н Хьюгсон — без повреждений от Соквела. Его рука и нога сейчас протезируются.

Г-н Арон все еще в моральном потрясении. Его состояние стабильно, но он не с кем не разговаривает.

Г-жа Арон — исчезла. (см. отчет г-на В.Кингсбери, и г-на Т. Ньюмана)

Лициатор — без повреждений.

Г-н Магс — восстанавливал силы примерно день. На данный момент без повреждений.

Генри Соквел — пропал без вести.

Умер он от ударов г-жи Арон или же просто лишился сил Мастера Теней и исчез — загадка, которую я не могу пока разгадать.

Г-жа Магс приезжала на третий день после конца аукциона. Мы виделись. Наш разговор был краток. Она сняла печать с моей руки. Поблагодарила за работу. Оплата — на ваш счет в банке Кирпичных Труб. Как работодатель, она закрыла дело.

Высылаю Вам отчет с Ватсоном.

Мой отъезд из Четырех Ручьев состоится сегодня днем.

Конец отчета.

Королевский детектив,
Розалида Шаллоу»

Я собрала все свои вещи, сняла прекрасное платье госпожи Магс, столь любезно одолженное мне на аукцион, и надела свой дорожный брючный костюм.

— Какое облегчение! — вздохнула я, откидываясь в кресле у письменного стола.

За окном светило солнце. Аукцион кончился. Вода, окружавшая поместье, вот уже четыре дня, как спала. Теперь вокруг лишь изумрудная трава.

Я сижу в кресле, поглаживая холку Ватсону. Прекрасный, благородный ворон. Он спас меня. И не один раз. Без информации, которую он приносил, без писем, которые я через него отправляла — я уже была бы мертва. Надо найти ему невесту. Какую-нибудь милую вороницу...?

Мои размышления о любви воронов прервали. В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, вероломно вошли Вильям и Терри.

— Чего вам? — не открывая глаз, спросила я.

Церемонится с младшими детективами (Вильям и Терри еще не прошли королевскую аттестацию) я не собиралась. С них и так слишком много чести: я ведь позволила допросить своих свидетелей, и написать дополнения к моему отчету по делу.

— Розалинда, — начал Вильям, слегка запинаясь.

(Надо сказать, что бедняга старше меня на пять лет. Он женат. Очень порядочный человек. Слегка грузноват, но имеет цепкий ум. И все же, почему-то до смерти боится меня... Может от того, что я выиграла у него ни одну партию шахматы, где он считается знатоком? А может я лишь много из себя строю. Не знаю, и знать не хочу.)

— Розалинда...

Ах, да, Вильям там что-то говорил...

— Как ты?

Я пожала плечами.

— Отлично. обожаю водичку, вы ведь это знаете?

Вильям с Терри кивнули, и тут Терри задал не самый уместный вопрос:

— Кстати, Роза, почему ты ее так не любишь?

Я снова пожала плечами. Что мне было им ответить?

Но ребята смотрели на меня и явно ожидали ответа на свой вопрос. Ладно...

— Когда мне было восемнадцать, — начала я, — Я любила одного человека. И думала, что он любит меня в ответ. Мой суженный был из высшего сословия. Я — дочь крестьянина. О нашем романе узнал его отец. Тот был магом воды. Однажды он пришел ко мне, и сказал, что я должна бросить его сына. Я отказалась. И тогда отец моего возлюбленного начал топить меня. Я ведь уже говорила, что он был магом воды? Так вот: он заключил меня в водный пузырь, и держал до тех пор, пока в моих легких не начинал кончатся воздух. Потом он смотрел, как я захлебываюсь, и отпускал меня. Едва я приходила хоть немного в себя, он снова спрашивал, брошу ли я его сына. Я отказывалась. И все начиналось по новой. Не знаю, сколько это продолжалось. Под конец сознание совсем ушло от меня, но, видимо, что-то пошло не так, и мне все же удалось сбежать. Вот такая история.

Вильям и Терри смотрели на меня, не скрывая ужаса в глазах.

— Ничего страшного, — сказала я, — Все это было давно.

Повисло молчание. Потом Вильям прочистил горло, набрался храбрости и сказал:

— Мне очень жаль. Прости нас за любопытство. Но вернемся к делу. Тебе не кажется неуместным закрывать расследование, когда главный подозреваемый — Генри Соквел — исчез, не оставив и следа? У нас ведь нет тела, чтобы наверняка запротokolировать смерть...

Я приоткрыла глаз. Лишь один. В щелочку ресниц я увидела Вильяма, слегка краснеющего, и Терри, стоящего у него за спиной.

— Я думаю, мы должны найти госпожу Арон, чтобы составить лучшую картину произошедшего, — заметив мой взгляд, вышел из-за спины Вильяма Терри.

Маленький ростом, тонкого сложения, и очень проворный — Терри стал бы отличным вором. Но он предпочел иной путь. Что ж, выбор его.

— Вильям, Терри, — вздохнула я, выпрямляя спину, и, с неохотой, открывая глаза, — Дело закрыли не мы, а госпожа Магс. Напоминаю Вам, что она являлась заказчиком данного расследования. И что расследование это — сугубо конфиденциальное. Мы — вычислили убийцу. Мы — предотвратили новые смерти. Заказчик — закрыл дело. Это и все.

Вильям и Терри смотрели на меня так, будто не верили своим ушам.

Да, я и сама не согласна с данным раскладом событий. И я протестовала. Мы с госпожой Магс говорили долго. Намного более бурно, чем мне следовало говорить с дамой ее положения. И она не преминула мне об этом напомнить. Тонко и аккуратно, но мне дали понять, что дальнейшего расследования от нас не ждут.

Что же до Грэйс Арон... Отец тоже не искал ее. И я не хотела этого делать. Сколь не противоречива была ее фигура во всем деле, но она спасла нас с Александром. За это мы должны дать ей то, о чем она так мечтала: свободу.

— Дело закрыто, — повторила я, сурово глядя на своих коллег.

— Но Розалинда, — начал раздражаться и Терри, — Мы не понимаем, почему?

— Тут все дело в такой отвратительной мелочи, как честь, — раздалось у них за спиной.

Терри с Вильямом обернулись. Прямо за нами стоял Александр. В дорожном костюме. Гладко выбритый. Как всегда отвратительно красивый.

— Мы не можем допустить дальнейшего хода дела, чтобы не пятнать честь всех, кто был на этом аукционе, — мягко сказал Александр, обходя двух детективов, — И пусть на деле, мало у кого в этом здании осталось и грамма чести, но есть еще иллюзии чести при дворе, и их мы не должны трогать.

Вильям и Терри стояли молча, переваривая слова Александра.

— Розалинда, — подал он мне тем временем руку, — Позвольте я провожу вас до дилижанса.

Я протянула свою руку на встречу его руке.

Вечер был тихим и теплым. Вокруг недавно протоптанной тропинки, бегущей от Четырех Ручьев, тянулась ввысь зеленеющая трава. Мы шли рядом, но никак не касаясь друг друга. Александр нес мой небольшой чемодан. Я хотела и не хотела начать с ним разговор. Поэтому мы шли молча. Я чувствовала, как по спинам скользят взгляды Вильяма и Терри, вышедших проводить нас до ворот, ведущих на первый этаж. Мои коллеги не доверяли мне. Они не понимали, почему дело закрыли. Не могли понять, как я на это согласилась... Пожалуй, надо будет выпить с мальчишками, когда все закончится... Но Вильям и Терри оставались все дальше и дальше от нас. До того места, где меня мог подобрать дилижанс было еще далеко, а мы все еще шли молча.

— Розалинда, — начал наконец-то Александр, — Я должен вам свои извинения.

Ох, только не это...

— Я был не справедлив к вам. С самого начала я строил из себя луна знает что, врал вам, скрывал информацию. Это могло всех убить.

— Перестаньте, — вяло сказала я.

На душе у меня скреблись кошки. Моральных сил после аукциона совсем не оставалось, и я не отела слушать очередную исповедь.

— Убить всех мог только Генри.

Александр остановился. Резко.

Его взгляд уперся в меня.

— Я был горд и сожалею об этом, — медленно проговорил он, — Прошу, не дайте теперь Вашей гордости не принять мои извинения.

Говоря это, Александр был бледен, и очень серьезен. Даже вены на лбу слегка вздулись. Я посмотрела в его честные, печальные глаза, и... расхохоталась.

Александр сглотнул.

Я вытерла слезинку, навернувшуюся на глаза.

— Простите, — мягко сказала я, — Просто у вас такой вид...Ох...И я отрекаюсь от извинений не из гордости.

Я перестала смеяться. Я выдохнула. На глазах остались лишь слезы.

— Я все понимаю, — сказала я, — К тому же, Вы — спасли мне жизнь.

— Увы, я хотел. Но нас обоих спасла Грэйс, — слабо улыбнулся Александр.

Тут я решила задать давно интересующий меня вопрос:

— Но это ведь Вы убедили ее помочь. И я хотела бы узнать, как...?

Александр посмотрел на меня как-то странно.

— Вы правда не помните ничего из того, что произошло после того, как Генри начал пить вашу жизненную силу?

Вопрос мне не понравился.

Александр снова пошел по дороге, больше не смотря мне в глаза.

— Грэйс усыпила нас дурман-порошком. Он был припасен у нее на тот случай, если ее лот все же возьмет Фредерик. Как видите, она собиралась бороться до конца... Генри тоже пообещал сохранить ее жизнь, если она поможет нам расстаться с нашими, — сказал Александр, — Впрочем, Грэйс не верила Генри. и так же, она хотела узнать у меня кое-что.

По правде говоря, она хотела узнать у меня, где ее ребенок.

Я приостановилась. Александр продолжал идти.

— Я гостил у Аронов перед несостоявшейся свадьбой Грэйс. Вы уже знаете это. И я заметил странности в поведении девушки... Однажды вечером, я увидел ее выходящей из старого сарая на отшибе поместья. В руках у Грэйс был какой-то сверток, и она сильно нервничала. Я насторожился, и решил проследить за ней. Очень скоро я услышал детский писк, и понял, что, а вернее, кого держит Грэйс. Но в тот момент, когда она подошла к колодцу, я и представить себе не мог, что она сделает... А потом я увидел, как она кладет дитя в ведро и опускает его на самое дно колодца. Я мог остановить ее, но не стал. Я не знал, на что она способна в таком состоянии. Я решил подождать. Едва она скрылась — а убежала с места преступления Грэйс очень быстро — я ринулся к колодцу и достал ребенка. Он не успел даже переохладиться. Я снес ребенка в деревню, принадлежавшую соседнему графу, и не зависящую от Аронов. Я отдал его местной доярке. Позже, я подыскал малышу другой дом. Грэйс не должна была знать, что ее сын жив. Но она знала, что я узнал ее тайну. Я сам раскрыл себя — когда отец Грэйс решил вступить за нее, я посоветовал ему не делать этого. После меня выгнали из дома Аронов. На аукционе мыс Грэйс не общались. Она думала, что ребенок ее мертв. Она готовилась поплатиться за это. А я знал — что он жив. И не сказал ей. Не сказал, до самого последнего момента. Но когда на кону стояла наша с вами жизнь, я раскрыл карты. Грэйс сказала, что поможет, если я скажу, где ее ребенок. И я сказал. Теперь я никак не могу понять, хорошо это или плохо...

Александр говорил уже более для себя, словно исповедь, и я покорно слушала.

— Грэйс ведь мать малыша. Но она же была и его убийцей. Какое право я имел раскрыть его местоположение? Какое право я имел молчать, что он жив?

Мы остановились. Глаза ниши встретились.

— Я не знаю. Не спрашивайте, — тихо сказала я.

И тут Александр рассмеялся.

— Ох, Розалинда, простите, это не смешно, но...

Александр смеялся и смеялся, не в силах остановиться.

И я рассмеялась в ответ.

Странно. Необъяснимо. Аукцион был королевским орудием, его судом. И целью этого суда, его высшим наказанием, была не потеря эфирной чести, нет. Цель аукциона — свести с ума. С ума сошел бедный мальчик Генри, ставший жестоким убийцей. С ума сошла аристократка Грэйс, разрывавшаяся между своим грехом и своими желаниями. С ума сошел ее отец, пытавшийся оставить дочь ангелом в глазах мира. С ума сошел Сэлвер Освальд, решивший отдать труд своей жизни за любовника сестры. С ума сошла Аманда, предлагавшая свое тело как лот. И сумасшедшим был Курт Хьюгсон, любивший так сильно, что он предпочел любовь своим руке и ноге. Фредерик уже давно был сумасшедшим. А лицiator — горный эльф — лишь он остался просто лицiatorом. Что же до нас с Александром, то мы смеялись. Смеялись до слез. Выплескивая горе, страх, боль, ужас и тьму, поселившиеся в нас на аукционе.

И вдруг мы остановились. Мгновенно. Оба. Дыхание наше было сбито. На глазах все еще стояли слезы.

Губы Александра что-то прошептали. Я не слышала.

Он повторил еще раз. Кажется, это было мое имя.

— Да? — мягко спросила я, использую последний кислород, оставшийся в моих легких.

И в этот момент мы услышала стук копыт. За приятной беседой, мы уже вышли к лесной дороге. К нам приближался дилижанс.

В мгновение ока черная карета оказалась возле меня.

— Едешь, красатуля? — окликнул меня извозчик.

Я кивнула.

Александр закинул наверх мой чемодан. я поставила ногу на подножку дилижанса.

— Розалинда, — вдруг услышала я.

Я обернулась. Александр смотрел на меня, протягивая мне руку.

— Розалинда, — повторил он.

Я спустилась с дилижанса. Мои руки оказались в его руках. Александр посмотрел мне в глаза. Мое дыхание остановилось.

— Розалинда. Пожалуйста, смените работу, — сказал он.

Мои руки выскользнули из его. Я запрыгнула в дилижанс.

— И не мечтайте! — подмигнула я Александру, садясь у окна.

Александр вдохнул, явно разочарованный.

Дилижанс тронулся с места.

Из записок г-на Холмса

Я еду в Пески. Мрачное, мало приветливое графство. И я, как и многие путешественники до меня, непременно объехал бы его стороной, но, увы, дела звали меня именно туда.

Путь в Пески не близок. По дороге, мне надо сменить несколько экипажей, и, к моему огромному удовольствию, часть моего маршрута пересекается с моей лучшей ученицей детективного курса — Розалиндой Шаллоу.

Я знаю, Розалинда спешит в Альман — так называемый Город Ведьм, и потому, если расчеты мои верны, я должен подобрать ее на остановке дилижанса примерно через полчаса.

Наша встреча важна.

Дело, которое я поручил ей, закрыто при многоточии. И мне нужно обсудить с Розалиндой вещи, не вошедшие в ее официальный отчет.

Заранее я заплатил вознице, и теперь я еду один, в ожидании своей ученицы.

Розалинда Шаллоу...

Впрочем, вот и она.

Сначала я вижу маленькую фигурку на горизонте, потом, по мере приближения, формы и очертания прорисовываются все четче.

Я подбираю Розалинду в Степях — просторном графстве, сплошь засеянном зерновыми культурами. Из окна дилижанса кажется, будто мы едем по золотому морю, так колышется вокруг нас пшено. И седи этих волн, словно русалка на камне, сидит на своем небольшом чемодане Розалинда.

Одета она, как всегда, в брючный костюм. Пиджак снят. Верхние пуговицы кофты растегнуты в жаркий день. Многие сказали бы, что женщина, одетая так, играет с огнем. Но я знаю, что обожжется лишь тот, кто притронется к Розалинде первым.

Дилижанс останавливается. Я открываю дверь. Розалинда видит меня, широко улыбается и приветливо машет рукой. На лице ее нет и капли удивления. Возможно, она догадывалась, что я найду способ встретиться с ней лично. Возможно, ей об этом сообщили.

Я приглашаю ее в дилижанс.

С улыбкой, она забирается ко мне внутрь. Возница кидает ее чемодан наверх. Мы трогаемся с места.

— Я поздравляю Вас с закрытием Вашего первого дела, — начинаю я с формальностей.

Розалинда спокойно пожимает плечами.

— Вы, как и я, знаете, дело далеко от закрытия.

Я молчу. Еще в молодости, как детектив, я не оставил бы этого так. Но теперь мой возраст преклонен. Я пожил в свете. И я знаю, что есть обстоятельства, которые могут быть выше нас. Как есть и люди, дороги которых лучше не пересекать.

— Вы предотвратили убийство, — наконец говорю я, — И этого, на данный момент, достаточно. Мне, вам, госпоже Магс, и даже королю...

С этими словами я вынимаю из кармана небольшой свиток, и протягиваю его Розалинде.

Глаза ее загораются.

Надо признать, Розалинда не преувеличивает, когда пишет, что она — красива. Это

правда. Ее черты не совершенны, но, не смотря на это, они идеальны. Как такое может быть? Ответ — жизнь. Она струится сквозь Розалинду, озаряя ее при каждом ее движении, при каждой улыбке. Хотя, мне она больше нравилась с каштановыми волосами и без веснушек...

— Это он? — спрашивает меня Розалинда, указывая на свиток.

— Да, — киваю я, — Лицензия детектива и грамота на владение магией. Вы сможете пройти церемонию принятия магии, как только выберетесь в столицу.

— Ну, это подождет, — спокойно говорит Розалинда, откидываясь назад. Она кладет свиток в свою сумку и даже не смотрит на него.

Я улыбаюсь: владеть магией — заветная мечта Розалинды, но, конечно же, у нее есть дела много важнее, и она знает это.

— А теперь, — говорю я уже более деловым голосом, — Я хотел поговорить с вами о записках, которые вы присылали мне к отчету.

— А что с ними? — невинно спрашивает меня Розалинда.

— Ничего, — отвечаю я, — Великолепные записки.

Да, это правда. Когда я попросил Розалинду вести записки по делу, я не ожидал материала, который я получил. Розалинда писала в форме дневника. Она рассматривала подозреваемых. Не отрицала свои эмоции. Четко обрисовывала ситуацию. Много раз, она давала личную точку зрения. Частично, она даже впустила меня в мир своих душевных переживаний. Это было великолепно. Если бы я не знал, что часть из написанного Розалиндой — ложь.

Нет, Розалинда не укрывала фактов по делу. Там все чистая правда. Но о себе она сказала ровно три лжи. И множество недоговорок. Я не хочу залезать ей в душу. Я ее начальник. Ее душа — не моя забота. И потому я обойду все личное, о чем соврала Розалинда. И все же, я знаю о ней больше, чем она думает.

Розалинда Шаллоу. Валери Вествуд. Эмилия Сол. Рыжеволосая. Шатенка. Брюнетка. С веснушками. Без. Глаза зеленые, карие, черные. Волосы длинные прямые. Вьющиеся. Коротко стриженные. Все это не важно. Астра — так зовут мою ученицу в кругах другого ее учителя — профессиональная воровка высшего класса.

Откуда мне это известно? Я — детектив. К тому же, Розалинда давала очень много смелых намеков по всем своим запискам. Ее наблюдательность, ее навыки выуживать информацию, вкрадываться в доверие к людям, видимая открытость характера, сочетающаяся с полным сокрытием всего личного — не слишком ли много для девушки, работающей в пекарне?

Да, конечно, Розалинда писала, что работала и на других работах — она была странствующим картографом и чтицей. И это еще один плюс в пользу моих доводов.

Только под именем Розалинды, Астра провернула две очень крупных и смелых аферы.

Дело в том, что каждая работа Розалинды была выбрана ею, (или скорее для нее?), не просто так. Каждый раз, берясь за дело, Розалинда имела цель.

В то время, когда она работала картографом, в ряде графств, проходимых ею, случались необъяснимые исчезновения артефактов и ценностей. Почему же никто не принялся искать девушку — картографа? Хм... Тут я должен заметить, что понятия ценностей у всех разное. Кто-то, конечно, заметил пропажу фамильной шкатулки, но кому-то и даром не нужна старая шляпа пра-прадеда. Поэтому крупных краж, или вернее сказать «потерь» — ведь все выглядело так, будто вещь просто потеряли сами хозяева — было лишь две. Шкатулка семьи Вояр и запонки господина Шарля. Мелкие потери, не так ли? Совсем не повод для криков и

шума. Но вещи эти, наряду с остальными, еще более незначительными предметами, несли в себе нечто большее, чем материальную составляющую. Те, с кем работает Астра, знают, важен не вид вещи, важна ее энергетика. И каждый «артефакт», собранный Розалиндой, имел огромную силу. Я выяснил это, пройдя ее маршрутом и составив лишь примерную карту ее трофеев...

Что же до работы «чтицей», то тут целью были не вещи. Целью были слова. Читая родословные и исторические трактаты, Розалинда так же заглядывала в семейные книги по магии, целительству, науке. Она собрила знание. Но, учитывая то, что все книги были частных закрытых библиотек, и хозяева не стали бы делиться ими по собственной воле, можно сказать — Розалинда воровала и тут.

Зачем? Этот вопрос лучше задать тем, к кому Розалинда так спешит в Город Ведьм.

Кстати, я не удивлюсь увидеть там всех добрых славных пекарей, с которыми Розалинда работала до прихода на мои курсы.

Женщина, которую Розалинда в записках звала «тетушкой», никак не является ее родственницей. Так же, как пекарня не является главным делом «тетушки». Впрочем, эти дела меня сейчас мало интересуют. Все, что я хочу узнать, я могу и спрошу у Розалинды прямо сейчас.

— Вы не уточнили, получили ли вы от Освальдов перстень, — мягко сказал я.

Розалинда приподняла бровь. Она опять не была удивлена. Скорее слегка раздражена моей прямолинейностью, не более.

— Не бойтесь, мне он не нужен, — спокойно пояснил я, — И я не собираюсь выдавать вас.

Розалинда выпрямила спину. В глазах ее сверкнул неприятный огонек, ранее не виденный мною.

— Выдавать меня? Я не совершила ничего такого, о чем честная лэди могла бы пожалеть, — сказала она с полуулыбкой.

— Я знаю.

Розалинда прикрыла глаза. Снова откинулась назад. Вздохнула.

— Да, перстень у меня, — наконец ответила она.

— Я рад.

Тело Розалинды слегка встрепенулось, но глаз она не открыла.

— Что теперь? — устало спросила она.

Забавная девушка. Хрупкая и сильная одновременно. Редкое качество.

Я улыбнулся, в тайне радуясь, что она этого не видит.

— Розалинда, я хочу предложить Вам работу.

Глаза Розалинды резко распахнулись. Впервые она уставилась на меня с удивлением.

— Я знаю вашего учителя уже много лет. И много лет мы играем с ним, меряя силы, — признался я, — Но теперь, когда мне выпала честь разделить с ним вас — стать немного вашим учителем тоже — я не согласен больше играть. Вы — человек. И вы — ужасно талантливы. Я не могу позволить заглохнуть вашему таланту детектива, и потому я предлагаю мир. Работайте на него. И работайте на меня. Теперь мы — друзья.

Я был искренен. Я знал и уважал Альфреда, хоть и не всегда с ним соглашался. И я никак не хотел губить Розалинду. Но мне нужен был ее ответ.

Розалинда внимательно посмотрела на меня. Чуть нагнулась вперед. Прищурила глаза, изучая меня. Потом откинулась назад и лучезарно улыбнулась.

— Я согласна, — пропела она.

На моей душе стало легче.

В этот момент дилижанс остановился, и извозчик объявил, что Розалинде пора выходить.

— Вы можете рассчитывать на меня, господин Холмс, — сказала Розалинда, выходя из дилижанса, — И, если я вам понадобится, пишите мне на этот адрес.

Она протянула мне вынутую из кармана небольшую карточку, взяла свой чемодан и, не оглядываясь, пошла прочь, по направлению к Альману. Я тоже не стал тратить время на прощальные взгляды.

— Трогай! — крикнул я извозчику.

И, когда вокруг послышался стук лошадиных копыт, я, из любопытства, посмотрел на карточку Розалинды. Там был ее адрес в Альмане, и простая надпись:

«Розалинда. Детектив»

Из личного дневника Александра Магса

«А я так долго искал ее...

Впрочем, здесь красиво. Бесконечные пшеничные поля, да бледно-алый горизонт. Такое ощущение, будто я нахожусь где-то на конце света. Но это не так. Я в окрестностях Альмана — города ведьм. Здесь мало кто живет. Крестьяне — бояться. Маги — не любят местной компании. Ведь Альман известен как самый «развратный» и «мрачный» город королевства. Это правда. Причем чистейшая. В Альмане живут ведьмы, воры, чернокнижники, а еще куча бродяг, куртизанок и тех, кто скрывается в этом городишке от законов Гор. В свое время в Альмане жил и я. Смешно — я ведь так дорожу своей «честью». Но, как всем известно, «честь» — это лишь маска, которую надевает на себя человек в миру. Какой же он на самом деле — лучше многим и не знать... Впрочем, моя жизнь в Альмане уже кончена. Я приехал в него по делам. Я отдавал Грэйс Арон ее ребенка. Это — было частью моего соглашения с ней. Иначе — мы все могли бы погибнуть тогда- на аукционе. И все же я нервничал, отдавая матери ее дитя.

— Ну-ну, Александр, я не съем его, — улыбнулась мне Грэйс, принимая на руки малыша.

Мальчик — круглощекий симпатичный брюнет — расплакался, увидев незнакомую тетю, но Грэйс это не смутило. Она достала из сумки какую-то игрушку и показала ее мальчишке.

— Тсс. Тихо, мы подружимся, — сказала она, — Видишь? — и она снова завлекла его яркой погремушкой в виде птички.

Мальш отвлекся на эту ерунду и замолчал.

— Ты изменилась, — сказал я Грэйс.

Это было правдой. Грэйс носила алое платье, волосы ее были распущены. Я догадывался, что она занимается ведьмовством, но точно ничего не мог сказать.

— Александр, — внимательно посмотрела на меня Грэйс, — Я осталась прежней. Просто теперь я четко знаю, кто я. А ты?

— Прощай, Грэйс. Следи за своим ребенком и воспитай его хорошо, — ответил я.

Отвечать на ее вопросы я не считал нужным.

Знаю ли я себя? Что за глупости... Конечно нет.

Долгое время я считал отца своего тираном, а себя — бунтарем. Но все было не так. Я просто не помнил, или не хотел помнить часть своей жизни.

Да, на памяти моей стояла печать, но делал ли я что-нибудь, чтобы разбить ее?

Нет. До последнего времени — ничего. Все изменилось со смертью отца.

Моя мать нашла меня, и указала мне на семейный долг. Долг быть тюремщиком для знатных. Я не хотел этого всей своей душой, но поделаться ничего не мог — на мне, как на племенном жеребце, стояло клеймо — печать рода — и я должен был повиноваться ей.

И тогда я встретил(Или же меня свели?) Альфреда. Вора, специализирующегося на вскрытии магических печатей. Он обещал помочь мне. Это был странный, тихий человек. Не маг, но обладающий большими познаниями. Не детектив, но способный увидеть человека насквозь. Отличный стратег. Настоящий друг для тех, кто показал себя достойным его дружбы. У Альфреда был внук — мальчишка лет двенадцати. Я познакомился с ним на

базаре Альмана — откупил его от торговца, уверявшего, что Френк украл его яблоки. Украл их Френк или нет — так и не узнал, но мы с мальчиком подружились, и именно он и познакомил меня с дедом, когда мне нужна была помощь того.

Альфред внимательно выслушал меня, осмотрел мою печать, и сказал — что родовое клеймо не снять без наличия магии, но вот другую печать он уберет одной рукой.

— Другую печать? — удивился я. Я никогда не знал о ней.

Я попросил Альфреда провести ритуал. Печать, о которой я даже не знал, сломалась и я все вспомнил.

Вивиен Эствуд. Моя первая любовь. Мой лучший друг. Та, ради которой, думал я — я готов на все. Но увы...

Когда отец узнал о нас, и о том, что у нас будет ребенок, он пришел в ярость. Он избил меня до полусмерти, наложил мне в беспамятстве печать, а потом он пошел за Вивиен...

Что стало с ней? Что стало с нашим ребенком? Я был в ужасе. Но самым страшным было то, что я не понимал, как я мог забыть ее...? Я ведь любил ее, да? Так почему же память моя не скинула оковы сама? Разве не должно быть так при сильных чувствах? Альфред долго объяснял мне что-то про печати, и как они работают, но я не слушал. Я должен был найти Вивиен. Должен был узнать, что с нею случилось.

Я поехал туда, где жили ее родители, но нашел лишь могильные холмы — их унесла чума. Я расспрашивал о ней всех, кто мог знать, и всех, кто не мог... Но Вивиен словно исчезла. Меня радовало одно: отец не убил ее. Односельчане сказали, что после скандала она еще прожила месяц с родителями, но после того, как она покинула их дом, о Вивиен никто ничего не слышал. Тем временем приближалась пора аукциона. Мать хотела, чтобы его проводил я. Так я должен был перенять наследство семьи. Но, так же, она хотела разобраться с «проблемами» возникшими на последних двух аукционах. Я, к тому времени уже проведший один аукцион вместе с матерью, просил ее доложить королю, что мы не можем больше проводить их. Это не безопасно для жизни людей. Но матушка была непреклонна. Вместо, она решила нанять детектива, чтобы, по ее словам: «просто найти убийцу и продолжить жить дальше». Что ж, с печатью на руке я не мог перечить ей. В то же время Альфред прислал мне письмо, что некая Астра — его лучшая ученица — скоро поможет мне в моем вопросе. Все, что ей нужно — один семейных перстней, переданный добровольно, и немного магии. Но магия у Астры скоро будет, так что дело оставалось за перстнем. И я буду свободен от «уз» своей сумасшедшей семьи тюремщиков.

Мы с Альфредом договорились, что Астра придет к матушке под видом того самого детектива, и что перстень должен будет послужить оплатой ее услуг, и я был доволен сделкой пока не приехала она.

Вивиен Эствуд.

Я узнал ее. Сразу же.

Да, у нее были рыжие волосы, и эти дурацкие веснушки, когда я помнил ее очаровательной шатенкой, но сомнений быть не могло. Вивиен была Астрой. Спасая свою жизнь, она стала профессиональной мошенницей. Астра-Вивиен- представилась матушке как Розалинда.

Признаться, я был в бешенстве. Я столько искал ее, я хотел ей все рассказать, молить ее прощения, и Альфред знал об этом, но... Теперь она была здесь, и я не знал, что мне делать. Люблю ли я ее до сих пор? Помнит ли она меня? И как теперь быть с делом, ради которого она приехала?

Пока матушка проводила интервью, я думал. И в голову мне шло лишь одно решение: Вивиен не должна участвовать в аукционе. Я вышел из тени, в которой скрывался, и... Все слова мои были напрасны. Вивиен получила работу. Так начался мой персональный ад.

Я не мог рассказать матери, кто эта женщина, и что она для меня значит — это было слишком опасно, учитывая поведение моего отца по отношению к ней. Так же, я не увидел в Вивиен и тени воспоминаний обо мне. Возможно, на ее памяти так же лежала печать. Я должен был это проверить. Но до этого я должен был помешать Вивиен попасть на аукцион.

Однако, все мои попытки защитить ее, чуть не погубили всех. Какой я был дурак...

Что же до Вивиен (или же Розалиды?), то были моменты, когда я мог поклясться, что и она помнит меня. Но, едва мы подходили близко к этой тонкой черте, как все разрушалось, и мы снова становились чужими. И чем дальше шел аукцион, тем опаснее было подтверждать наши «воспоминания». Так, мы расстались «друзьям». Я проводил ее до дилижанса, и это был последний раз, когда я видел Розалинду Шаллоу.

Сразу по завершению аукциона, был тайный королевский совет, посвященный тому, что делать дальше с «опасным» наказанием.

После него моя мать была в бешенстве. Или мне так показалось?

Она кричала королю(!), что он совершает ошибку, но, когда я вечером заглянул к ней, мама была спокойнее статуи.

— Ты доволен, Александр? — спросила она меня, рукой указывая присесть.

— Да, — честно ответил я.

Матушка рассмеялась.

— И что ты теперь будешь делать?

Какой прекрасный вопрос. Ответ на него я знал уже давно, и он не зависел от решения суда, или же мнения моей матери. Я собирался поехать к Вивиен. Хотел поговорить с ней. Рассказать все. Тем более, что теперь я точно знал, как отношусь к ней.

Матушка понимающе посмотрела на меня.

— Александр, — тихо сказала она, и, впервые, я увидел, какая она усталая, — Ты должен знать, что я- не твой отец.

Я кивнул.

Матушка вздохнула.

— Это Я привела ее к тебе, и теперь выбор лишь твой. Я не буду отнимать его у тебя, как это было сделано много лет назад.

— Благодарю.

Я подошел к матери и поцеловал ее в лоб. Мне показалось, что в этот момент она плакала.

И вот я в окрестностях Альмана.

Пройдоха Альфред, не говоря ни слова, дал мне адрес, и вот уже скоро я увижу ее. Ее дом уже на горизонте — среди всех этих колышущихся, словно живые, колосьев.

— Привет, — вдруг я услышал возле себя голос.

Это был Френк. Я потрепал мальчишку по голове.

— Что ты делаешь здесь? — спросил я его.

— Я ловил куропаток, — Френк показал мне дичь у себя за спиной, — К тому же, вопрос: что Вы здесь делаете?

— Я пришел навестить старую знакомую, — сказал я.

— Здесь? — удивился Френк, — Кроме мамы и меня здесь никто не живет.

Я рассмеялся. Тяжело, хрипло, но, вместе с тем, я был счастлив.

Наконец мы подошли к небольшому кирпичному домику. Его хозяйка хлопотала во дворе, развешивая белье. Френк сразу побежал внутрь: готовить курапатов, как он мне сказал, и я остался наедине с женщиной, чье прощение мне было никогда не заслужить.

— А! Господин Магс! — улыбнулась Розалинда, увидев меня, — Какими судьбами?

— Я ехал к Вам, — ответил я.

— Большая честь...

Некоторое время мы молчали. Потом Розалинда спросила:

— Каково было решение тайного королевского суда?

— Ну, не столь уж он и тайный, если о нем все знают, — вздохнул я.

— И...? — она ждала.

— Наш род лишили права заниматься аукционом.

Повисла тишина. Розалинда посмотрела на меня с неким сожалением в глазах. Неужели она думала, будто аукцион что-то для меня значит?!

— Нет! Нет! Я рад этому, — поспешил разубедить ее я, — Вы...ты же знаешь, как не хотел я быть тюремщиком.

— Да, я знаю, — тихо сказала Розалинда.

Я подошел к ней ближе. Взглянул в ее глаза.

— Ты простишь меня? — спросил я.

— За что, господин Магс? — ответила она. И по ее глазам, я понял: она не помнит меня. Печать или нет, но она не помнила меня.

Я взял ее руки в свои, поднес их к губам.

— Прости меня за все, — произнес я, — За то, что помнишь, и за то, что забыла. А больше всего, за то, что забыл Я. Прости.

Я поцеловал ее пальцы. Слезы текли из моих глаз, и мне было невыносимо больно. Я любил ее. Любил...

— Я прощаю, — услышал я голос Розалинды, — И Вивиен тоже прощает.

Я резко поднял на нее глаза.

— Ты помнишь меня?

— Конечно..., но это не мешает тебе быть засранцем, — вздохнула Розалинда.

Я горько рассмеялся, а потом поцеловал ее в губы.

А я так долго искал ее... "

Больше книг на сайте - Knigolub.net